

ЛАВА

15

журнал поэзии

город слова

Харьков
2012
ТОЧКА

ISBN 854-966-9969-72-9

Главный редактор:

Богдан Ант – Герман Титов

Редакция

Богдан Ант
Виталий Ковальчук
Андрей Костинский
Евгений Кривочуприн
Герман Титов
Юрий Шкурко

Издание является неотъемлемой частью
проекта клуба поэзии «АВАЛ»
(руководитель – Андрей Костинский)

Дорогие Читатели!

Новый, 15-й номер
журнала поэзии «ЛАВА» посвящён слову в городе – и городу слова.

Лето для большинства горожан – время,
проведённое вне города, в крайнем случае – в ином городе,
тёплом, далёком и южном.
Но сентябрь неминуемо возвращает всё и вся на свои места.
А наше место, конечно, здесь – именно в этом городе.
Городе, который сам похож на поэму. Или сонет. Или – прозу.
Порою – «новых реалистов». Порою – фэнтези или даже детектив.

Но замечали ли вы – насколько по-разному звучат,
как прихотливо рифмуются и перекликаются причудливыми
урбанистическими диссонансами и ассонансами
улицы и переулки, парки и скверы,
недавно устроенные фонтаны и старые рытвины
знакомых с детства тротуаров?
У каждого города – своя музыка, свой тон, своя словесность.
Присущая только ему. Доступная – всем, кто хочет и готов слушать.

Прислушаемся же к городской прозе и городской поэзии,
словам города и словам в городе.
Ранняя осень – самое благодатное для этого время.

*Редакция
журнала поэзии «ЛАВА»*

Новые произведения присылайте по адресу:

coast-in-sky@mail.ru
germanostitois@mail.ru

Телефоны редакции

(057) 759-72-28 и (097) 259-33-68
сайт: avalpoem.ru

Группы ВКонтакте

АВАЛ, АВАЛГАРД

ПОЭЗИЯ

ПРОСПЕКТ

ПОЭЗИЯ

Богдан Ант

Харьков

СЕРДЕЧНЫЙ БОЙ

Сердечный бой звучней колоколов.
Его набат все явственней и строже –
Хоть пройден круг, и век заветный прожит,
Душе зачтен ее слепой улов...

В обители ее кишмя химер,
А в зеркале всех видно, кто в гостинной.
Вот девушка с косою улыбкой винной
Манит, не допуская полумер,

Туда, где все ответы так просты.
Где до смерти затаскана Эрато,
И горе-Купидон с лицом кастрата
Глядит на музу взглядом испитым,

Натужно фокус наводя на жизнь,
Готовый пасть, куда укажут веки...
Здесь нет людей – повсюду «человеки»!
И с этим хоть посвыкнись, хоть смиришься...

Поём глухим. Наследуем скопцов.
Отмаливаем пагубные души.
О, Господи! Ужель тебя не душит
Не смех, так стыд? Не стыд – колоколов

Сердечных оглушительная дробь!
Господь, тебе не слышны эти крики?
Поистине, и малых, и великих
Постигнуть может тромб, душевный тромб...

Ну, что ж, аминь. Зажить не суждено
Мечтам о новом Китеж-вертограде:
Иссякла жизнь. Да мойры Бога ради
Срядут еще. Вертись, веретено!

Андрей Орловский

Одесса

МАСТЕРСКАЯ

Где бы ни жил – мне и в небе тесно.
Но ржавым, несмазанным сердцем скрипя,
Я отдам всё свободное место
Под мастерскую слов для тебя.

Любить, наверное, тоже
можно сильно устать,
Передовая теория в деле
окажется глупой, пустой.

Хочу месяц
(любой)
быть уверенным, точно знать,
Что проснёмся в одной постели
в моей мастерской.

Я яркой хочу и красной крови,
а не болезненной, бледной вены.

Я с градом хочу пургу,
ты мне – тихие, снежные хлопья.

В привычные холода
на горячее поднимаются цены –
Но знала бы, как без огня горят
сердца разодранного лохмотья!

Раскидывается искрами
по-бенгальски
твоя золотистая масть.

Говоришь: «Я твоя, мужчина.
Бери меня.
Продолжай».

Я вечность хочу с тобой жить,
а не часы январьские красть,
а СПАТЬ я могу с любой:
Тут же ярмарка! Выбирай!

Распродажа! –
«Вот вас как зовут?» –
Ира?
Аксинья?
Даша?

«Вообще, Валентина, но для тебя...» –
«Очень приятно, Андрей».
Но мне нужны в твою ДУШУ двери,
В тело не нужно дверей –
Хотя бы от черного хода дверцы!
Я снова потерялся в лицах, дублях фраз.
И живем мы с тобой, вроде бы в терцию.
А всё равно диссонанс.

Рассвет подметал осколки ночи.
Как ты?
Где ты?

Хотя видеть тебя уже захочу едва ли –
Листы заливаю тоской.

И звёзды – глаза
великих
русских
поэтов

Издеваются над моими стихами,
Заглядывая в окно мастерской...

ДОЛГ

Моей матери

Это был пыльный чердак моей жизни:
Угол. Там старость не видно в тени.
(залито всё паутиными брызгами).
Зеркалом треснувшим юности дни.
Там моё детство паркетным стоном,
вам в котором рождался поэт.
И в это время, по всем законам,
возврата нет.

Я все свои детские сказки забыл.
больно вспомнить, нельзя оглянуться.
как жил. и кого любил.
на все свои первые улицы.
на все «гулять до двенадцати».
на все «оставь докурить».
Ведь тут меня новые стены слушают.
Новое просит жить.
Тут новые люди – а солнце старое.
мы вместе родились, выросли вместе
вместе глотали пыль звезд и планет
но сейчас –
я и ему не нужен.
оно сидит,
раскачиваясь в небесном кресле.
и смотрит как я оставляю след
в отечественной поэтической луже.

это тактика выжженного прошлого.
отходя – рви дневники, обрушивай все мосты.
Забыли тебя дома твои старые.
Все когда-то полные скатерти
сегодня пусты.
И только в глубоком колодце глаз матери
по-прежнему отражаешься ты.

Ваши матери.
Наши матери.
Шорох морщин или голос робкий.
Волос крашенный, но у корня веет
седой дым.
они тише всех в мире умеют
закрывать скрипящие двери
В те комнаты, где мы спим.

Это всё матери, наши матери
Чувствуют, знают, осознают,
Как близко протянутая рука на паперти
Как далеко АБСОЛЮТ.
Какая ясность в спокойных днях.
Насколько непостоянны счастливые.
А мы бежим по дороге, в огнях
молодости
прямо к мечте!
Проверяя на пробу удачу, харизму,
мы расшатываем их нервы,
оставаясь полностью верными
средневековому романтизму.

Все закончится.
Тут обрывается связь.
Бледно-черная
телом трясясь
она рыдает так больно
или твоя мужская скупая
падает в прямоугольник
оббитого бархатом гроба.
Наша жизнь – из Бога – и в Бога
мы бежим из его чертогов
приблизительно, на пол века.
чтобы хоть как-нибудь доказать
право быть названным Человеком.
И ты понимаешь как долго
ты был далеко от неё.
Как многое не сказал.
Как в чувствах был скуп, осторожен.
И нет яснее и чище долга,
Который навечно должен.

ДВАДЦАТЬ

Это цепочка видений и чувств:
радуги губы и взмокшее небо.
Все наболевшее – как наизусть
помнится: летняя слабость и грусть.
Но мне не верится – будто бы небыль.

Город весь съезжился. Теплового места
в нем не найти. Двадцать штурмов зимы
время стирало во мне статус «детство».
Жизнь – как волна об фрегат. Мы с ней вместе
души тушили в преграду кормы.

Секс и Свобода. Другие активы.
Мир двадцати привлекательно груб.
Менее искренни, более льстивы
стали друзья: поменяли на ксивы
пламя и отблески меди от труб.

Так измеряется суть одиночества:
тем оно больше – чем больше людей
окружают тебя. Одиночеством сточенный,
понял: отечество – хуже чем отчество
и что поступки – сильнее идей.

Я – запятая. Не порох от пули
сюжета. Не главная буква, увы.
Все мои бунты увязли на кухнях.
Двадцать меня и ломали, и гнули,
но я старался остаться прямым.

Список предательств, ошибок и драм
полностью вычерпал время доверия.
Я отдавался своим скоростям
и на пределе все лучше. Проверено.
Все здесь изменчиво. Контур. Эскиз.
Я понимаю свой смысл.

Андрей Костинский *Харьков*

***

Так безумно любить –
и не знать,
и не помнить,
не верить.
Потемнела финишь –
небо не ба –
гровеет к утру.
Но любить – словно пить:
жажда –
светости
тёмная мера.
Не разъять никогда
влюблённых
отверженных рук.

Так безумием жить,
что страдание –
выше молитвы.
Что взываешь не к небу,
а небо взывает, моля.
Я согласен сгореть,
проиграть,
уступить в каждой битве,
лишь бы видеть счастливым
твой вопрошающий взгляд...

***

Месяц красный.
Словно кровь под ногтём того,
кто невидим и внебонацелен.
Запеклась.
Так запекается слово в горле,
оборачиваясь в плацебо.
Так возвращается к ...у его душа,
в оболочке храня бордо неба.

Кот Орый ловит
в чер а-комету
камьшиную.
Ут-ра-но-чь-и эти выдохи ветра,
набравшего из ден-но-ве(н)-черни.
– Боже! Ты знаешь всё. Не молчи!
Что ты делаешь? Скажи!
– Жую!
– ?
– Души ваши,
СЫ-НОВние и до-черние.

– Если ты знаешь ответ,
подскажи хотя бы набор букв.
Если ты знаешь молитву,
напиши её и дай мне два зеркала.

Бог по-слушал меня,
нетонки тоненькие обул
и пошел водой
в сторону посевера.

ТЫ дальше оси
Харьков-NN-Полюс,
но ближе, чем мысль о ТЕБЕ,
тянущаяся кофейно-чайным волокном.
Встряхнув Договор,
роняю на глиняный пол «юс»
двухжизней назад...
И мне тоже сейчас волокно.

***

Я не исчезну. Просто представь, что я умер.
А лучше – что не было меня никогда.
И все дни – а их меньше жизни пчелы в сумме –
нашего сознания друг друга – случившаяся ерунда.

И заказанный столик полуночным путникам,
и живые розы на подоконнике,
и свечи, растущие пламенем, по сути –
придуманная мною история – хроника.

Пусть будет как хочешь – ты, озарившая зарево.
Можем стать друзьями, если ближе стать нельзя.
Наливает солнце себя в лунную старую тару.
А я вечность кричу: Будь кем хочешь. Только не исчезай!

Если исчезнешь, то черная дыра, уводящая даль,
перестанет отстреливаться кометами
и примет меня, не верящего приметам, вроде:
« Там упала звезда»,
словно рукопись с ангельскими пометами:

«Он родился случайно. За цивилизации за.
Ничему не учился. Смеялся над правилами, правил.
Верил в то, что каждая звезда – слеза,
так плакал над Каином падши(*) Авель.

Верил: если завести будильник,
то настоящее, настоявшись за ночь от жизни,
станет другим, а горизонт-напильник
однажды сточится и небо зависнет.

***

А ещё он верил, и знал, что есть где-то Берег,
на который ступив, обретаешь, что намечтал.
Только больше всего он сам себе – верил».
... Ангел ставил пометы в черновике на белых немовных листах.

От десятилетия по три шага к или от.
Время вышло на ринг, за спиною спряталась вечность.
За эти шаги песок заметёт Илион.
И будут сто месс петь, но с «ть»

на конце. Как будет она сладка.
Как будет быстра упряжка бессменных хасок бессмертных.
Сани с ани, ма, ци и в прижизненный кадр
двадцать пятым войдут кораблём – негомерно.

Как же встречу тебя, режа стопы осколками звёзд.
Лунной плахи касаясь, ожидая её ятаганность.
«Б», «г», «ж» не вмещает звезда. Я их съезд превращаю в свёзд
Атаманки, Подола, Покровки, Салтовки и Таганки.

Ты узнаешь меня. Да, я тот, сумасбредный поэт,
проживающий больше, чем вБночить смог намечтания.
На планете живу, – кроме нас никого больше нет.
Но моргнёшь – и весь мир без меня станет вновь расстоянное.

Милана Васильева *Нижний Новгород*

***

Я просыпаюсь каждый день
с похмельным привкусом свободы
во рту. На кухне от стакана – тень,
сто грамм – воды, и ложка – соды.

Кофейник пуст, еще вчера
мы выпили с тобой весь кофе.
Лишь пара капель, как смола,
остались на твоей Голгофе.

А здесь... лишь запах твой остался.
Да слева смятая постель.
Чудно февраль разбушевался.
Но ты ушел. Один. В метель.

***

В моем окне светлеет охра.
На скошенной громаде брёвен –
Линяющая шубка мха.
А у меня звучит Бетховен

В квартире мысленно пустой –
На хлопья новогодней ваты,
На стол, окрашенный халвой
Тихонько падают сонаты.

Но я глуха, и я – трезва.
И, как обычно, перед сном
Я шью надрезы и слова
Кофейно-чайным волокном.

***

С последним воздухом, шипя,
В пролом, оставленный тобою,
Альбомы, книги, пыль с обоев
Летели в пропасть бытия.

В меня. Воткнув иглу в мой шум
Непереваренных сомнений,
Незавершенных объяснений,
Вползает ночь. Одна... Дышу,

Не закрывая больше рта,
Прогорклой супесью квартирной.
На окна линией пунктирной –
Огни машин. Черта... Черта!

Чертой... Чертой! В подковке – блажь.
Матрац, небеленые стены,
Кофейник, Лем, подшивка «Смены».
Август двухтысячнодвенадцатый...
... Блиндаж.

Ей Богу же – блиндаж!

Вскипел. Ну наконец!
Глоток. Ещё. На небе отжиг терпкий.
Тускнеет мир, щемящий, горький,
В туманной завязи колец.....

***

Делилась я, сбиваясь с мысли,
С хвостатым демоном великой пустоты
Итогом первой половины жизни.
Я никогда не буду там, где ты.

Как странно... «Никогда не буду».
Неотвратимо. Вечно. Навсегда.
Умру ли? Нет? Забуду – не забуду?
Уже не буду. Никогда. Но...

Да!

Играю парадоксами. Считаю
Свои плюсы, сомнений не тая.
Что будет? Знаю и не знаю.
Расхлябанность... такая вот... моя...

Антон Метельков *Новосибирск*

***

ночь приходит но приносит
сон и осень семь и озимь
время время подари мне
ты ли вывернуло ливни
те ли пели твой куплет
у которых лишек лет
боже боже вот те крест
он от сырости курчав
из него не выйдет треск
щепкой щепкою трещав
прокричит аминь и ра
с перекладины петух
дети время умирать
между вами весть и дух

***

царствие небесное
мера мер
растирай над бездною
сыр ламбер
чтоб оскалившись зубчиком
чеснока
в пугачевском тулупчике
ускакать
перекатывать вверенный
уголек за щекой
и форсировать берингов
неумный покой

***

пуля замедленного действия
в поле неявной правоты
вот и гордись до пенсии
что ты – по-прежнему ты
вот и считай считалочки
как вышел иванушка погулять
как барабан без палочки
как молоко по углям
так исчезали милые
столбиком стебельком
белками семимильными
налитым кровью белком

***

чернила тебе чудной каллиграф
вода изреченная в кровь
подушкой для перьев деревьев и трав
корытце с прекрасной игрой
игрой навывлет наотмашь игрой
навзничь внахлест вглубину
чтоб между первой и между второй
под поле игры заглянуть
где бьет родничок где выжил бычок
а выиграл тот кто учел
что каждой бабочке свой сачок
что ты сам себе червячок

***

загляни за затылок
где никто не забыт и ничто не забыто
свято место остыло
сохранив отпечаток копыта
ключ в замке заблудился
карандаш не вернулся из боя
обескровленным гильзам
удаляли пули без боли
каждый день просыпаться
становилось вредной привычкой
в пересчете на пальцы
кольца лет как коленца отмычек

***

подмышку рощи щекочет туча
в ложбинке чащи легла роса
сережка месяц царапнет плечи
и – небеса – это паруса
к морям скрывающим край бескрайний
где каждый встречный – простой моряк
там бросив якорь завис в оффлайне
твой персональный крейсер варяг

***

поезжай в санталово собирать морошку
там в избе оставленной зреют щи под крышкой
тропки между избами топчет только лошадь
пыль за телевизором вытрут только мыши
зреют щи ленивые кто в них отразится
точно телевиденье смотрит без розетки
смотрит как сбегаются с выселков лисицы
как в избушке заячьей уши как лазейки
зреют щи студены кто с них снимет пробу
словно бы буденного поцелует в губы
тот увидит как кружив с крышкою от гроба
полумедвежонок полуполушубок
кто обхватит котелок до последней косточки
он распустит узелок да на волоске
и ищи его хрящи убаюкай в горсточке
поезжай в санталово засыпай в леске

***

ах орфей мой орфей
мой заблудший муравей
сон наш будет унесен
вещей птицей воробей
воробей из-под бровей
пой о вербе наших дней
вставив спицу в колесо
сделай хватку ледяней
ледяней и пламеней
почкой вербы камней
черствой пасхи отголосок
сгинь в исландии теней

***

космонавт хочет стать мальчишкой
в этом он схож с капитаном
в этом он схож с командиром
чтобы читать в толстой книжке
голоса на орбите
острова в океане
передышка в окопе
чтобы не быть убитым
на далекой планете
на далеком архипелаге
в глубоком тылу у немцев
чтобы вернуться к моменту
когда хочешь стать космонавтом
когда хочешь стать капитаном
когда хочешь стать командиром
когда остается завтра

Александр Курапцев
пгт. Старобешево Донецкая обл.

КИТАЙСКИЙ ЧАЙ

В чашке китайского чая
плещется жёлтое небо,
белым фарфоровым паром
в небе плывут облака.

Где-то на дне этой чашки
прячутся жёлтые люди,
головы вверх запрокинув,
в чай с удивлением глядят.

ХРОНОС

Хронос, храни нас,
хрупких браминов

в слабых больных руках,
невыразимое - невыносимо,
властвуй, ликуй,
лукавь.
Сам ты - как соты,
сердце - как сито,
пылью клубится лик,
и никому тебя не насытить
мёдом своих
молитв.
И никогда тебя не наполнит
хлипкое бытие,
пой меня, пой мне,
пей меня, помня:
всё, что во мне -
твое.

Алина Гладкова *Харьков*

***

Бензиноокая скорость
На треснутом шоссе жизни.
Педалю давящая на исступленье.
Мчащаяся мысль
За окном запотевшего мустанга.
Виражами испытуемый,
Бесконтрольный полёт
Дымящихся шин по бездорожью.
Нет слова «нет»
На повороте края бездны,
Забудь слово «да»,
Давящий на газ откровенно.
Съехавший с пути
И падающий со скалы,
Последний поцелуй судьбы испытывший.
Застывший в пустоте.
По трассе жизни летавший,
Узелки на рукавах завязавший,
Чтоб не забыть, как жил.

***

В пепельнице нет окурков,
Нет пепла, нет спичек сгоревших,
Тлеющих желаний,
Написанных на листе бумаги.
Чистота сосуда стеклянного
В объятиях вымытой посуды,
Стерильностью окаянной
Защищает дом от простуды.
Инопланетная пыль стёрта
Со стола и пола,

Космічески притягивая
Нову жизнь,
Которая прилетит снова.
Зигзагами букв
Принося послання,
Превращая их в слово.

Валентина Люліч *Рівне*

Дипломант Першого Міжнародного літературного конкурсу імені поета і філософа Платона Кускова та лауреат літературної премії імені Михайла Дубова.

Зі збірки поезій «СВІТ У ДОЛОНЯХ»

***

За мене плаче дощ, тому нехай.
Я щиро вдячна за відверті сльози.
В розплетені мої ридає коси,
На двох із ним один холодний чай.

За мене плаче дощ. Не спить. Іде.
Тепла шукає, всім цілує руки.
Надією освячує розлуки.
Його чогось не жде ніхто й ніде.

За мене плаче дощ, як і за всіх,
Сльозами омиваючи прощання,
Цілюючи усе, немов востаннє...
Та раптом зупинився і затих.

За мене плаче дощ... Але дарма –
Протерла від розлук червоні очі.
Ти поруч. Дощику, спинись, не хочу!
Від щастя буду плакати сама.

***

Щемлива мить в мені щемить
І виливається з-за краю.
Як біль у серці заболить,
Сама себе в собі сховаю.

І вже нікому не скажу,
Кому всміхнусь, за ким заплачу.
Печаль у вузлик зав'яжу,
Віддам вчорашньому на здачу.

Пізнаю кожну світлу мить.
Прийди до мене – вийду стріти.
Твоя душа мені зорить
Усмішкою в майбутніх дітях.

***

Пелюсткою троянди на вустах
Твої вуста зупинять цілу вічність.
Запрошена любов, її величність,
Проставить знак на наших іменах

І возз'єднає рухи у п'їтмі,
Пропаленої свічкою бажання.
Зачате божевіллям зомління
Мене тобі народить і мені.

На стелі тіні вірності птахів
Зіллються, наче в дзеркалі, над ліжком,
Де перетнулись наші мимобіжні
І де неспокій голосами стих.

Пелюсткою троянди на вустах
Твої вуста зупинять цілу вічність...

***

Коли зіллються наші два лібїдо
У серці безіменного вулкану,
Із полум'я в твої долоні вийду,
Ти потечеш вогнем в мені, коханий.

І лава захлисне прожиті будні,
Які полярно холодили спокій.
З підніжжя вийду прямо у майбутнє,
Чекатимеш у ночах темнооких.

Пульсує жар. І вже не втамувати
Реакцію горіння у любові.
У цїм вогні так пристрасно палати...
А скільки сили ув одному слові!

***

Ти із мене писав портрети,
Зупиняючи час життя.
Буйно барвами силуетів
Усміхалась у майбуття.

Поспішали із часом разом,
Розбігалися хто куди...
Пишеш постаті на терасах,
Я у римах – нові світи.

Кілометрами стогнуть ноги,
Різні тліють ще почуття.
Мов намисто, сидять тривоги.
Лиш з портрета всміхаюся я –

Тихий свідок мене самої.
Не тьмяніє та вічна мить.
Перед дзеркалом із собою
Сивиною печаль бринить.

Крутить далі жага фортуни,
І роки уперед спішать.
А з портрета, як завжди юна,
Усміхнулася вслід душа.

***

П'ємо сонце безумно, п'янко,
Як солодке «Мартіні б'янко».
Захмеліло вуста шепочуть
Й допивати твої не хочуть.

Летимо в незбагненні тайни,
І в Едемі їх сенс торкаємо,
І йдемо крізь золоті ворота
Сходом сонця в небес висоти.

Ці серця унісонно вірять
У любов безпричинно щиру.
Ці вуста у життя цілюють,
Кожен дотик і мить ціную.

Допиваємо винну осінь,
А душа ще налити просить.

Як бенгежно в хмільному щасті
В небеса твоїх рук упасти...

***

Ішли, палало листя осінню,
Горіло й серце в цім вогні.
Піднявши яблуко між росами,
Ти половину дав мені.

Вже й хуртовина коси плутає,
Зима по скронях потекла.
Очима душу ти закутував,
Свого вділяючи тепла.

А навесні, розквітши вишнею,
Життя уклониться літам,
Й тобі із вдячністю найглибшою
Його я повністю віддам.

***

У пам'яті простим графітом
Малюю запах твого літа –
Натхненно лінії сп'янілі
Карбують запах твого тіла.

На полотні моїх ілюзій
Думки у чорно-білій смузі
Тонкі відшукують відтінки –
Прості бажання просто жінки.

Пишу обійми чорно-білі,
В яких тремтить тендітне тіло.

Штрихами пристрасть відтіняю,
Шукаю тон і відкриваю

У сірих лініях малюнків
До болі ніжні поцілунки...
І темний контур прокладаю
Крізь душу, де тебе чекаю.

В нічному мареві графіту
Залишу запах цього літа.

ЖІНКА

Я – дівчина, богиня, просто жінка.
Руки не підніми, не оскверни.
Із мене починається стежинка
Твоєї чоловічої стерні.

Я – жінка, нероздільна суть Адама,
Ребром довічно серце бережу
І спокушаю райськими плодами,
Шляхи до щастя вірністю в'яжу.

Я – Муза, а тому, що просто жінка.
З долонь натхнення – мов жива вода.
Рукописів я списана сторінка,
Джоконда на полотнах молода.

Я – Геба, я – богиня, Афродіта.
В цілунку присмак меду і життя.
В мені ростуть твої майбутні діти,
Твій янгол-охоронець також я.

Я – ніжність, пелюстки троянд осінніх,
Весняний подих, рік гірських потік.
Я – жінка, вічна суть моя в цвітінні.
У тім, що просто поряд чоловік.

***

Приспані в мені чужі надії,
Пристрасті зоря, та не моя.
Я люблю, допоки тліють мрії,
І живу, допоки мрію я.

То не наше зоряне роздолля,
Скошені чужих надій поля.
В очі нечужі чиєїсь долі
Усміхнусь, допоки мрію я.

Простягну на перехресті руки,
Під ногами вертиться земля –
Й неземні, понаднебесні рухи
У мені, допоки мрію я.

Запливу в ріку, що паралельно
Омиває береги буття.
Не чужим, своїм життям, напевно,
Буду жити, поки мрію я.

***

Руки пестять ліси і хмарини,
Як в обіймах усе охопить!..
Притулившись до серця країни,
У поезії тіло тремтить.

Відкриває себе, тендітна,
Перед нами уся стоїть.
Як, Україно, тебе не любити!
Цілувати б тебе кожна мить.

Тільки б слів у душі вистачало!
Ця любов безневинна, проста.
Щоби слово її звучало,
Відкриває у світ вуста.

Де ще є поезія більша –
В поцілунку словами мовчать! –
Як тоді, коли сказані вірші
З вуст країни у пісні звучать!

***

На вустах червоне вино
Рубаями з Далекого Сходу.
Ми із істиною заодно,
Випускаємо слово у воду.

У мовчанні шепоче душа
Ніжним подихом поруч твоєї.
Трусить яблука, поспіша,
У Раю на багряній алеї.

Ти даруєш мені вогонь,
У руках – яблуневе сонце.
Тихе щастя з твоїх долонь –
Цілий Всесвіт в моїй долоньці.

ВЕКТОРИ

Цілеспрямованість твого вектора
поглядів, думок, намірів
протилежна напрямку руху мого –
вектора надій і сподівань.
Рухаючись в протилежних напрямках,
але назустріч один одному,
вони все одно перетнуться у точці,
яка на осі координат
зветься Любов'ю.

***

Дівчина у сонячному платті
Зашиває променем латаття.
Ця химерна, дивна дама осінь
Чудернацькі сукні в жовтні носить.

В сонячному сьйві панна мила
Променем зимі убрання шила.
Виби́рала дівчина тривожно:
«А мені вінчально-біле можна?»

***

У нормах законодавчих
Немає такого права,
Та мати його ще важче,
Ніж бути законно правим.

Полярність думок тримає,
Затисши ідейний вимір.
На помилку право маю,
На свій помилковий вибір.

Роками життя пульсує,
Його все стає замало.
Та кожен удар фіксує
Моє на помилку право.

Свій вибір сама тлумачу,
В інстинктах карбую право.
Етап черговий відзначу
Записаних мною правил.

В кімнаті, в житті чужому
Смакую ранкову каву.
Як дяка всьому живому –
Моє на помилку право.

***

Жевріють крізь темінь, запалюють очі
Гранатове серце, гранатові ночі.

Багряно у наших тілах забриніло
Розломлене навпіл гранатове тіло.

Зернинками долі смакуємо миті,
Гранатовим соком дороги залиті.

Багрянні цілунки осяють життя,
А в грудях – гранатове серцебиття.

Валерий Стариков
Новочеркасск Ростовской обл., Россия

ВАМПИР

Я знаю, что ты – вампир.
Так выпей меня до дна,
Попробуй на вкус мой мир –
Коктейль из добра и зла.

Добавь пару светлых слёз,
Улучши напитка цвет,
Для сладости пару грёз.
По вкусу такой букет?
И пей за глотком глоток
Энергию вен и жил
Пока не иссяк поток,
Пока я хоть каплю жив,
Пока я не буду пуст,
Пока я не стану нем,
Пока не услышим хруст
Ломаемых жил и вен...
Я знаю, что ты – вампир.
Так выпей меня до дна.
На этом закончим пир
И встанем из-за стола.

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

Я мыльный пузырь, я прекрасен сейчас в этот миг.
Ты мной восхищайся, но трогать не смей – я умру.
Все радуги краски собой украшают мой мир,
Меняясь, сверкая, играя с лучом на ветру.

В пространстве лечу и встречаться ни с кем не хочу.
Единственный друг мой – прозрачный и нежный эфир.
Любое касанье меня – это гимн палачу.
Останется только лишь в воздухе мыльный пунктир.

И если случится, то будет погибель моя
Внезапней из самых внезапных и лёгких смертей.
Пока же лечу, отражая все краски огня.
Ты только любуйся... а трогать... а трогать не смей.

МЁРТВЫЕ ПОЭТЫ МОЛЧАТ

Мы когда-то встретились в паутине сети.
Я подумал: мне в любви стало везти.
Долго ждал, когда придут теплота и уют.
Но нет, мёртвые поэты никогда не поют.

Я не знал, что участвую в чьей-то игре.
Сложно понять что-то в этих точках-тире.
Где же в сети найти спасительный чат.
Впрочем, зачем – мёртвые поэты молчат.

Если б я знал, где было начало начал,
Я б в это время твоё имя молчал.
Всё пролетело так быстро, не заметил когда.
Мёртвым поэтам хочется в небо всегда.

АНГЕЛ

Получая удар от тебя за ударом
И от страсти сгорая как брошенный факел,
Повторяю опять с обжигающим жаром:
Ты – ангел.

Мне никак не понять цвет расправленных крыльев,
Сложно в строчках их тон описать на бумаге.
Говорю в сотый раз от тоски обессилив:
Ты – ангел.

Я не помню, когда ты ко мне прилетала.
Фото старое – вместе на левом мы фланге.
Но твержу в телефон, чтобы точно ты знала:
Ты – ангел.

За тобой мне без крыльев не мчаться вдогонку.
Я другой, не такой, и не в этом я ранге.
Мне осталось лишь только шептать потихоньку:
Ты – ангел.

Вера Агаркова *Харьков*

ДО ЗАВТРА

как до завтра дожить, скажи
ты безгрешна
я без одежды
чем зашить золотые бреши
расскажи мне
но только честно

как остаться самой собой
хлеба, зрелищ с живой водой
замешай мне, но не мешай
быть несытой

положи мне в котомку кость
горсть земли и немного слез
дай, юдоль, мне вину и боль

но возьми обиду

ПРОСТО УСТАЛА

просто устала
просто – забыла путь
просто – отстала, осталась, легла уснуть
стала спокойной, покорной, смотрящей внутрь

просто – читала мантры, считала час
просто – была песчинкой, последней каплей – в последний раз
пылью дорожной
теплым дремотным прахом сухого дня

не обижайся, Боже
и подожди меня

ВРЕМЯ ПРОЕЛО ТЕМЯ

время проело темя
слово размыло разум
разом
порвало струны жилы сосуды глаз

смыло волной накрыло
сбило но не убило

мы еще живы
святы
сшиты из лоскутов
рваных сердец и пут

мы еще слышим капли падающих минут

БЕСПОРЯДОЧНОСТЬ МЫСЛЕЙ

беспорядочность мыслей
в письмах
и устной речи
плечи
упавшие низко

почему-то пальцы
поэтов
всегда стираются
в кровь

почему-то любовь
всегда бывает несчастной
если она настоящая
если – кровящая
раной

в спальнях
всегда пахнет привычкой
и только в книгах
и лучших фильмах –
жизнью

упавшие низко
руки
рифмы длинные
сломанные строкой
не всегда говорят о разлуке
с любимым –

чаще с самим собой

ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА

странно, но все твои – как это? – пейзажные сочинения
подернуты серой тенью
как пыльный триптих
наполнены ожиданием – нет – предчувствием удара под дых
но все они – сплошь – чувственны

и все они – суть ты
меня разбирает дрожь
и сбивает с ног
стих

а вся твоя якобы любовная лирика –
полная ерунда ландшафтного применения
здесь – само собой – могут быть мнения
а я – ты ведь знаешь – не отношусь к постоянным читателям
ко всем этим ученикам (скорей, ученицам), уж слишком старательным
чтобы понять хотя бы пол-истины

пусть это немислимо
пусть – через времени марево –
но я читаю тебя
изнутри

смотри
какой ты отсюда ма-а-ленький

ПОМНИШЬ СЛОВО

помнишь слово? а лучше – имя...
глину – помнишь? – и силу в пальцах?
неуёмную дрожь в руках?
сотвори меня снова, боже

если можешь и помнишь как

Виктория Агатова \Коцюруба\ Харьков

***

Лепестками увядшей вишни падает снег –
Это, только начавшись, стелет «прощай» весна.
Мне теперь с нею видаться, видимо, только во сне –
И когда-нибудь я не вернусь из такого сна.

Хуже лезвия с ядом жжет-жалит чужая боль –
Та, что сам причинил, и не в силах теперь излечить.
Мне б отрезать ту часть себя, что мешает нам жить с тобой –
Вот беда, я плохой хирург, и не знаю, где резать, где шить.

Я не знаю, что делать. Не делать – не помогло.
Но, наверное, нужно учиться снова любить себя.
Только зеркало – враки, мара, с серебром стекло,
Сонм простуженных снов, случайного вторсырья.

Я уехать хочу, уехать! Открыто, исподтишка –
Раз уж не облегчаю жизнь – не утяжелять.
Всю себя прополоть, до последнего корешка,
Я плохой садовник – полоть буду все подряд.

А потом подарю эту пустошь под любой заваливший храм –
Если раньше не вырастет новый торговый центр,
Чтобы в центре устроить часовню, бордель и хамам,
Все оставшееся – в аренду под свой процент.

Вместо шелеста трав на земле моей звон монет –
Если я не могу изменить это, значит, меня еще нет...

Пахнут дитинством мамулині руки,
Тіло коханого пахне любов'ю.
Я аромати читаю, як звуки –
Слухаю музику світу живого.

Щирий дарунок – то пісня весела,
Марш переможний у лісі весною.
М'ятним льодяником пахне веселка,
Опера щастя: кохаємо двоє.

Я ці стосунки пишу ніби пісню
Із найчистішими нотами в світі...
Руки мамулині пахнуть дитинством,
Пахнуть безсмертям мамулині діти.

***

С каждым следующим шагом сильнее стихия и страсть.
И мгновенье, важней, чем сейчас, никогда не наступит.
Не поддаётся соблазну шута - нашалить и пропасть,
эта пропасть – без взлета, не ветер свободы, а путы.

С каждым следующим шагом все больше дорог позади.
Хорошо, если сразу нащупал свой путь и пошел, не плутая.
Не спеши, если нужно – насильно себя усади.
Всех дорог не пройдешь, «та, что ближе» не значит «плохая».

С каждым следующим шагом детальней и четче пейзаж.
То, что мыслями было, уже появляется в теле...
Тот, кто рядом сейчас, подмигнет, сунет кружку – «Пей за...» –
И неважно, за что, важно, с кем эту кружку ты делишь.

С каждым следующим шагом все больше вниманья на шаг.
Как звучит он в душе? У тебя? У любимых? В пространстве?
Только это и важно в пути, только так, не спеша,
Ты закружишь судьбу в изумительно слаженном танце.

***

Я влюблена. О, как мне это нравится!
Дарить себя и принимать дары...
Из уст твоих банальность: «Ты – красавица»
Вдруг открывает высшие миры.

Ведьмачу взглядом и прикосновениями,
Искусство высей - магия любви.
Исчезло лишнее, иллюзии развеяны,
Напиток счастья выпит на двоих.

Я влюблена. Забыты все сомнения.
Ты смотришь так, что не нужны слова.
На сердце нет имен, ты – исключение.
Наш новый мир так сладко создавать...

***

Я бреду, как в бреду, еле-еле иду,
Не шагаю, а тело тихонько веду.
Где ж спаситель-ведун? Я у всех на виду
Не живу – существую в аду.

Этот ад без огня, без чертей и угля,
И там нет для меня ни котла, ни угла.
Все хранила, не жгла, как могла – берегла,
Почему надвигается мгла?...

Где захочешь – там стань, в сердце – острая сталь,
Неприятельский стан, вот и час мой настал:
Тело – хрупкий хрусталь, впереди – магистраль:
Сталь о сталь, тормоза. Был февраль.

Снега полный ушат, закалилась душа,
Мол, сначала крушат, после хлеба крошат.
Чей-то голос в ушах – ой, жива-хороша...
Вот мой рай: просто жить. Не спеша.

--

Туман залег в засаде между строк,
Идешь по буковке, по слову над обрывом.
И сам к себе так первозданно строг,
Следишь, чтоб не были метафоры обрыдлы,
А стих рычит, храпит, что твой сурок –
Ты не даешь для вдоха перерыва.

Любезничаешь, будто на балу,
Льстишь, лебезишь, умасливаешь, гладишь,
Здесь правит слово, каждое – валун,
Ты ежедневно топчешь этот гравий,
Но огранить, оправить – и корунд
Откроется богатством многогранья.

Поэт, писатель – словно ювелир,
Стилист, кузнец, портной, программер, скульптор,
Он – сомелье для слов; их новый мир,
Жрец древнего языческого культа,
Где слово – раб, служитель и кумир...
Поэт – канал...
Кто жмет на кнопки пульта?..

***

Все просто:
любишь – умеи прощать,
иначе любовь – пшик.
Умеи загладить и не мешать,
Умеи для себя жить.

Иначе тот, для кого живешь ты,
Жертвуя и терпя,

Может не выдержать эту ношу –
Преданного тебя.

***

Рассвет.
Предчувствие.
Стой.
Дыши.

Твое
присутствие –
рай
души.

Виталий Кузьменко *Харьков*

***

Старая квартира,
Старое жилье.
Все в нем сердцу мило,
Хоть не был там давно.

А зашел случайно,
Заглянул во двор –
Ощутил с отчаяньем
Время-приговор.

Будто те ж березы под окном стоят,
Тот же двор, скамейка, ветхий палисад.
Старые соседки, сидя у ворот,
Моют людям косточки днями напролет.

Белоствольный тополь в глубине двора,
Где гурьбой веселой играет детвора.
И сарай дощатый, тот, что строил дед,
Все стоит, как прежде. Только деда нет.

Не удержишь время.
Вдаль летят года.
Постарел наш дворик,
Повзрослел и я.

ЛИСТ **(прощание с отцом)**

Лист опавший,
Пожелтелый,
На скамейку в центре сквера,
Предо мною лег несмело.

Одинокий и печальный,
По законам мироздания,
После летних трудовней,
Сброшен под ноги людей.

Отдохни, родной, немного
Пред последнею дорогой
У меня в руке.
И – к Богу!

РАЗДУМЬЯ О ЛЮБВИ И МУДРОСТИ

Голубые мечты про благие деянья,
Мыслей светлый поток.
На лице состраданье,
Кто еще так бы смог!
Но одно лишь желанье:
Не ступить на порог.

Не вини других в своих проблемах,
Не пытайся рассказать глухим
О тех снах, что рождены из тлена
Лишь воображением твоим.

Красоты слепому не увидеть,
Но добро он сердцем ощутит.
Человека так легко обидеть!
Тот, кто это понял, тот молчит.

Оду я готов сложить молчанью,
Что людей не заставляет лгать,
Где давать не надо обещанья,
Коих и не думал выполнять!

Мудрость не бывает многословна,
А любовь глазами говорит.
Болтовня ж порою так не скромна!
Тот, кто это понял, – тот молчит.

***

В те дни, когда тепла хотелось,
Простого женского тепла,
Тобой насытилось и тело,
И занемевшая душа.

Лучистых глаз глубокий омут
И материнство нежных рук,
Все было, все я буду помнить,
Мой рыженький хитрюга-друг.

Хотелось много рассказать,
Хотелось расспросить так много...
Все думал: как могли мы стать
Два разных на одну дорогу.

***

Когда бредешь ты по дороге
И еле-еле тащишь ноги,

Держи улыбку на лице,
Хотя б и камень на душе.
В себе его захорони,
Пусть он останется внутри
Тебя. Души трудами
Перетирай, как жерновами,
Комок глухой тоски в песок.
На нем созреет колосок
И семя даст для тех людей,
Что духом будут не слабей.
И, может, — для твоих детей.

Галина Бабак

Харьков

***

Мне — жизнь, тебе — песок.
Глаголом «будет»
    родятся реки. Взводятся мосты.
Так вырастает дерево:
    широкий лист
        танцует для земли,
        ложась как дань,
как отданная жертва — гниет.

И я ступаю по земле,
в которой корни, мед листвы и соль.

Воды б напиться — нет.
    Вода ушла в года.

Кричит ребенок,
    роняя соску изо рта.
        Кричит,
и молоко по венам
    у матери, узнавшей до конца,
        что значит ждать весны,
когда взойдет трава,
    как всходит тесто пирога.

Тревога — лист дрожит,
    кружится на ветру, ложится наземь,
        спи,
            не плачь,

теперь тебе не соска, а калач.

Подходит тесто.

    Ждать опять весны.

Глаголом «будет» — рушатся мосты.

Глаголом «есть»: мне — жизнь, тебе — песок.

***

Такие пропасти между людьми,
что не хочется дальше,
что не можетя дальше
прилипнуть подошвами к раскаленному асфальту,
улыбаться плакатной лексике
и оплакивать ушедшие поезда.
Такие пропасти между людьми,
что не хочется ближе,
что не можетя ближе
подойти
как тот, у которого сети тонки
к тому, у которого овцы целы.
Такие пропасти между людьми,

что мне не докричаться,
а тебе не услышать
такие
пропасти.

МОВЧАННЯ І ГОРЛАЧ

Тілесність має час і простір.

Хоча не думає про це буденна жінка,
торкаючись як завше горлача,
щоб принести води.

Бо тиша і вода,
стирають лінії на тілі горлача,
що свого часу нанесла рука
творця.
Хоча не думає про це буденна жінка,
торкаючись як завше горлача,
щоб випити води.

Бо час і простір — то її рука.

***

Приходили до мене вівці,
тупцяли свої танці, водили хороводи.
Просили випасати, не забувати, бути.
І спокій — тілом, теплом, росою, травою.

І приходила я.
Просила випасати, не забувати, бути.

Підіймала руки до неба,
а воно — хмари,
а воно — поле,
а воно — доля.
Вівці, мої вівці.

***

Великий майстер
гончарного мистецтва,
Певно, відчуває Бога
у ту мить, коли ліпить
гличики й кухлі, яндоли й куманці,
тарілочки й чашки
на гончарному крузі.
Але різниця в тому,
що, коли трапляється тверда глина
або підводить рука,
він бере інший шматок
і починає спочатку.
Без сліз, без жалю, без панахид.
Лише з деяким відчуттям
власної недосконалості,
і якоюсь впевненістю,
що на все у світі є воля Божа.

***

Та не судилося...

Тобі – збирати яблука в саду,
протягуючи найспіліші жінці,
що перетворить воду на вино.

Проріши голосом твоїм
від п'ят до неба,
не зможе далі йти
і камінь покладе на місці тім,
щоб бути завжди поряд,
жінка та.

Та то не я.

Бо не судилося.

Мені – рости сина
І впізнавати батька по очах,
І розрізнати яблука на смак,
принесені тобою.
І проростати голосом в тобі,
і пити з однієї чаші,
і разом зупинитись вчасно...

Бо не судилося.

ФОТОАЛЬБОМИ

1.
Побудувати дім на чотири вікна і жити.
Прокидатися, радіти-сумувати, засинати
І будувати дім на чотири вікна.

А потім раптом захворіти на другу зиму поспіль
На п'яту пору року, на те, що ніколи нікому не скажеш,
І не знати, чи ти є, а чи просто здаєшся.

2.

Усе наше життя може вміститися у двох чи трьох товстезних фотоальбомах.
Це ранній А.П. Чехов, або автобіографічний метод, або насиченість власними штампами.

Ми шукаємо форм для одного й того ж змісту,
а врешті два чи три товстезні фотоальбоми.

І немає зими, і немає мене, і немає світу,
схожого на равлика, із колами безконечності під очима.

Лише негативи, так і не проявлені негативи.

***

І колосилися трави,
і були ми,
і дерева проростали нами,
і сонце пило росу,
і вітер жив у кишнях.

Хто простягав руки – тому було:
води – води, хліба – хліба, глини – глини.
І стояла хата, біля хати – дерево, біля дерева – людина.
Дивилася під скроню: листя... небо... птахи...
“От мене не стане, а воно буде. Дерево”.

Вона допитувалась,
чи любить море?
Але він мовчав.
Вона все допитувалась,
чи сумують кораблі за капітанами?
Але він все мовчав.
І вона допитувалась,
чому у води так багато терпіння?

І в його мовчанні народжувалось море,
і пливли кораблі,
і сумували старі капітани,
і слухали шум моря у мушлях,
і переглядали пожовклі світлини,
і розповідали онукам про свої мандри...

А хвилі тихо котились,
а хвилі тихо шепотіли
Про щось своє.
Може, про погоду,
а може, чекали на вітер з моря,
а може, просто чекали.

І вона відчувала силу його води.
І вона відчувала силу його терпіння.

Герман Титов Харьков

Из цикла «УТЕШЕНИЕ ТИШИНОЙ»

***

Истолковать твоё молчание
На все четыре стороны
Когда приметы всё багрянее
И двери дня затворены

Все нарочиты точки зрения
А солнце севшее на мель
К ночи утонет без сомнения
Скрывая клёнов акварель

Туманные пейзажи Уистлера
Фонтана снулого стекло
Сентябрь похож на эхо выстрела
И расставания крыло

В замке оставлены ключи
Я слушаю тебя – молчи

***

Без алкоголя без иллюзий
Не веря ни в PR ни в осень
Дни – словно очередь в Союзе
И пылесборник в пылесосе

Пока вода толчётся в ступе
Лбы толоконные на страже
И трупы лихо пляшут в трупше
И – ни души на вернисаже

Нет ничего на самом деле
За фантиками всюду пусто
Фантомной опухолью в теле
Распространяется искусство

Слова темны и самовиты
Но мусикийским даром смысла
Спасительно летят на плиты
Сентябрьские золотые числа

И всё когда-нибудь вернётся
От прошлого – к припоминанью
Раскрашенного детства солнце
Расставит знаки препинанья

Забывчивому – всюду чисто
И драмы все однообразны
И ветром сорванные листья
Опять бессмертны и прекрасны

***

ветру – листья
постоянству – боль
звёзды сентября – морская соль
на протёртом
южном рюкзаке

а тепло уходит налегке

все напевы – на один мотив
Крыма больше нет
и нет Мальдив

пала Троя
и сожжён Коринф
что тебе душа до этих рифм

вдоль дорог
полей
и их тоски
безответных роц черновики

с выбитыми стёклами цеха
звукоряд свободного стиха

бунтари не знают что творят
в этом утешенье сентября

есть одна большая тишина
мир прямоуголен
из окна
небеса затёрты как стекло

а живому всюду тяжело

возвращенье
вечно в никуда
с ткани дня стирается звезда

мы молчим
как штирлицы зимы
и горчит чужое слово *мы*

АССОЛЬ

Переживанья – волны
Но не об этом жизнь
Пусть паруса наполнит
Спасительный трюизм

Где ночь – изнанка зноя
А не дырявый зонт
И смерть глядит спокойно
На чистый горизонт

***

Некто в сердце – читай *никогда*
И заносит песком города

И встревоженные тишиной
Небеса осторожны со мной

Говоря – говорю не о том
Это лето как виски со льдом

Это место – из черновика
Бледным лужам верны облака

Здесь печаль хороша – глубиной
Алкоголем спасается Ной

Перспектива всегда набекрень
И преследует тонущий день

Эта синь поглотившая дом
Отчий край – Эльсинор и Содом

Здесь сорока бессмертие пьёт
И бессильно искусство моё

В серых стройках и ярких зонтах
Слишком броских рекламных шрифтах

Пыльных клумбах и пылком дожде
Некто в сердце – а сердце нигде

Это лето – чужое меж лет
Это счастье – цветочный билет

Всё уходит – одно к одному
Как зелёный автобус во тьму

***

В полупустой квартире – эхо
Невольный отклик сентября
Места откуда я приехал
Отныне пропадают зря

Отныне ничего не благо
И всё – сценический приём
Линейки проводов и влага
И это небо над дождём

Нет избавленья и не надо
Как лирика ни высока
Сентябрь – достойная награда
Кленовый орден дурака

Судьба вселенной в интроверте
Как эти лужи и кусты
И стьлой осени бессмертье
Лишь половина пустоты

***

Я готов платить и плачу́
За рассвет в мерцающей дымке
Пар скользящий вверх по лучу
В дымной мгле волос – невидимки

Драгоценных встреч череду
Расставаний полную меру
В чернозёмной бездне – звезду
В Замке все добры к землемеру

Лёд в стаканах – солнца в обрез
Бестолково тают обрезки
Позабывших в детстве небес
И страшны живым юморески

Ветер свыше жжёт до костей
Жизнь легко уходит дворами
Здесь не ждут воздушных гостей
Ведь они слетаются сами

За подкладку сыплются сны
Параллельны рельсам пространства
От стены до новой стены
Я теперь люблю постоянство

Маяковский с дыркой в виске
На экспресс подарит билеты
И какая разница – с кем
И совсем нет разницы – где ты

***

Стану небом в сосновом лесу –
Ведь ничто не бывает случайным –
Паутинки лучом на весу
Полнозвёздным дыханием тайны

Светлой сумкой на тонком ремне
Сетевым предложением дружбы
Тёплой рифмой в сплошной болтовне –
Ведь никто не бывает ненужным

Ведь у каждой судьбы свой пунктир
Свой хранитель – своё оправданье
Жизнь разбита на кварталы квартир
Навсегда не достроено зданье

Никому не дано разлюбить
Фон размыт – всё притворно и поздно
Чудеса обращаются в быт
Отдаляются дети и звёзды

По дороге домой – без ключа
Облака приоткрыв как портьеру
И не нужно уже различать
Сон и свет
Суеверье и веру

Евгений Кривочуприн

Харьков

РЫБА

Белый и чёрный ангелы, приставленные к плечам,
закрывают глаза и кусают крылья от страха,
когда рыба из неба выныривает по ночам
из чернильного омута где-то за тропиком Рака.
А внизу тишина. Хоть бы кто-нибудь закричал!
Разве что расплескался остывший чай,
и запах опять - этот рыбий безжизненный запах.

Звёзды гаснут, шипя, словно в тине болотной огни,
но только бы не проснулась лежащая рядом
отражённый в родных глазах - страх вернётся вдвойне
и скуёт нас одним нескончаемым каменным взглядом...
я цепляюсь ногтями за рвущийся край простыни.

Ни города, ни постели, ни пола, ни потолка.
За скорлупою висков - только щепки и пена.
Она плавает возле Земли будто возле крючка,
секунды ползут через ночь, будто тромбы по венам.

и не размыкая бескровных, белёсых губ
она тычется плоской мордой - глотнуть ли разом
и снова уйти в неподвижную ртутную глубь
где чёрный ветер наполнит холодную грудь
и пустота отразится - её немигающим глазом.

Я vs Я

В промоине форточки молча кивает
Плешивой луны бледная голова.
Я вижу как ты, над тетрадкой склонившись,
мучительно ищешь слова.

Июльское озеро (самое дно)
от века на век не променится,
И в небе корова брюхатая – ночь
Грозою под утро отелится.

Шум капель – и ты раскрываешь окно,
Там ищешь – знакомого? Знака ли?
Но (лошни глаза мои) темнота
Наш сумрачный град обволакивает.

От серых Жуков до роганских высот
бессонницей пойманы улицы,
самотство твоих бесконечных часов
четвертым десятком сутулится.

Я знаю, как быстро вертелась земля
От севера к пряному югу.
Но город тебя победил – и замкнул
в три мелом очерченных круга.

Окно – как решетка. Шальная гроза
Последним салютом посверкивает.
Ты смотришь как я (в красных сетках глаза)
Смотрю на тебя из зеркала.

Евгения Баранова *Ялта*

***

Сердце мое! Изю льда уздечка!
Все еще бьешься, как Лже-Нерон,
Все еще помнишь, как йод в аптечке,
теплые раны других времен.

Слезы текут – вымывают лица.
Люди текут – поднимаю щит.
Сердце мое! – Золотая спица:
тянет,
и колет,
и горячит.

Не уходи – барабанят ставни.
Не уходи – отвечает дождь.
«Я не умею тебя оставить».
Сердце мое! – Молодая ложь!

РОМАНТИКА. ЛЕНИН,

Вокзальная.
Площадь.
Тоскливо.
С трудом поднимаю века.
Пожалуйста – Ленин, с залива.
Практически – с броневика.

И день – исключительно смелый.
И взгляды реки – широки.
А вы говорите – эсеры
и прочие меньшевики.

А вы говорите – случайность.
В империи бродит бронхит.
Тут Ленин меня замечает
и шепотом вдруг говорит:

– Любая кухарка...
– Поможем...
– Марксисты...
– Кружок...
– Капитал...
А знаете, Женя, я тоже
когда-то стихи рисовал.

И так мы уходим,
болтая,
и люди уже не видны.

В каком-то мучительном мае,
за год до начала войны.

НЫНЕ И ПРИСНО

И ныне, и присно. И вечно, и ново.
Как сложно наполнить звучанием слово.

Звучат ледоходы, меняясь снегами.
Звучат коридоры дверей каблуками.

Звучат светофоры, проливы, равнины.
Звучат магистрали в тоске магазинной.

Звучат берегами озера и реки,
но сколько созвучий в одном человеке!

Когда произносишь дыханием имя!
И ныне, и присно. И присно, и ныне.

***

Устав от перьев и небес икарьих,
не отличив – где дар, а где ушиб,
уйти туда, где солнечный фонарик
у вьюги отбирает камыши.

Уйти туда, где мелодичный Бальмонт
глочает ударения как джин.
Уйти туда, где выстрелы не ранят
и вечер не случается чужим.

Уйти туда, где не бывает поздно,
где Пушкин – целомудренный старик.
Туда! Туда! где примулы и звезды.
И никаких незавершенных книг.

МАНИТОБА

Мы уедем в Манитобу.
Что бы ни случилось, что бы
ни стряслось на свете этом,
мы уедем.
– Едем летом?

Край лосиный, край сосновый.
Комариный, ледниковый.
Как тайга, но только ближе.
Там деревья носят лыжи.

Там озера строят глазки.
Там почти как на Аляске.
Там белуги ждут весну.
Едем в Манитобу, ну?

***

Лишь бы землю не скрести,
не послать всех к матери,
просидев до тридцати
в молодых писателях.

Лишь бы в ящик не сыграть –
поначалу мелочно.
Лишь бы белочкой не стать
прачечно-тарелочной.

Лишь бы в поезд без пяти.
Сердце – земляникою.
Лишь бы гвозди на пути
выросли гвоздиками.

Лишь бы листья целовать,
пить с рассветом-пьяницей.
И хмельть, лететь, летать,
Лишь бы не раскаяться!

МОНОЛОГ ДЖИМА МОРРИСОНА

Боль засыпает.
Рядом с желудком.
Где-то,
где невозможно прочесть ее или вспомнить.
У тебя были бусы, дым в волосах, браслеты.
А у меня был – живородящий полдень.

Комплекс Эдипов, шлюхи, душа, пустыня.
Sorry my darling, мне не хотелось с ними.

А у меня был полдень, девочка.
Я изучен.
Готический стиль и демоны под рубашкой.
Мне хорошо, хорошо до таких излучин,
что прикасаюсь к живым оказалось тяжело.

Мне улыбаются кладбищем из наличных!
Жалко, посредственно – и потому типично.

Детка, ты помнишь – я ненавижу детство?
Сейчас я уверен,
ненависть – это окна.
Мне хорошо, здесь не тянет уже раздеться,
не тянет напиться и даже не тянет сдохнуть.

Словом, пребудь с героиним такой же смелой,
детка, подруга, невеста, жена – Памела.

ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ

От тонкого слуха дрожит шапито,
свобода играет в ручей.
Испанский я выучу только за то,
что им разговаривал Che.

От праздничных истин тревога уму.
Сбегают и сходят за край.
Французский я выучу лишь потому,
что им разговаривал Май.

Ботинки – идут.
Что ни бег, то полет.
Ищу то ли – где, то ли – кем.
Английский словариком в сумке живет.
Спасибо тебе, Папа Хэм.

ГИМН МОЛОДОСТИ

Как бабочки,
они сжигают крылья
На холоде бенгальского огня.
Александр Вертинский

Харе Кришна – Харе Рама.
Словно джунглями Вьетнама,

мы скользим рекой блестящей.
Всяк живущий – не обрящет.

Всяк живущий – не отыщет.
(Легионы, полотнища).

Позади – бенгальский холод.
Всякий – молод,
    молод,
    молод!

Всякий жив,
    покуда пульсом
бьется честное искусство.

Бьется сплетником дворцовым
до последнего до слова.

Через жалобы-прорехи
бьется в каждом человеке.

Не бывает сердце лишним!
Харе Рама – Харе Кришна.

Дмитрий Жуков Харьков

Skype: *dragontigergate333*

Email: *evrovskiy333@mail.ru; zhukov.dmytro@gmail.com*

НИ ЖИВ НИ МЁРТВ

Я мертв?
Иль все кругом мертво,
А я живой брожу средь трупов?
Я жив?
Иль все кругом живое?
Мертвец, что бродит в мире для живых,
Живой, живущий в мире мертвецов.
Мой мир чужой, но все же мой,
– Другого нет.
Его я заслужил грехами прошлой жизни.
Удел мой – скорби предаваться,
Когда царит веселье повсеместно.
Я мертв? Да неужели! Иль все же я живой?
Коль мертв, что делает мертвец среди живых?
А если жив, то почему же в мире мертвецов,
Блуждаю в страхе я? И придаюсь отчаянию,
Когда другим так радостно на сердце?

Neither dead, nor alive

Am I dead?
Or dead is everything around me,
And me just walking amidst nothingness and dust?
Am I alive?
Or else that I discover is a living thing or being?
The revenant that roams in the realm of living men,
A living man that dwells among the dead.
My world is so strange, yet it is mine,
And nothing else I have instead.
This I deserved. Of that I doubts do not have.
My former life is overfilled with awful crimes and deeds.
The lot which is defined. The penalty which flowed out.
I mourn. I groan. This is my burden and clearer it could not be.
Me dead? Or me alive?
Me revenant? Or living man?
If dead, what am I doing here, in the realm of living men?
And if I live, what am I doing in the world of death?
Me, walking feared in despair.
Me lamenting when everyone around me is going crazy!

О ЧЁМ МЕЧТАЕТ ЛУНА

Луна прекрасной ночи владычица,
Лучом своим коснешься ты земли
И заструится свет молочный в реках и озерах.
Её холодный мягкий свет и жар костра
Навеет миф чудесный нам о том,
Как край, в котором ночь царит всегда
Желает с солнцем повстречаться,
Чтоб богу дня явить ту красоту,

Которой он понять не в силах.
И в гордости своей не замечал,

Сколько много братьев и сестер,
Что тоже звезды, что тоже солнца,
Но светят ночью при луне
И делят небо, радуя наш взор,
Что устремлен в ночное бархатное небо.

КОГДА Я УЙДУ

Когда я уйду, ты это поймешь,
Когда я уйду и буду так далеко,
Ты внезапно поймешь как я близко.
Ты это поймешь, я знаю – поймешь.
Когда проснешься еще до рассвета,
Когда тихая ночь не принесет тебе сна.
И будешь печально смотреть на луну,
И видеть и знать, как я далеко,
Но все же так близко.
Ты вспомнишь как это прекрасно,
Когда моря бриз ты вдруг ощутишь,
Когда солнца луч согреет тебя,
Когда шепот листьев,
Напомнит тебе как я близко.
Ты вспомнишь все то, что любил я когда-то,
А я подскажу, что люблю и теперь.
Я знаю, ты помнишь, я знаю, ты веришь,
Я знаю, дождешься меня.

Я НЕ СОШЁЛ С УМА

Я не сошел с ума.
Так почему же верите вы им,
Кто чужд вам, вы, моя родня?
Я не сошел с ума,
Хотя для вас уже все решено.
И ваши взгляды,
Что прячете украдкой
И приговор, что вижу в них.
Я не сошел с ума,
Как я устал все это повторять.
Зачем же снова начинать?
Мои друзья, мои родные,
Ну, от чего же верите вы им? –
Словам людей, что опорочили меня
И в грязь втоптали.
Я не сошел с ума. Мой разум ясен.
И буду это повторять,
Покуда смерть не унесет меня,
Из мира полного безумцев.
Из мира, где остался я,
В воспоминаниях других – безумцем.

СВЕТ И ТЬМА

Там, где свет, –
Всегда сокрыта тьма,

Что щерится в тенях.
Незримая и скрытая угроза, –
Она все время там.
Нас, как союзников привлечь желая

И разметать скажи мы “нет”.
Тьма терпелива и коварна.
Удар же точен – ядовит.
К врагам тьма жалости не знает,
К союзникам привязанности не питает.
Кто вызов бросил – выстоять сумеет.
Кто ложью одурманен, –
Всегда, в итоге, предан тьмою.
Извечные враги, что свет и тьма,
Им люди звуки эти дали.
Что есть они? Кто есть они?
И их борьба? И бой?
Есть тому смысл? Цель?
Иль бесконечны, как вселенная сама.
Они навечно обреченные
Вести свою бесплодную борьбу.
И обещание победы ложной,
Ведь, как мираж, встает пред теми,
Кто смерть несет во имя тьмы.
И кто дрожит при первом свете солнца,
Горя в его лучах.
И кто поверил свету,
Кто убиенный темной паствой,
Во имя света жизнь отдал,
Чтоб воссиять в его лучах бессмертных.
Своею жертвой
Навеки вечность обретал.

ИЗБРАННЫЙ

Порою время приходит
И каждый человек, томящийся вопросом –
Зачем же жизнь ему дана? Какая в этом цель? –
Ответы ищет вожделенно.
Ну, кто же даст ответ на тот вопрос,
Что день за днем так мучит и гнетет?
И сна лишает – приносит голод новый,
Что утолить лишь можно только знанием.
О том, что все таится в нем самом.
Ответ лишь там сокрыт, где был открыт вопрос –
Любой рожденный человек, он избран для чего-то?
Лишь это осознав, он жить начнет,
Ища свой верный новый путь!
Былая жизнь предстанет сном кошмарным,
Как ночь ушедшая с рассветом,
Пронзенная лучами солнца золотого,
Взошедшего, чтобы рассеять тьму незнания!
Ищи же избранный ответы в сиянии солнца,
Что освещает путь тебе отныне навсегда.

Леонид Шептовицкий

Харьков

ВОРОНА

Напротив моего окна
Живёт ворона.
В берёзы кроне.
В зелёном схроне.
Всегда на стрёме.
Как я – одна ?
А утречком природе в дар
Блеснёт светило.
И мне тогда ворона : «КАРР –
Вставай, чудило».

***

Надоело солнце. Надоело лето.
Надоели листья. Неба синий фон.
Надоело мыслить, что прекрасно это,
Но проходит мимо голубой вагон.

Мне уж лучше осень. Круговая серость.
Утренняя сырость. Можно и с дождём.
Чтобы не желалось. Чтобы не жалелось.
Разве замечталось вдруг ненастным днём,

Что... скорей бы лето.

ЛЕСОПОЛОСА

Тихо в мартовском лесу,
Почки ждут сигнала.
Только леса полоса
Мы пройдем сначала.

Я с собачками привык
Проходить без стога
Эту, с городом впритык,
Мусорную зону.

Широка та полоса,
Только – в беспорядке.
Вот как русская душа.
И с её загадкой.

Той души поймёшь красу,
Лишь минуя полосу
Мусора сначала...
Тихо в мартовском лесу.
Почки ждут сигнала.

Лина Львова

Стокгольм, Швеция

RE-FREE

в старом парке по-прежнему дожд'...
непогодит хронически...
разве тепер' найдеш'
в этих следах свои...
видиш', как размывает асфал'т...
время ходит кругами... насквоз'
промокшее и изранены стопы
о прошлогодние стекла...
и в бликах асфал'та, в лужах
отражается пыл'ная память'....
несочетание...
фактов и поводов...
время уходит под воду...
и уже не дрожит голос...
и не дрожат руки...
девочка, мы стали взрослыми...
мы тепер' страдаем от скуки,
а не...
кажется, бол'ше не холодно...

а помниш', мороз минус двадцат'...
и уже онемели пал'цы...
и ты рисовала по снегу,
белым по белому...
а я смотрел на тебя, смотрел...
ты никогда не умела прощат'ся,
а я не хотел с тобой расстават'ся...
когда уходила ты, я долго стоял молча,
глядя на то, что осталос'
после тебя... на снегу...
возвращался домой поздно ноч'ю...
повторяя, что бол'ше так жит' не смогу...

я любил тебя, девочка,
когда ты врала, что нет времени,
не глядя в глаза,
уходила одна в направлении севера...
мы на разных с тобой полюсах...
но я любил тебя, милая...
когда ты курила назло мне со мною же,
когда говорила, мы встретимся,
может быт'...
через пару недел'...
я ждал тебя... я тебе верил...

прошло много времени...
ты тепер' иногда покупаеш' мартини
и п'еш' одна /ты любиш' со л'дом/
ненавидиш' курит' и куриш' до слез...
засыпаеш' потом...
и память' почти уже пыл'...
как этот ментоловый пепел...
и все то, что не было, – давно уже не всер'ез...

всем известно, что время не лечит...
и я любил тебя, девочка,
все это время любил...
просто знай – мне от этого легче...
и – можно прос'бу? пообещай:
помолис' за меня, если все же придется
сдават' экзамены в рай...

девочка, все изменилос'... что же ты плачеш'?
просто не ты тепер', милая,
пишеш' свои мемуары
на мокрой скамейке под сил'ным дождем...
просто не ты тепер', милая,
рвеш' струны гитарные,
поеш' полушепотом грустно о нем...

и, понятно, не так надо бы...
но что тепер' помнит'-то...
прошлое в прошлом и хватит об этом...
девочка, нет правды...
ест' тол'ко «может» и «вроде бы»
и бол'ше не стоит ждат' всесил'ных ответов...

потому что не ты, хорошая,
строиш' воздушные замки
и засыпаеш' под утро, с рассветом...
видиш', как размывает асфал'т...
ч'и-то следы стекают к обочинам...
разве найдеш' свои там...

и не с тебя, девочка,
пишут тепер' портреты,
чтоб долго потом помнит' эту твою улыбку,
и не для тебя, хорошая,
города завоеваны... нет...
и глупо плакат'... считают' ошибки...

но я любил тебя, девочка...

ЭТО ПРОСТО ТАКАЯ ИГРА

Этот роман - без пролога и продолжения - мною дописан...
Послушай, бол'ше нет смысла слат' мне длинные пис'ма...
Они не войдут в историю... мы бол'ше не будем спорит'
Кто кого недолюбил... слышиш'? целую... до скорого...

Это просто такая игра... сил'ный бросает слабого и уходит...
Здес' нет баллов в зачет, а победа страшнее всех поражений...
Нет обратного хода - не вернут'ся ни через ден', ни через годы...
Поэтому лучше играт', не делая лишних движений...

Поэтому я ухожу медленно – верно...
Таблицами рейсов, дорожными знаками...
Азбукой Морзе дожда по стеклам и трубам...
Так уж сложилос' – не выношу слабости...
Возможно, когда-нибудь буду за это наказан...
И, может, еще за то, что играю так грубо...

Нет бол'ше общих ночей – ест' твои и мои...
И если ты все еще вериш'... то это проходит...
Я замолкаю на раз, собираю вещи на 2, выхожу на 3...
И незачем возвращат'ся... все карты отыграны вроде...

Странное дело... во мне бол'ше нет тебе места...
Меня заполняет до края до-боли-моя пустота...
Поэтому лучше играт' до тех пор, пока интересно...
А дал'ше... избав' меня от выяснений, что было не так...

Вдол' побереж'я пятые сутки идут дожди... ищут приюта...
А я уже пару дней по любимым местам избитым маршрутом...
И где бы я ни был, как видиш', уже ничего не меняется...
Странное дело, тебя даже в памяти скоро совсем не останется...

Просто время пришло избавлят'ся от старых вещей и связей...
Слишком быстро сегодняшний ден' переходит в «вчерашний»
И в театре теней у нас с тобой были бы главные роли...
Но вот руки замерзли и стерты случайно пароли...

Забыват' начинаю твой адрес, твой номер, твой голос...
И пытаюс' прожит' хот' один ден' без сбоев и полос...
Это трудно, но вовсе не так, как казалос', ужасно...
Все не зря... все не в счет... все как ест'... здравствуй...

Здравствуй... я не люблю и не хочу тебя видеть'...
Здравствуй... все было отлично и бол'ше не будет...
Здравствуй... я все же надеюс', что ты не в обиде...
Здравствуй... мы просто, действител'но, разные люди...

Здравствуй... я ухожу, все свожу с нет на нет...
Здравствуй... молчиш'... наверное, ты не против...
Дожди, магнитные бури, отсутствие света летом...
Давай в таком случае думат', что дело в погоде...

Здравствуй, не спиш'...? а я отражаюс' в мокром асфал'те...
И мне все равно совершенно, скол'ко ночей ты не будеш' спат'...
Все решено... некуда дал'ше... поэтому хватит...
Ничего не вернут'... ничего не спасти... мне пора...

Собираю себя из осколков – билас' на счаст'е...
К сожалению, счаст'я не вышло, а свет остался...
И черт тепер' знает, в какой его п-ной части
Все предстоит начат' заново... такая вот странност'...

Я снова делаю ставки... наверно, на верност'...
Но точно уже не тебе... так мне проще с тобой расстат'ся...
И тебе будет легче... да, будет... всенепременно...
Здравствуй, не спиш'?... Здравствуй... давай прощат'ся...

ЗАЧЕМ ЖЕ ТЫ ДЕРЖИШ'... СУКА...

не швырят' телефон об стенку... не прикуриват' от свечек...
перестат' бы совсем их жеч'... вечерами... по сотне за вечер...
удалит' безвозвратно все твои номера... вернут' твои вещи...
и не видит' ночами снов никаких... ни обычных, ни вещей...
не подумат' ни разу, что ты, может, даже сейчас не один
и вообще не в своей постели... уходит', уходит', уходит'...

не устраиват' бол'ше истерик и демонстраций, расслабит'ся...
откажат'ся от всех реваншей, как ест', все оставит', остат'ся
своей и бол'ше нич'ей навсегда, дописат' дневники, досмотрет'
все, что долго валялос' на полках... все, что может горет', -
спалит'... или просто продат'ся кому-то за шведские кроны,
и неважно, кому и за скол'ко... неважно... как вам угодно...
допиват' эту осен' в самом ее начале... холодом захлебнут'ся...
недоспат', недоест', недожит'... но точно уже не свихнут'ся...
привести идиотские мысли в порядок, прирасти к новой маске...
снова верит' в несовпадения... но никогда – в красивые сказки...
л'дом обезвредит' ожоги, зашит' без наркоза открытые раны...
взят' имя другое, начат' подражат' неумело кому-то с экрана...
завести пару новых хобби и стол'ко же «мал'чиков на ноч'»...
или девочек... и не чувствуют' бол'ше уже никогда ничего...
успокоит'ся... сдат'ся... и в конечном итоге подохнут' от скуки...
тол'ко жал', ни на том, ни на этом свете ты меня не отпустиш'...
ну что же ты делаеш'... зачем же ты держиш'... сука...

Марина Банделюк

Одесса

***

И в этом городе нет даже кровати чтобы переспать с тобой
И мне не хватает грязи в словах
Чтобы выразить ощущение нежности
Я заменяю любовь и страсть
На приземленное
И самое низкое
И так лучше
Высокие материи не для тех кто ходит по земле
Исчезнуть бы из этого города
Из любого города где твое имя на афишах
Я передаю тебе приветы
Азбукой морзе по устаревшим проводам
И пусть ты их не примешь
Пусть передатчик сломается
А электрик обязательно будет пьян
И пусть разрушатся все магистрали
Которые связывают нас друг с другом
А в моем горле не будет силы докричаться
Пусть рухнут еще одни башни
Все башни
Все средства коммуникации
И буду настолько под кайфом
Что даже дойти не смогу
И пусть я не знаю
С кем ты делишь сегодня
И как ты там
И пусть я забуду твой алфавит и голос
Но в этом городе нет улиц
На пересечении которых мы можем встретиться
И единственный способ провести ночь
За бокалами и третьей пачкой сигарет

И мои пропитанные никотином руки
Будут бессильны
И мой пропитый мозг
Будет рождать убогие рифмы
Я не хочу искать тебя на всех перекрестках
И оборачиваться вслед похожим
Прохожих дергать за плечи
Нарываться на гопников
Гулять по рынкам как по бульвару
Я не хочу милая
Я так устала
И сведу на нет все чувства
И заглушу
И выжгу
И все что хочешь
Мне было так легко в твоей недостижимости
Мне было так легко в твоей недоступности
И я не хочу думать про завтра
Вспоминая вчера
Я не хочу
Не хочу
Ты слышишь
Я не хочу
Мне есть что терять здесь
И нельзя
Нельзя гнаться за мечтой с сачком для бабочек
Ты проскальзываешь сквозь промежутки воздуха
И остаешься воздухом
Я прохожу между каплями
И остаюсь человеком дождя
И мне было так легко в своем аутизме и социопатии
Не думать о тебе
И не загадывать желания
На падающие звезды
И не связывать с твоим ускользящим ликом черных кошек
Пробегающих мимо
Я запущу в воздух еще сотни стихов и салютов
В твою честь
И все упадут на каменные стены
И все разобьются дождем в этом городе
Который подарил мне тебя
На краткое мгновение счастья
Чтобы забрать навсегда
Расставив все точки сразу
Расставив все знаки препинания
Поэты напиваются в одиночку
И я не исключение
Хоть и причисляю себя
Ко всем несуществующим религиям
И отрицаю все морали тысячелетия
И для меня ты единственный гений на небосводе
И для тебя я единственная пропасть на горизонте
И что может быть глубже
Этого оврага недостижимости
Мои прожженные сигаретами занавески
Не скрывают от посторонних глаз
Присутствие посторонних на моем полу
И так просто даются обещания
Перед последним ужином

И так просто тратить время на мытье посуды
И прочие глупости
На любые глупости в ожидании тебя
И я подхожу к точкам в текстах
Как иные подходят к барьеру дуэли
Пугаю окружающих
Пугаю себя
Невысказанными желаниями
Что мне еще сказать тебе сегодня
Кроме тишины
И какими гирляндами украсить твой вечер
Ты не звонишь мне снова
Я не звоню тебе снова
И новый день будет
И новые люди
Будут признаваться мне в старых грехах
И новой любви
И я конечно же отвечу
Каждому встречному со свободной квартирой
Но входя в их дом
Я буду думать о тебе

***

Выключаем свет в нашем мире
Зажигаем камин и звезды
Друг друга
Несдержанных до боли криков
До изнеможения
И падать на дно твоего удовольствия
Там где глубины и впадины
Проституток монмартра
И мадонн возрождения
Создавай меня заново фениксом
Чтобы сжигать на своих кострах
Снова и снова
Кубики льда по телу
И твои поцелуи расплавленным воском на губах
Со сливочным вкусом
Пусть сегодня будет причислено к порнографии
Кем-то из ханжеских или в рясах
Отдано под суд моралистами
Что боятся натурализма
Удовольствия
Фантазии
Или секса
За кадром окна
Соседи и прочие
Но будет как есть –
Со следами твоей горячности на шее
И признаниями на моих руках
Пусть завистники из тех что никогда не кончал
Но точно знает в какой позе надо
Пишут манифесты и устраивают пикеты
Под окнами
Вместо ночных серенад
Вызывают милицию и делают музыку громче
Я не скажу ни слова о любви

А ты будешь только о ненависти
На спинках всех диванов в моих руках
Я хочу брать тебя между сигаретами
Все эти сутки
И пусть торжествуют инстинкты
Не сдерживать ничего
И выбирать любые плоскости
Байки про верность
Смешны не потому что абсурдны
А потому что не возникают истории за пределами твоего тела
Помолчим о высоком
Пусть в игры с нравственностью
Играют те кто думает что брать и владеть одно и то же
Что свобода и рукоблудье по другим одно и то же
Что доверие измеряется тем кто кого трогает
И путают страсть с распущенностью
Кем ты хочешь видеть меня сегодня –
Пажем монахом или 30-ми годами
С вуальной скромностью или без всего
Выбирай любые кадры и атрибуты
На этом поле не может быть границ
И неправильных решений
Возьми меня сейчас
В любой из картин твоего сна

***

Сегодня я буду в черном
И курить одну за другой
Так чтобы не гасла никогда
Как вечный огонь
Ожидать инфарктов
И запивать все кошерным вином
До 5 утра
До 6 утра
Засыпать в горячке воспоминаний
И продумывать собственную смерть
Расписывать заголовки газет
И вычеркивать политические события маркером
Рассматривать картинки журналов
И босыми ногами по холодному кафелю
Когда смотришь на все
И не участвуешь
Не управляешь самолетом
В сторону от всего
Что намекает на реальность физического мира
Мне неинтересно здесь
Пусть стучат барабаны в моих перепонках
И что-то тихо с хрипотцой
На неизвестном языке
Я понимаю все значения без слов
Но не принимаю вызовов
Не знаю азов или основ
Да похер
Я буду говорить что-то бессвязное
И путать слова
И путаться мыслями в чьих-то веревках
Завтра где-то распустится вишня
И я не буду ее рисовать

Уходить в темноту ночи
И искать ее пределы
Растягивая завитки провода по городу
Где нет фонарей
И кошки во фраках прячутся по углам
Курить одну на двоих
Вторую на двоих
И молча перебирать покрытые пылью струны
Сегодня ничего не произойдет
Я допишу этот сценарий лишь к утру
И усну когда город будет заявлять о себе
Первыми шорохами метлы по асфальту
И видением уставшей после бала маргариты

Мария Ус Харьков

***

Под прессом многозначительности,
Не влезая в рамки формата.
Рублю жизнь на такты и длительности,
А хочется просто... legato
Не замечая погрешности
Совсем в примитивном детальном,
По-философски о вечности
Абсурдно мы рассуждаем.
И против системы, рутинности,
Несясь головою об стену,
Лишь только шкалу агрессивности
В себе повышать постепенно
Мы можем, вопрос только сколько?

***

Здравствуй осень меланхоличная,
Ярко-лиственная, дождливая,
Для кого-то уныло-привычная
Для меня вдохновенно счастливая.
Это я, всё та же ждущая нашей встречи систематически,
Как лекарства дефицитного для души моей невротической.
Лёгкой сыростью, неуверенным холодом
Оживила моё сознание,
Словно крик среди безразличия,
Нераскрытых углов признание.
В окружающем мире ненужности,
Среди сотни двуликих «Я»,
Обжигающе действуешь, осень,
Ты сильнее, чем летом жара...
И неясным туманным осадком
Золотисто-серого цвета,
Упадёт в мое сердце капля
Вопросительного- ответа.
Хаотически мысли замёрзшие
О печальном исходе прошедшего,
Осень, где твои были призраки
Осознания поздно пришедшего?

Юрий Шкурко

Харьков

СОН ВО СНЕ (из Эдгара По)

целую вечность моего поцелуя
пускай хранит твое чело
да ты права хочу признаться
все только сон и боле ничего
надежда птаха упорхнула
хоть в ночь
хоть в день
но насовсем
и все что видим мы в округе
лишь сон во сне
лишь сон во сне

и я стою на фоне рева
прибой рвал мучил берега
песчинки золота морского
пыталась удержать рука
но так безжалостна волна
уносит насовсем
лишь только горсть была полна
все только сон во сне
лишь сон во сне

***

медленный зазеркальный карп
плывет
чешуйка луны

***

так захотелось халвы
гора за спиной

***

окно поезда
провода в верх-вниз
догоняет море

***

бутылками звенят бомжи
короткая
летняя ночь

***

комары перестали
кусать
осень на носу

***

зеваю
и на небе
появляются звезды

***

серая муха
на асфальте
август в городе

***

чешу ребра
в перистых облаках
чижи

Сергей Данюшин *Санкт-Петербург*

БУБЛИК, БУБЛИК

***

Бублик, бублик, что ж ты вьёшься
у соседского крыльца?
Путь пометив чёрствой крошкой,
разбивающий сердца
Колобок за горизонтом
скрылся. Праведная рожь
притворилась фармазоном:
не задушишь, не убьешь.
Хлебобулочные дали,
(привечал их воробей)
в Зазеркалье ускакали.
«Не целуешь, так убей,
или Сорок два надрыва»
в филармонии дают.
От внезапности порыва
прослезился Робин Гуд:
лук сломал, но пить не бросил.
Что ж ты, бублик, у крыльца
сторожишь седую осень?
Ламца-дрица, гоп-ца-ца.

***

был когда-то глубоко несчастен –
теперь стал несчастен поверхностно.
ухмыляюсь маленькими глотками,
смотрю на пустую пепельницу.
раньше все официанты были на одно лицо –
теперь у них грустные глаза,
ухоженные руки и навязчивое
чувство собственного достоинства.

***

у поща отродясь
ни собаки,
ни ревности.
только осетрина –
по-монастырски.
да небытие,
разъедающее
страницы требника.

***

Обволакивает кислородом.
Прёшь, не зная, откуда родом.
Счет развилкам в игре потерян.
Был влюблен, а теперь растерян.

Безысходность планеты вроде бы
избавляет от зуда родины,
от любви до каленого края,
от банальностей. Протирая

окуляр закромов задачника,
щурясь мудростью неудачника,
не лукавишь уже во имя.
Бытия золотое вымя

нависает во сне навязчиво.
Наигравшись казенным мячиком,
гребнем чешешь павлиний хвост
и к покойникам ладишь мост.

***

Спит замёрзшая «Аврора»
в мятом городе-музее,
отдохнувшем от террора.
Новоделы-колизеи

вяло всходят в этой почве –
больше сквоты да сосули.
Сонный джаз, велибра кочки,
медный бас – осколок дули,

кумачовое стаккато,
разносящееся эхом
по омытым скорбью датам.
Золочёные прорехи

растекаются по чреву,
что встречает снегом-солью.
Сон червонной королевы
вырывается на волю.

***

Ветер шею ломает жирафу,
кожа сходит с влюблённой змеи.
По смолёным столбам телеграфа
скачут тайны – твои да мои.

Перепачкал ладони золою –
только в ней ни ума, ни тепла.
Словно с мачехой юной и злою,
мы с судьбою стоим у котла.

Снисхожденья спасительный мост
рассыпается яростным прахом.
За здоровье – отравленный тост,
и зарыться в чужую рубаху.

Не отмыть ордена на груди.
Честно жить – будет мило и мало.
Гордый голос шепнёт «укради»
и слепым обернёт одеялом.

***

Поседев как киношный бог
и утратив былую легкость,
мальчик сладко бубнит: «чтоб ты сдох», –
да крестом вышивает плоскость.

Над страну встаёт туман
(у погоды свои уловки),
и сатрап мастерит капкан
на зверька в черепной коробке.

Жалость жадно ползет из книг,
покрывая живое пеной,
непристойность рождает крик,
невостребованный вселенной.

Кровь сочится из кистеня.
Мальчик врёт и украдкой плачет.
На исходе седьмого дня
офицеры приносят сдачу.

Ольга Смольницька *Сімферополь*

*Аспірант III року навчання кафедри української філософії та культури філософського факультету спеціальності «Українознавство (філософські науки)» Київського національного університету імені Тараса Шевченка.
Член Національної Спілки журналістів України з 2010 р.
Член Міжнародної спілки письменників Криму з 2012 р.
Член редакційної ради альманаху «45 меридіан» (м. Сімферополь, головний редактор Н. Гук) – з 2010 р.
Упорядниця (разом із Н. О. Данилевською) антології «Вибрана календарна поезія сучасних авторів» (Ніжнє : ТОВ «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2010. – 64 с.).*

Sacre Coeur – Пронизане Серце (кармелітські практики)

Знов двері замкнуті. Я біля них стою.
Горить вогонь, для мене непомітний.
Куди подівся дух мій непохитний? –
Бо втратила я благодать свою.

З глузливим сміхом біси підлетять
Усі до мене, і, на гріх штовхнувши,
Знов зарегочуть. Я ж бо, потонувши
В семи морях ридання і проклять,
Звернусь до Бога – й сон страшний розтане.
Візьму я серце Господа до рук:
О, відімкни мені, врятуй від мук...
Хай все, як хочеш Ти, навіки стане.
Природа, що зіпсована гріхом
Незмитим, непростеним, первородним...
Але в п'їтмї вогонь багрянородний –
Ти відімкнув. Я тут. Я з Женихом.

АВТОРСЬКІ ПРИМІТКИ: дослівно Sacre Coeur – Святе Серце, тобто Серце Христове. Але в католицизмі воно зображується пронизаним. Про це сказано в працях святої Терези Авільської та інших кармеліток.

БІЛІ ТРОЯНДИ І РАНИ (ХРИСТОВА СТАТУЯ: ЕКСТАТИКА)

Смерть Христова –
Це не з нами було.
Розуміють митці
Все прийдешні.

Дві троянди – бліді,
На долонях Ісусових – рани.
На долонях простромлених –
Вічність –
Простягає їх статуя нам...

Я благаю простити –
І усміх побачу
Христовий.
Догорає свіча,
Біла-біла –
Католицька троянда.

Рани ллються з долонь.
Світло ллється до нас.
А сльоза уві сні –
Це прощення.
І я пам'ятаю:
Були
Дві білі троянди.
Дві троянди – білі –
Для нас.

ВЕНЕРА ТА ПЕРША ХРИСТІЯНКА

(за мотивами драми Лесі Українки «Руфін і Прісцилла» та роману Дмитра Мережковського «Юліян Відступник» з трилогії «Христос і Антихрист»)

1

Нещирість у власному домі...
Радійте: невдовзі на небо.
І зблискує сніг, наче згадка –
З дитинства? чи з Біблії? з міфів?

Не скоро воскресне Адоніс,
Тому діви плачуть і німфи.
Немає вже степу сухого,
В якому я квіти збирала –
Адоніси, чи горицвіти...
Тепер чую шепіт зловісний
Про те, що давно все розкрито,
І викриті всі катакомби.
Збудую домашню капелу,
Там питиму з чаші святої.
Але хтось побачив, як склала
Я руки й схилилась до ложки...
О, марення сонне, о думи,
Обплетені пустопорожньо,
Сторожкість, що серце стискає –
Як Йона, відчую задуху.
І в кожному погляді бачу
Підозру: невже й я подалась
До «секти», де богом вважають
Осла?.. Спалахнувши, озвуся,
А потім ущипливо мовлю,
Що й римські боги химерують:
«Немудрий Амур втнув би жарта,
Щоб ти закохався – в корову!»
І мертва всміхнеться Венера,
А очі – порожні та білі.
У гніві скульптуру скидаю –
Нехай розіб'ється поганська ...

2

Язичниця прийме з рук моїх
Подарунок
І зрадіє:
Не знала ж-бо свята такого.
(А воно – християнське).
Славте день!
На тебе, сестро,
Я не скажу «рака» ,
Тобі відкрию – хоч це проти правил , –
Що таке причастя.
І ти підеш зі мною в катакомби.
...Я розучилась струнко говорити,

Але ти мене й без цього зрозумієш.

ВІТРАЖІ В КОСТЬОЛІ СВЯТОГО МИКОЛАЯ

*В мук Твоїх безодню сходжу,
Плачу стримати не можу.
Католицький спів «Гірки жалі»*

Фіалки всміхалися на вітражах,
Бурштином у сонці осяйно заллятих.
Фіалки зростали на цих вітражах –
Ми входили в серце хрестовим походом.

Фіалки, ви чисті й глибокі, як зір
Пророчий, Маріїн, Ісусів, дитячий...
І ангели сиплють фіалки на нас –
Ми входили в мук Твоїх вічну безодню.

Фіалками ангели плачуть з небес,
І сльози в бурштині горять фіалкові.
А в храмі так деревом пахне святим,
І сльози мої висихають на сонці.

ДІВА МАРІЯ ГВАДАЛУПСЬКА

*Вірі Вовк та дню народження
моєї мами – 12 грудня – присвячую*

Ти являлась мені.
Відкриваючи мушлю,
У червонім гібіску
Тебе я побачу.
І в ацтецькім обличчі
Твоїм – блиск любові,
Сяйво піни та зорі,
І м'якість перлиста.
Надто серце просте
В мене, й дуже немудре.
Тихий шепіт у хвилях –
Видіння для Жанни,
Жанетти сільської,
Для всіх неписьменних,
Що зривають лілеї
Та янголів бачать.
Ти – в піску,
Ти – в кориді,
Ти – в ранах Ісуса,
Ти – у рибках морських
І в червоних трояндах.
День народження твій –
Це розквіти інфанти.
У твій день десь є сніг –
Тільки дуже далеко.
Кожен з нас знав тебе.
Кожен матір вбачає
У обличчі твоїм,
У перлистих одежах.
...Закривається мушля...
І море розбудить
Мое серце від сну.
Я малюю ікону.
Це так просто –
На мушлі –
Розкласти перлини.

ДО АРХАНГЕЛА МИХАЙЛА

Архангеле Михайле,
Не дай мені вмерти,
Доки я не смирила
Своєї душі.

Архангеле Михайле,
Не дай мені затремтіти,
Коли я побачу

Вогненні митарства
Й торкнуся твого меча.

Архангеле Михайле,
Ти знаєш, як боляче творити
У страхі великому.
Єдина надія – твій меч.

Архангеле Михайле,
Не дай пророку Іллі
Роздробити мій вутлий човен
У бурю.

Архангеле Михайле,
Дай мені розрізняти
Те, що я хочу.

ДУХУ МІЙ

католицькі практики

Так, Отче, так! І на віки вічні – так!

Св. Франциск Сальський

Духу мій, подай нам міць Свою .
Я бачу демонів,
Які зійшли з гори,
І в храмі Божому
Навіюють спокуси.
Духу мій, не відвернись від мене.

Духу мій, троянди нам подай.
Хай усміх Богородиці лілейний
Крізь полум'я страстей нас проведе.
О духу мій...

Духу мій, подай нам благодать,
Бо кожен з нас – це чаша для добра,
Але й судина зла, тростина хитка.
Бо кожен з нас – очищення свіча,
І кров од терників
У пущі світовій...
О духу мій...

Духу мій, о, сили нам подай!
Бо я – це Божий меч,
І хрест, і вічний шлях.
Не дай упасти нам,
Терпіння й сили дай,
Любов і доброту,
О духу мій, подай...

Духу мій, зміцни тендітну плоть.
Невже відрину я
Христа заради всіх?
О, сумнівам не дай
Опанувати нас,
І зрадити не дай
Своєї віри...

Духу мій, зломитися не дай.

Я бачу Матір Божу в зірчастому вінці.
Вона – в мандорлі вод, Вона йде серед нас,
І серед нас – Христос,
І вже нема спокус.
Духу мій...

ЕКЗОРЦИСТ

Бог каюття поблажливо, терпляче
Вже всоте вислуховує моління.
В моїх словах бринить кокетування,
Лукавство ледь проміниться, як усміх.
Нагадую у ніжності лукаво,
Що скоро вмру – і це кокетування
Моему виду надає печалі,
Мойй поставі – ніжності дитини.
Але я знову вранці прокидаюсь
І бачу келих чистий кришталевий,
В якому оселились янголята,
Що дбають про причастя таємницю,
А саме – щоб вино постало кров'ю,
Хліб не лишився створеним із жита,
І щоб Христос ввійшов усім до серця,
У пурпурі чи в кольорі небеснім.
Я знову йду відчитувати в храмі,
Я біса виганятиму сумлінно.
Знов одержимі падають без тями
Чи розбивають скло, чи хрест кусають...
Бог каюття подасть духовну силу –
Тож починаю... Та ворожий голос
З кокетуванням ніжним і знайомим
Відмовиться своє ім'я назвати.
Та це лукавство, начебто й невинне,
Мені тепер не стане на заваді.
...Засни. Спокійно. Я втираю піну
З поблідлих вуст нещасної. Спокійся.
Мій Боже каюття, Ти милосердний,
Ти Бог добра і поки що не помсти.
Хай світ засне зболілий одержимий
В Твоїх благих осяяних долонях.

ЙОНА В МОЇЙ ДУШІ

Розучилися ми

У китовому череві
Бути собою.
...Голова моя знову обплутана
Горе-травною.
І морською травною
Запахли гріхи
В нетрях темних...
Із безодні звертаюсь
До Тебе,
Мій Боже, –
Даремно!
Бо ніхто, окрім мене,
Не звільниться
З тої заклані.

...Роздирають мій мозок
Вогненні
Підступні
Шаркані ...
Милий Боже,
У цім замовлянні
Я буду собою.
...Світлий янгол
До мене спустився –
А отже, я встою.

ЛАМПАДА

Кров перейде у кров – це знаю я.
Мені цей знак Пречиста подавала.
Для вас, о кривні, я тепер постала,
Допоможіть моє знайти ім'я.

Пречиста, я молю: допоможи!
Бо вогник мій слабкий, давно неясний.
Молю Тебе: нехай вогонь не згасне
В Твоїй лампаді й більше не дрижить.

Торкаюсь в храмі лику й рук Твоїх...
Твоя лампада знов охороняє
Своїм вогнем – і скло прозоре сяє,
Воно міцніше від всіх брил міцних.

Та захватись хоче дух слабкий
В Твої обійми... Слабне мій вогонь.
Та на чолі моєму – знак долонь
Твоїх, Пречиста, й сльози втішні з вій.

Мій вогник миготить – і я дрижу.
Усі чужі в кільце стають навколо...
Але тепер зміцню я душу кволу,
Бо перейде моя кров у чужу.

Наталья Нестерова

Новочеркасск Ростовской обл., Россия

ПОСВЯЩЕНИЯ

ВДАЛИ ОТ

Ларисе Володимировой

1

В местах, столь отдаленных, что могли мы
Не столь их отдаленными назвать бы,
Листва слетает на худой суглинок,
Рябины пышут и вскипают свадьбы,

Капуста голову кладет под нож крестьянский,
И ведра звякают о камень у колонки,
Но нынче некому там разбирать пасьянсы
Листвы и ломких луж головоломки.

В отсутствие тебя там хлеба вдосталь,
И воздуха, и дегтя (смазать бричку).
Свистит за лесом удаленный доступ
В иные сферы вхожей электрички.

3

Виснет в воздухе волглом
Огонек семафора,
Собирались так долго,
А теперь уже скоро

Над мазутным бурьяном
Приподнимется поезд,
Может, станет романом
Эта грустная повесть...

Как бы вычеркнуть все, что
Берedit неустанно
Голубиною почтой,
Вороненою сталью,

Ледяным заусенцем
На крылечке подъездном,
Паутиною в сенцах,
Синевой безвозмездной...

По октябрьским фрамугам
Льются лета заначки,
«Нам не жить друг без друга», –
Где-то родина плачет.

Для наивного глаза
И видавшего виды
Расстиляется разом,
Только за город выйдем,

Самобранная скатерть
Невеселого детства –
Столько воли и власти,
Только некуда деться.

***

В.Х.

Роится снег, и жалит ледяно
И, умирая, падает на дно,
Небесный защищая улей,

Он говорит неслышно, еле как,
Что ради нас он валится во мрак,
А мы уснули,

И в сонной неотвязной простоте
Мы слышим голоса совсем не те
И без просыпу,

Фантомы нижем на сплошную нить
Забвенья, и кого же в том винить,
А он рассыпал

Свои войска, по умолчанью влет
Подбитые и вмерзнувшие в лед
Застывших речек.

Он говорит, что выкормит листву
Собой и травы, что затем живу, –
Внимайте речи.

Он говорит, что кроме нет пути,
Как только умереть, чтобы спасти.

***

Диме Р.

Подожди, все будет хорошо.
Небо сыплет белый порошок.
Небо сыплет белый аспирин,
Только наклонись и подбери.
Небо лечит, как умеет, нас.
Снег замерзнет, превратится в наст.
Утром ты гулял, посеял шарф,
К вечеру пожнешь озноб и жар
И небесный холод на лице
Ощутить захочешь, как в конце,
Как в конце концов не тает снег
И лежит уже не человек –
Оболочка, маска, все равно.
Это всем в итоге суждено.
Не спасут ни деньги, ни врачи.
Хочешь – крикни или промолчи.
Небо сеет, а земля родит,
Что же мы тут бродим посреди
Снегопада, гриппа, разных свинств,
Виски пьем, отплясываем твист,
Но всегда маячит за спиной
То, что всем в итоге суждено?
Ничего не будет хорошо
В этом мире, только снег пошел,
Только свистнул поезд вдалеке.
Подыши, снежок сожми в руке.
Просто еще время не пришло.
Небо машет снеговым крылом,
Небо учит, как потом взлетишь
В этот холод, белизну и тишь.

ВРЕМЕНА ГОДА

Насте М.

Я слышу тебя, говори, говори.
Про самое страшное или живое,
Про то, что небесная цифра есть три,
А вот на земле основание – двое,

Про то, что камыш шелестит на ветру,
На зимнем ветру под неласковым небом,
Про то, что нас вбросили в эту игру
И не рассказали, ни кто мы, ни где мы.

Я слышу тебя, повтори, повтори,
Что жизнь не очерчена лесом и полем,
Что дом, он всегда поначалу внутри,
И степень живья поверяется болью.

И степень зашкалит за крайний смычок,
Сорвется на крик, и на плач, и на кашель,
На грубом снегу зачернеет грачом,
Вопросом грача обмороженной пашне.

Я тоже тогда расхрабрюсь и спрошу,
Возможно ли все это бросить, оставить –
Весь этот нестройный ущерб, этот шум,
И градус тоски, обналиченный явью,

Возможна ли жизнь без простуды в груди,
Соринки в глазу, одуванчика в грядке,
Без глупой надежды на март впереди,
И даже апрель? Ты ответишь: навряд ли.

Я слышу тебя, говори, говори.
Про то, что судьба ожиданиям не кратна,
Но как ни хотелось остаться внутри,
Ростку невозможно вернуться обратно,

И мы так должны, мы обязаны так
Врастать в облака и корнями тянуться,
Пока нам Вивальди играют с листа
И солнце катают по синему блюдцу.

***

Р.К.

Никто не знал, как ночью у окна
ты говоришь:

– Так жизнь моя темна –
как эта ночь – и так дождем полна,
и фонарем, и ветром через край,
и листьями октябрьских расправ,
и бледной немочью бессолнечного дня,
никто не знал, что помнишь ты меня
и говоришь в такую точно тьму:

- Полжизни изведя, но никому
не пригодившись, я стою во тьме
и только дождь и ночь держу в уме,
и вижу я, как осень на мосту,
склонившись, долго смотрит в черноту,
кружится листьев знать, несется капель рать.

Никто не знал, да и не надо знать.

Михаил Зубарев *Харьков*

ПОСВЯЩЕНИЯ

СВЯТА ЗЕМЛЯ

И ось я знову на чужині.
Шукаю спокою в душі...
Зосталось серце на Україні,
Там рідний дім, товариші...

Шумить, гуде зелений гай,
Чумацький шлях горить у небі...
Земле моя, ти зачекай –
Я знову повернусь до тебе!

Хай дні ідуть летять літа,
На скронях сивина біліє...
Навіки та земля свята,
Де кожен кут тебе зігріє!

Де б я не був, щоб не робив,
Та знаю, що завжди чекає
Зелений край лісів та нив,
Де мати сина дожидає...

Свята земля безмежних мрій,
Де дім мій віку доживає...

СИРЕНЬ

Что ж, стало детство добрым сном...
В том городке, где я родился,
Рос куст сирени за окном.
Вчера он снова мне приснился.

Привиделись, как наяву,
Цветов дурманящие гроздья.
Как будто вновь я там живу.
А память в будущем – лишь гостья...

Мой груз минувших скорбных лет
В бездонных водах вечной Леты
Исчез, и горя больше нет...
Я в детстве и со мною лето!

Вот мчусь за обручем с горы,
Мне счастья большего не нужно.
А у соседской детворы
Костер горит и скоро ужин...

В углях картошку запекут,
И сало ломтиками жаря,
Всех в круг собраться позовут,
Друг другу что-нибудь подарят.

Уж ночь пришла в наш тихий двор.
И под кустом моей сирени,
Луна глядит через забор,
С ветвей отбрасывая тени...

ПРОЩЕНИЕ

Всем, кто со мною рядом шёл,
Через года или мгновенья,
Кто был причиной ни при чём –
Я подарю своё прощенье.

Благословений не прося
У них, меня порой бранящих,
Приму прощение. Не взяв
На сердце боль, а только счастье.

И это счастье подарю,
Им всем, блуждающим в пустыне.
Дано и им узреть зарю,
Они ведь в темноте и ныне.

Дай Бог нам всем увидеть Свет!
И жажду утолить беспечно.
Ведь никаких препятствий нет
Для жизни радостной и вечной!

ВЛАДИМИРУ ВЫСОЦКОМУ

Ты был лучом, нет – факелом огня!
И, как мечом, гитарой звеня,
Ты в темноту неверия и лжи,
Бросал мечту, ради которой жил!

БОГДАНУ АНТУ

Ты со мной,
в каждом взгляде
и вздохе.
Расстояния,
время,
усталость
и отчаянье
веру съедает...
Сохраняю Любви нашей крохи...
Моя вера со мною осталась,
А Любовь отреченья не знает!..

Марина Гуртовая Харьков

***

Порвала осінь небо на шматки:
примхливі хмари – вівці безпритульні, –
розбіглись неслухняні наді мною:
незлічені, розхристані хмарки.
Стан безтілесних спогадів і змін
у їхній суєтній ході один за одним
лишає слід навіть за мною,
як відображення дзеркальне у воді
не змінює небесного покою,
а тільки разом змінюється з ним.
Але, багаття, що на серці дотліва
Руйнує світ осінніх перегонів.

Порвала осінь зміст на на тисячі шматків,
а я лише квіток тролейбусний зім'яла,
бо подорож моя не співпадала
із пристрастю написаних рядків.

***

Обніжками, стежками,
слизькими травами,
талими сніжками,
сніжними лавами
здолати впавше на землю небо

і все, відразу, є, як треба.
Купальського свята
вогняна містика.
Червона кров запечена в свастику.
Рядки віночків – дівчачі радощі.
Стрибок над вогнищем.
Липневі пахощі.
А в двірці місяця замерз білок життя,
світлини завтрашніх замовлень не відзняті,
бо довжелезні язики багаття
ще мають змогу з'їсти майбуття...

Обніжками, стежками,
колючими тернами,
рудими покосами,
рухами майстерними
здолавши впавше на землю небо
і все, здається, стане, як треба.

***

Сонце випікає літо,
З'їдають тіло комарі.
Всі дні кончаються вночі.
І нічого причин шукати
легких і нестійких відносин.

Важкі думки гудуть як оси:
курчат рахують восени,
і остюками від покосів
роздряпані не ноги босі,

а тисячі скуйовджених надій
на ще одну вразливу зустріч,
де місяць світить у відрі,
через розчинені віконця
базікають свірчки малі,
і прикро, що метеликів нічних
ніколи не вгамує справжнє Сонце.

***

Гірчать переспілі вишні.
Фарбують вишневою кров'ю
зчертвівшу пучку руки.
– Куштуй, будь-ласка, іще!

Щорічне літо досяга в душі поволі
і наливається плодами якимось швидко
у сонячному кошику сплетіння
в міжгрудді
позашляхових безкраїн...
...літають зграї комашок
із купою тремтячих крилець
(всі дбають про своє)

Світ переповнений любов'ю,
аж по вінця,

радіє ще й тобі,
ти весь в поламанному гіллі,
не схожий на щасливого поки що,

але я вірю в перестиглі вишні, –
коли вони фарбують зміст життя.

– Куштуй іще, будь ласка, сміливіше.
Тоді вже схожа на щасливу буду я.

***

У істуканів очі в пилюзі,
то ж віхті сумніву
зіниці протирають.
Тому так відчайдушно я шукаю
правдивих слів,
бо вгледіти невзможі
наосліп все, щоб упізнати тебе ще здалеку,
відразу біжучи назустріч,
радіти знов,
і в куряві розгублено втрачати
зів'яли квіти,
що зірвала в дорозі.

Те, що назавжди я несу с собою –
Навіки легко віддаю тобі.

Анжела Арсенова Харьков

***

И отраженье лова птиц,
Плыть по теченью, вёсла помня...
И слушать ветер твоих ресниц,
Твердя: тростник твой пальме не ровня.

И кисть руки опустить вновь
В цветное марево волн кротко...
Судьба микширует нашу кровь,
Обдав лиловым и алым лодку.

Пока ещё далеко порог
И снова нам помедлят туманы,
В одну из самых светлых дорог
Мешая искренность и обманы.

Ещё помедлю до ноября
Жить прошлым, где кутерьма устала.
Вдруг море здесь волнуется зря,
И лето к осени опоздало.

И мне б до света грести вновь,
Руки твоей касаясь нечаянно
Не веря в новую эту любовь.
И веря так радостно, так печально.

***

Обними, как обнимают облака синь.
Я хочу на миг в твоих объятьях
Позабыть свои пустыни. Их ночную стынь.
Обними, как обнимают братья.

И сожми на миг, сожми ладонь мою,
Словно хочешь удержать меня над пропастью.
Оба мы у мира на краю.
Удиви меня нездешней робостью.

Я могу в глаза твои смотреть,
Как устало к ночи смотрят матери.
В ночь кромешную до солнышка лететь
Журавлями на старинной скатерти.

Поутру вернись в мои дожди,
Помолившись кротко и неистово.
И до святости лишь вечность подожди.
Будь мне Божьим. Чтоб я стала Божьей, чистою.

ДОЛЮБИТЬ

Я скажу подругам своим,
И своей не скажу родне,

Что сентябрь вчера засолил
Мои волосы в серебре.

Не скажу любимому я,
А признаюсь себе в сердцах:
Не сгорела душа моя,
Лишь обуглилась на краях.

Попрошу, хоть ни слова нет,
Первым снегом, рывком ветров,
Чтоб октябрь в душе не выключил свет,
Когда – он и она – нырнут в метро.

Когда – он и она – посмотрят – сквозь,
И друг в друге они увидят смысл,
Попрошу мою жизнь, чтоб одно сбылось:
Жизнь моя, ещё до апреля продлись.

В жизнь иную с моих пустых дорог,
Где не горько счастье, не тяжек сплин,
Отвернуть поскорей на иной порог,
Где меня ожидают и мать, и сын.

Только мне бы жить на семи холмах,
И в клубок мотая надежды нить,
Угадать приход июня в дверях,
И не спутать с июлем. И до солнца любить...

***

Пока ни выдоха ни вдоха
Из губ твоих –
Любовь мне не сулит подвоха
И бьёт под дых.

И между осенью и летом,
Где дождь горит,
Меня из сумрака и света
Господь кроит.

И, поспешая к небосводу –
В холодный рот
Он вложит горечи и мёду –
И жизнь вдохнёт.

И будут немота и звуки
Шуршать в душе.
И вновь возьмёт меня на руки
На вираже.

Прижавшись к тёплой и шершавой
Его щеке,
Молитвой помолюсь картошкой
Я налегке,

Чтоб из сукна весны и лета,
Под сенью крыл,
Меня для радости и света
Перекроил...

***

Однообразны сюжеты:
Здесь паровые котлеты
Съели мои стихи.
Жизни подстрочник тусклый –
Квашеная капуста,
Выпестованные грехи.

Солнечные ошибки
Выкрасят город зыбкий.
И над воронкой дней
Шорох лимонниц белых
Пудрит румянец спелых
Груш для новых гостей.

Но покружи, порадуй...
Тайной печали надо
Теплить простывший дом.
Жизни финал – это значит:
Вдруг промелькнет удача,
Но за темным окном.

***

Залитая дождями, как Венеция,
Заставленная мыслями вразброс,
По кромке вечера, как по трапеции,
Внизу – не сладилось, вверху – не задалось.
А он с утра торгует специями.
Им свидеться на рынке привелось.

Душе, бредущей кротко, как по паперти,
А в толчее святого ничего,
Как в забегаловке, на грязной скатерти,
Кладет ладошку на ладонь его.
Да мы, как в юности, с тобою, верно, спятили,
Он скажет, утираясь рукавом.

Признаться, промотал по пустякам
Всю будущность, посеял под ногами.
Так в самый раз поминным пирогам
Припомнить поле, реять колосками.
И солнцем горло полоскать в ночи
И не искать от юности ключи.

***

Как он живёт без царя в голове, без меня...
Режет под вечер балык, как вскрывают вены...
Молится – протестант, не без веры, но без огня,
Лёжа ничком или уткнувшись в стену.

Вновь я пряду эту тонкую серую нить,
Так, как вязала Элиза заклётым братьям...
Но не сложилось по-новому жизнь сложить.
И не хватает ни счастья, ни слёз, ни объятий.

Пусть бы на миг снова стал мне как муж или брат,
Чтоб разгорался восторг наш от лучика в линзе.

Может, он был бы успешен, и весел, и свят,
Зная, что любят его лишь за нитку на джинсах...

И по воде не брести нам, веруя и страшась,
Против судьбы прорываясь, как в Припяти сталкер.
Провозглашая Отцу, что Вселенная наша часть.
И убегая из рая в свои коммуналки.

РЫБЫ

Дыханье лёгкое древних рыб
Немыслимо, как вдыханье олова.
Их жестковатая нежность – глыб
Легчайших – с придыханьем – со□лона.

Плывут бок-о-бок. Там, где свет
Лучом простор слоёный режет.
Уже вторую сотню лет
В морях иных маршрутом тем же.

Воспоминаям дней – лучом
Она – коснётся – солнц нездешних.
О чём ей помнится? О нём,
Плывущим с ней во тьме кромешной.

Или о том, кто слов изгиб
Припудривал, как хлеб сольцой
Припоминая древних рыб –
С её душой. С его лицом.

проза

ПЛОЩАДЬ

Charkow

ПРОЗА

Алексей Карелин

пос. Колтово Брянской обл., Россия

Родился в 1990 году в с. Митьковка Брянской области. Закончил Брянский политехнический колледж, учится заочно в Брянском государственном техническом университете. Служил в РВиА (Ракетные войска и артиллерия) во Владимирской области. В 2011 году стал лауреатом премии им. П.Л. Проскурина.

География публикаций: США, Австралия, Казахстан, Финляндия, Новая Зеландия,

Германия, Украина, Беларусь, Россия.

СЕРДЕЧНЫЙ БОЙ

Горизонт заалел. Продрал глотку петух. Дед Емельян застонал, перевернулся к стенке.

Снится ему Варя. Да не та, что в могилу легла: полная, морщинистая, седовласая. Та, с которой под венец пошел. Гладит его жидкие клоки волос, улыбается. Как дела, как живется без нее, спрашивает. От тела жар идет, старые кости согревает. И так хо-рошо, будто у матери на коленях! Оттого и растянуты губы у старика во сне.

«Совсем не в моготу, Варюш, – шепчет Емельян. – Один, совсем один я. Сестра умерла, сын с внуками в Америку уехал – ни слуху, ни духу. Уж три года поди. Здоровье совсем не то. К тебе хочу. Скорей бы уже».

«Глупенький», – смеется Варя и вдруг отдаляется.

«Варька! Куда?» – кричит Емельян.

А девушка, будто фото старое, померкла и огнем охватилась. Дед Емельян зовет ее, руки тянет, плачет, но жена молчит, лишь глаза жалко смотрят.

– Соглашайся, Емельянушка, соглашайся, – эхом точно отдало.

Громко заурчал мотор, залязгали гусеницы. Врезался в Варьку немецкий танк, рассеял на тучу пепла. Грохот. Выплюнула пушка ядро да прямо в дом Емельяна. По-косилась крыша, внутрь осыпалась. И сделать ничего нельзя: ни гранаты, ни пулемета.

Будто из-под земли, выскочили немцы. Сверкнули в воздухе бутылки. Одна за другой разбились о дом, зажгли огнем адовым.

Емельян упал в канаву, пальцы закусил, чтоб не зарыдать. Плечи подрагивают, слезы ручьем льют.

Косые лучи солнца осветили пол, кровать. Пропел петух несколько раз.

Дед Емельян резко распахнул глаза. Сон... А сердце еще отбивает чечетку.

Встал, накинул рубаху байковую, клетчатую. Перекрестился трижды с шепотом: «Куда ночь, туда и сон». Руки сами потянулись к газете. Затрещала бумага, зашуршала под песком махорки. Дед Емельян скрутил сигарку, вддел ноги в тапки со стоптанными задниками и, шаркая, пошел на крыльцо. Штаны да носки он-то уже давно на ночь не снимал.

Плитка на крыльце еще не согрелась, даже чуть влажная – на ступеньке не поси-дишь.

Дед Емельян вышел на улицу, опустился на истрескавшуюся потертую скамью под забором и закурил.

Солнце еще не набрало силу, в теньке прохладно, но сигарка согревала изнутри. Рядом шелестел старый тополь, ствол – не обхватишь. Где-то в кроне забарабанил дя-тел.

Издали донеслась ругань. Неужели Сенька с утра надрался? Дед Емельян при-слушался, но не тот уже слух, притупился. Одно ясно, не жену Сенька поносит. Прие-хал кто?

Дед Емельян бросил окурок на утопанную землю перед скамьей, тяжело поднял-ся и побрел во двор.

Мухтар еще спал: цепь закруглялась от штыря в будку. А вот куры уже ку-дахтали.

Дед Емельян взял в сарае серп, корзину саморучной плетки. Пол огорода – трава. Это раньше, когда с бабкой жили, все усажено было картофелем, табаком, помидорами, огурцами... А много ли надо одному? Да и сил уж нет лопатой орудовать. С маленьким кусочком потихоньку еще справишься. Вот и растет теперь пятачок картошки, маленькая тепличка огурцов и табак – единственное, чего не уменьшилось. Без него дед Емельян жизни не представлял. Понимал, что губит себя, кашлял по-страшному, но бросить не мог. Сызмальства пристрастился.

Наполнив корзину молодой травой да одуванчиками, дед Емельян побросал их в курятник. Раньше рубил мелко, но куры и так неплохо едят. Зачем лишняя морока?

Из будки вылез заспанный Мухтар – черно-серая дворняжка, похожая на щенка овчарки. Увидел хозяина, твякнул неохотно.

Дед Емельян пробурчал:

– Сам не жрал, потерпишь.

Специально для собаки дед Емельян не готовил. Ели одно и то же. Самые лако-мые кусочки, конечно, доставались Емельяну. Когда-то была и свинья. Но на пенсию всех не прокормишь, да и в мышцах слабость – поди заколи, когда сам еле на ногах стоишь.

Дед Емельян нажарил картошки, открыл банку соленых огурцов – вот и завтрак. Не забыл поделиться картошкой и с псом.

Оглядел себя в зеркале – щетины нет, а жаль. Когда жена была – радовался: ба-бам-то не нравится, когда бородища – дикарство, мол, и целоваться неприятно. А сей-час скрыла бы она морщины, годы немалые, но не лезет, зараза.

Забрехал пес. Кого черти принесли?

Во дворе ждал высокий коротко стриженный мужчина. В солнцезащитных очках, одет с иголочки: черные костюм и галстук, белоснежная рубашка. В руке – чемоданчик, точно такие в фильмах обычно набиты пачками денег.

– Вы ко мне? – спросил дед Емельян неуверенно.

– Емельян Никифорович?

– Да, я.

– Тогда к вам. Пройдемте в дом, надо поговорить.

Пускать чужака в хату не хотелось – больно по-бандитски выглядит, – но не хамить же. Прошли на кухню, маленькую, где ютились и печка, и газовая плита.

– Чай, кофе? – вежливо предложил дед Емельян, хотя кофе с роду не имел.

– Нет, спасибо.

– Вы присаживайтесь-то.

Незнакомец заметил, что стул только один.

– Может, в зал? Неудобно, если вы будете стоять.

Дед Емельян скрылся за занавесками спальни, вернулся с табуретом, уселся.

– Ну?

Незнакомец опустился на стул, поморщился. Видать, не привык на таких сидеть: деревянных, жестких.

– Я, собственно, по какому вопросу. Ваша деревня близка к городу. Можно ска-зать, пригород.

Дед Емельян хмыкнул.

– Да, да. Вы, наверное, давно не выезжали из деревни? Наш город разрастается, обновляется. Вот и до вас дошел.

– То-то, я гляжу, трамвай по улицам начал ездить, – усмехнулся дед Емельян.

– Я серьезно, Емельян Никифорович. Город разрастается, нужны новые земли. Собственно, из-за этого я здесь. Земля, на которой расположена ваша деревня, выкуп-лена. Принадлежит частной компании, которую я и представляю.

Дед Емельян посмурнел.

– Мы собираемся строить тут высотки, – продолжал незнакомец, – супер-маркеты, заправки. Понимаете?

– Сними очки, сынок, – вдруг сказал дед Емельян. – А, так и думал: наглые, бес-стыжие. Чего пришел-то? Вышибалой будешь? Это не тебя сегодня Сенька поливал?

– Спокойствие, Емельян Никифорович, спокойно. Не надо волноваться, делать поспешных выводов. Никто вас не выгоняет на улицу.

– Тебя как звать-то, ворон?

Незнакомец пришел в замешательство.

– Антон Денисович. А почему ворон?

– Худой вестник, и черен так же. Антон, значит... Так скажи мне, Антоша, это кто ж вас надоумил землю выкупать, нас не спросив? Тут целая деревня живет, а вы этот, как его... полис собрались возводить.

– Деревня не такая уж большая. Много домов пустует, живут в основном пожилые люди. У деревни нет будущего. Сносить ее надо. Вас переселим в город. Понимаете? Взамен вот этой халупы вы получите квартиру в городе.

– Халупы, значит?

Глаза деда Емельяна ожесточились, лицо побагровело.

– Я в этой халупе почти всю жизнь провел. Сам строил, когда женился. Чихал я на твою квартиру! Тут вся моя жизнь. Тут! И другие тебе то же скажут.

Антон поскущел, взгляд опустил, забарабанил пальцами по столу, бросил задум-чиво:

– Да сказали уж... некоторые.

– Вот-вот, а я еще добавлю. Иди-ка ты со своей стройкой к ёдрене фене. Мы тут полвека прожили, а ты снимать нас с места вздумал. Умный больно! Земли мало? Вон кругом сколько. Строй, где хошь? А на обжитую не суйся. Тут прадед мой жил, и дед, и отец. Деревня войну повидала и простояла, а ты, сопля зеленая, сносить ее вздумал?

– Попрошу без оскорблений. Я понимаю ваши чувства...

– Да ни ежа ты не понимаешь! Тут все родное: земля, трава, речка, тополь, соседи, друзья... Хозяйство тут у каждого, огороды. Или ты нам и дачу подарить? Земля с пеленок нас кормит. Тут пращур, в конец, захоронены. Куда нам, старым, переезжать?

– Но ведь все равно придется, – пожал плечами Антон Денисович.

– Придется? Попробуй – отними. Моя земля, я за нее плачу. И мой дом.

– Ну, сколько вы платите? Гроши. Мы предложили миллионы. Все улажено – земля вам не принадлежит. Дом? Дом предлагаем обменять на квартиру.

– Я ниче подписывать не буду. И говорить даже на эту тему.

– Зря вы так, зря.

– Не тебе о том судить. Вот вам!

Дед Емельян показал кукиш.

– Так и передай начальству. С маслом, ваш бродие, с маком – как пожелае-те. Могу еще дырку от бублика привесить.

– В квартире-то лучше жить. Все ж цивилизация. И с печкой, – презритель-ный взгляд в сторону, – не надо маяться, и под рукой все: больница, магазины, рынок. Спо-койнее, от воров защищенее. Да и опять-таки посты полиции повсюду. А с транспортом и вовсе сказка.

Дед Емельян посмотрел на чужака, как цепной пес. Вот-вот зарычит.

– Сынок, ты что ль глухой? Я ему про Фому, он мне про Ерему. Какой транс-порт, какие магазины? Здесь мой дом родной, здесь! Иди от греха подальше, иди, пока не зашиб.

Антон Денисович резко встал, заиграл желваками.

– Я еще приду. Вы подумайте. Как лучше-то. Мы-то все равно своего до-бьемся.

– Да кто ж вам даст? Немцев прогнали, и вас – в шею.

– Ой, дурак ты, Емеля. Как в сказке: Емеля-дурак.

– Пшел вон! Вон, говорю, – закричал дед Емельян и яростно указал на дверь. – Пошел, пес!

Крик сорвался в кашель. Задыхаясь, дед Емельян согнулся. Антон Денисо-вич по-топтался и вышел молча.

Дед Емельян отдышался, прошел в зал, выглянул в окно. Не уехал, змий. Стоит под окнами черный джип. К Тоне, наверное, пошел.

Дед Емельян скрутил сигарку, вышел на крыльцо. Сел, закурил, подумал: «Надо табурет сколотить махонький, по ступеням люд топчется, а я задом все вытираю». Вы-курив самокрутку, дед Емельян вышел на улицу.

Из дома напротив выскочил Антон Денисович. Хмурый, резким шагом дошел до джипа, бросил сердитое: «Я завтра вернусь, дед. Подумай хорошенько». Джип взревел и покатил, покачиваясь, по ухабистой грунтовке.

Следом появилась Тоня – дородная баба в самом соку. Вся семья, считай, на ней держится. Муж заработанные деньги пропивает, сын таскает пенсию у бабушки или из дома что продает, чтобы магарыч добыть, дочь еще мала.

– И к тебе ирод заходил? – спросила Тоня, махнув на джип.

Как после битвы: раскраснелась, глаза сверкают, руки в боки. Она могла похлеще Сеньки обматерить, ее крутой нрав всей деревне известен. Антон тот, верно, не знал, куда деваться. Не зря, как ошпаренный, выскочил.

Дед Емельян скрипуче засмеялся.

– Что смеешься? Приходил, спрашиваю?

– Погостил немного и ушел несолоно хлебавши. Сеньке, вон, проспаться не дал.

– Смеется! Что смешного? – пыталась сохранить строгость Тоня, между тем угол-ки губ непрошено поднимались. – Проспаться не дал, говоришь? Так ему и надо: и од-ному, и другому. Мой вчера опять пьяный притащился, с Сенькой этим что-то обмы-вали.

– Было б топливо, а повод заправиться всегда найдется, – лукаво ответил дед Емельян.

– Ишь ты, как глаза заблестели. Тоже не ангел был, сразу видно.

– Был, Тонечка, был. Теперь – ни капли. Как Варьки не стало, не хочу. Сколько слез я ей принес из-за этой водки... Не хочу. На Новый год даже не пью – боюсь со-рваться.

– Эх вы, мужики, поздно за мозги беретесь... Вот сразу бы так.

Тоня вздохнула и сменила тему:

– Ну, что этот Антон Денисович тебе наговорил?

– Что, что. Что и всем, наверное? Квартиру обещал, блага цили... цилили... тьфу!

Тоня кивала, а потом и сама начала рассказывать:

– Спрашиваю, а что за квартира-то? Мнется. Новая, говорит, в городе. Чувствую, подвох. Где, сколько комнат, спрашиваю. Глаза опустил, виляет: ну, смотря ко-му...Одиночкам – однокомнатная, у вас семья – больше надобно. Больше – это сколько: две, три, – спрашиваю. Сколько квадратов? У нас-то дом вон какой, еще и пристройку сделали. Мямлил что-то. В общем, поняла, что лучше не будет. И поселят где-нибудь на окраине, вон за мостом что район, к примеру.

– Его все сегодня гонят. Ничего у них не выйдет. Вряд ли дураков найдут.

– Знаешь, а мне боязно, не усну сегодня. Землю-то, говорит, выкупил.

– Всех силком не выселят, а по-доброму не заставят. Правда на нашей стороне, и Бог, значит. Не бойся, Тонь. Деревне сколько годков осталось, потерпят. И им, и нам так лучше. Молодежь уезжает отседова, старики мрут. Время терпит, обождут.

– Ох, Емельян Никифорович, дай Бог так, дай Бог.

Дед Емельян сидел на крыльце и курил, когда пришел Антон Денисович. Мухтар натянул цепь, безудержно залаял.

– Здравствуйте, Емельян Никифорович, – сказал гость и одарил пса пренебрежительным взглядом.

Дед Емельян не ответил, глаза сощурил, выпустил дымную струю.

– Может, пса уймете? Голова разболится...

– А тебя никто не держит, – сказал дед Емельян, пожимая плечами.

– Пройдемте в дом?

– Я сегодня негостеприимный чего-то.

– Ну, вы хотя б подумали? Утро вчера мудренее. Вы – человек умный, не могли не заметить выгоду, – с улыбкой продолжил Антон Денисович.

– Как человек умный, я догадался, что вы хотите избу на шалаш обменять. С лица Антона Денисовича сошла улыбка.

– Никто вас обманывать и не думал. Вот сегодня три семьи согласились переселиться. Сейчас...

Антон Денисович поднял ногу, положил на колено дипломат, расстегнул и прочел:

– Симайко, Голубцовы, Покрышкины. Вот.

Дипломат с щелчком захлопнулся, нога опустилась.

– Все молодые... – заметил дед Емельян. – Нашли глупцов. Только знайте: среди старожиллов дураков нет.

– Емельян Никифорович, о вас же забочусь. Соглашайтесь. По-хорошему. Потом пойдет другой разговор.

– Что, с пушками приедешь? – презрительно усмехнулся дед Емельян.

– Ничего хорошего не обещаю. Вами займутся просто другие люди, которые не любят сюсюкаться.

Клокастые брови деда Емельяна соединились.

– Суда не боишься?

Антон Денисович невинно улыбнулся и ответил:

– Чего ж мне его бояться? Земля принадлежит нашей компании. Мы вольны распоряжаться ею по-своему.

– Божьего суда, Антоша, Божьего.

Антон Денисович на миг застыл и вдруг рассмеялся.

– До таких лет дожили, а до сих пор в сказки верите. Ну-ну, посмотрим, как ваш Бог распорядится деревней.

Дед Емельян бросил окурочку в коробочку, приспособленную специально для этого, гаркнул на пса:

– Мухтар, молчать! В будку!

Пес непонимающе посмотрел на хозяина.

– Иди в будку!

Мухтар склонил голову и поплелся в конуру.

– А теперь послушай меня, сынок: мы костями ляжем, а на землю свою не пустим.

– Значит, быть войне, – бросил Антон равнодушно. – В последний раз предлагаю капитуляцию. И овцы целы, и волки сыты.

– Ты не страшнее немца, сынок, не напугаешь.

Антон Денисович и дед Емельян долго смотрели друг другу в глаза.

– Я обошел еще не все дома – время есть. Подумайте, Емельян Никифорович, хо-рошенько подумайте. И овцы целы, и волки сыты. Соглашайтесь. В самом деле, так будет лучше, подумайте.

Антон Денисович вышел на улицу, а дед Емельян сидел, словно мёртвый. Бледный, глаза расширены, не шевелится.

«Соглашайся, Емелюшка, соглашайся», – словно эхом отдало, а перед глазами ясно встала молодая Варя. Вчера дед Емельян словам непонятным значения не придавал, мало ли какая нелепица во сне привидится. Теперь задумался. Не приходила ли и в самом деле Варька с того света? Предупредить, оградить от опасности.

Лязгнуло затвор калитки, вошла Тоня, всплеснула руками и крикнула:

– Емельян Никифорович, он опять приходил! Угрожать пытался! Надо людей со-зывать.

В клубе давно не было столь шумно. И стар, и мал собрались в тускло освещенной зале, обсуждали как злобу дня, так и личные дела, сплетни.

Прозвенел микрофон. То Тоня вышла на сцену и попыталась его настроить. В клубе стихло.

– Итак, спасибо всем, кто пришел сюда, – начала Тоня с улыбкой. – Возможно, не все еще знают, но нашей деревне грозит снос.

В дальнем углу клуба несколько человек ахнули, поднялся шепот.

– Ну-ка цыц! Да, вы не ослышались. У многих уже побывал адвокат дьявола – Ан-тон Денисович, так он себя называет. Уговаривает нас переселиться черт знает куда, покинуть родные места, хозяйство, бизнес.

Последнее относилось к Тоне. Она вела торговлю на дому: продукты, напитки, всякая мелочевка.

– Многих ожидает конура, семейным, возможно, что получше. К админи-

страции области взывать бесполезно. Она нас продала с потрохами. Я знаю, некоторые поддались посулам змия и прошу их пересмотреть решение. Взгляните сначала на обещанную квартиру, в конце концов. Чтобы вам не всучили вместо алмаза стекляшку.

– Нам показывал, – пискнул женский голос из центра толпы. – Ничё, красиво, уютно.

– И где находится? – спросил густой мужичий бас.

– Не знаю. На этом, ноутебуке показывал.

– Да так я вам и хоромы президента покажу, – рассмеялся парень у дверей.

– Лучше съездить, Настюш, – согласилась с ним Тоня. – Мало ли что он показывал. А теперь слушайте меня внимательно. Завтра прибудет техника. Одну улицу у нас отвоевали, там только Касаткин не согласился.

– Полевая, что ль? Там пять домов жилых. Есению да Ефимовну запугали, верно, одни ведь, без мужиков, а молодые – без ума, – прогнусавил мужик с рыжими бакенбардами.

– Это кто без ума? Мы выгоду видим и соглашаемся. Вам-то что?

– А ты б не испугался, когда такой хмырь напирает, да с угрозами, с медом перемазанными? – пожаловалась Есения.

– Тихо! – крикнула Тоня. – Завтра враг ступит на нашу землю. Мы не должны допустить этого.

– Это как?

– Поперек дороги ляжем? Аль как на свадьбе – в цепочку?

– А шо, у меня ружо есть, – заявил поджарый дед с белой бородой веером.

– Пальну разок, они и разбегутся.

– Не надо ни в кого стрелять, Павел Порфирьевич, – пресекала ненужные разговоры Тоня. – Но дорогу перегородить надо.

– Я ж говорил костьми ляжем.

– У кого есть машины? Кто не боится рискнуть?

– В смысле? – спросил рыжий, с баками.

– Поставим на въезде поперек дороги. Им не проехать.

– А если проедут? По головам.

– Не проедут. За это уже можно в суд подавать.

– Нет, я под таким не подпишусь.

– Я столько копил... Извини, Тоня, но я пас.

Взгляд Тони забегал по толпе.

– А я поставлю, ежели со мной хоть две наберутся! – крикнул Лагерев, небритый мужчина с фанатично горящими глазами, и выпятил подбородок.

– Ну, раз Егорыч осмелился...

Из толпы поднялась рука.

– Вот, уже двое, – радостно подсчитал Лагерев. – Кто третьим будет? Бог любит троицу.

– А что, я эгоизмом не страдаю. Ради общего дела...

Еще одна рука.

– Это кто тут эгоист? Мы, что ли?

– Да не в жизнь!

– Эки песни развели.

Одна за другой поднялись пять рук.

– Ну, пожалуй, хватит, – сказала Тоня. – Только после храбрость не растеряйте.

– Тонь, мужик сказал – мужик сделал, – заверил Лагерев.

– Да за тебя я спокойна, – отмахнулась Тоня. – Итак, кто готов бороться с произволом всеми способами?

– Да что мы можем? – хриплый старческий голос. – Только срок продлеваем.

– Нет, братцы, так не пойдет. Так мы можем не с чем остаться, – поддержали с задов толпы. – Ни дома, ни квартиры.

– Надо получше все разведать. Авось, не хитрят.

Тоня нахмурилась.

– У кого еще поджилки трясутся?

Толпа забурлила, заругалась, заспорила. Тоня пыталась управлять разговорами, но тщетно. Старые выселяться ни в какую не соглашались. Молодые

делились на тех, кто «за», и тех, кто хотел во всем разобраться. В конце концов, решили пока технику не пускать. Разузнать побольше. Вдруг золотые горы – не сказка?

Варя снова снилась. На сей раз не проронила ни слова, лишь плакала. Беззвучно, как икона, отчего на душе холодело. Дед Емельян сидел на лавочке, курил и думал. Сон ли дурной привиделся, или жена сказать что хочет. Неужели он должен покинуть родной дом? Знает же Варя, каково ему, не может не знать. Но просит, все равно молит. А что он деревне скажет, ей не объяснишь про сон, про дурное чувство – не поверят, осмеют, оклеймят предателем.

Над головой про шумел крыльями аист, уселся в гнездо, что через два дома на столбе желтело. Закричали птенцы. Супружеская пара нежно потерялась клювами.

У деда Емельяна защемило сердце. Так захотелось сына, внуков повидать! Услышать детский смех, обнять возмужавшего Кирилла, с невестой познакомиться. Опосты-лело одиночество. Жизнь не жизнь, когда рядом нет родного человека.

– Едут, едут! – звонко прокричал малец на велосипеде, затормозил и бросился во двор к Тоне.

Дед Емельян притоптал окурок и упер взгляд в калитку напротив. Наконец, появилась Тоня с мальчишкой.

– Что делать-то собираешься? – спросил дед Емельян.

– А что делать? Все уже сделано. Не проехать им в деревню. Пойду посмотрю, чтоб не учудили чего.

– Боишься, по машинам попрут?

– Кто их, дураков, знает?

– Ну, иди, иди, потом расскажешь.

Хотелось присоединиться к Тоне, да дальние прогулки давно стали слишком тя-желы. Дед Емельян ждал поначалу возвращения соседки. Понял, что придет нескоро, и занялся повседневными делами. Сготовил себе завтрак, зверье накормил, полил огур-цы. Сел на крыльцо передохнуть, заодно и дым пустить, вспомнил, что обещался себе сбить низкий табурет. Пока молотком махал, умаялся. Тяжело дыша, полюбовался на предмет своего труда, поставил на нижнюю ступеньку крыльца и тут же решил опробовать. Свернул сигарку, уселся.

– Вот, другое дело, – сказал с мягкой улыбкой.

Когда тлеющий огонек подобрался к пальцам, послышался голос Тони. Дед Емельян бросил курок и вышел со двора. Тоня буквально сияла. Неужели получилось?

Дед Емельян окликнул соседку, и та с радостью выложила, как было. И про бешенство Антона Денисовича, его угрозы, и про враждебно настроенных мужиков, скучковавшихся за Тониной спиной. Как Антон Денисович на словах не сдался, а сам велел стройбригаде возвращаться в город. Под улюлюканье детишек на велосипедах техника покинула деревню.

Деда Емельяна маленькая победа не обрадовала. Антон Денисович вернется. Та-кие люди сразу не отступаются, унижения не прощают. Чувствовал дед Емельян, что победа эта приведет к краху, лишь усугубит ситуацию. Не зря Варя плакала кровью.

Дед Емельян встал как обычно, рано поутру. Вышел с сигаркой на крыльцо: кровь разогнать, разум пробудить. На улице ругались. Тоня и еще кто-то.

Дед Емельян вышел за калитку. Соседку осаждали Федор – волосатый здоровый мужик, прозванный Волком, – и Кузьма – бойкий пропойца с большой залысиной, как всегда в грязных спортивных штанах и помятой майке, машет неимоверно худыми, бе-лыми руками.

– Эй, эй, черти, вы мне соседку не обижайте.

Федор обернулся, приветливо махнул.

– А, Никифорович, здорово!

– Что стряслось, что за шум без драки?

– Да стерва это... – начал было Кузьма, но тут же схлопотал от Тони тяжелую оплеуху.

– Я те дам «стерва»! Я те дам «виноватая»!

– Уймись, баба!

– Молчи, пьянь!

– Цыц! – гулко крикнул Федор. – Никифорович, тут, значит, такое дело: спалили наши машины, один металлом стоит.

Дед Емельян плюнул в сердцах и выругался.

– Знал, знал, что так просто не оставят. Ну а Тоня тут причем?

– Как причем? – хамовато возмутился Кузьма. – А кто машины ставить надоумил?

– Я тебя силком тащила? На буксире машину тянула? – налетала Тоня. – Я пред-ложила – ты согласился. Какие проблемы? Знал, на что шел.

– Если б знал, не поставил бы!

– А говорили, говорили ведь: вдруг раскатают!

– Так не раскатали же!

– А было бы лучше?

Дед Емельян поднял руки, пытаясь остановить словоизлияния, и сказал:

– Тихо, тихо вы. Что сцепились? Не ту глотку рвать стремитесь.

– И что нам делать? Кто платить будет? – не успокаивался Кузьма. – Где я деньги возьму на новую?

– Да она еле дышала у тебя! – воскликнула Тоня.

Дед Емельян всплеснул руками.

– Вот ядерен батон. Да уймись вы! Кто поджег, с того и спрос.

Спорящие замолчали, посмотрели на деда.

– Кругом-то ни машины ихней, – сказал Федор о строительной бригаде. – Не мог-ли они...

– Ночью приехать, пока мы спали?

Федор осекся, пожал плечами.

– Ну, блин, я этого шестерку в навозе закопаю! – пригрозил Кузьма и затряс кула-ками. – Я этого, с иголки...

– Дождись его вначале, – пробурчал Федор.

– Да я его... я его из-под земли достану.

Федор усмехнулся:

– Ну да, в грязи копать ты любишь.

– На что это ты намекаешь?

– На порося, что нахрюкавшись с друзьями в луже спит, – засмеялась Тоня.

Ни Антон Денисович, ни строительная бригада в этот день не показались. На сле-дующий, после полудня привезли вагончики, разместили на окраине деревни. Навезли досок, принялись возводить забор – огораживать строитель-ный участок.

Несколько деревенских во главе с Тоней навестили Антона Денисовича. Того яростные выпады в его сторону нисколько не смущали. Он не проявил ни капли внима-ния, лишь бросил небрежно:

– Прежде чем хаять чужих, присмотритесь к своим. Не всем мы противны, не все слепы.

А ведь и в самом деле даже не подумали, что кто-то из своих мог поджечь маши-ны. Из сторонников переселения. Та же самая Есения. Загорелась в го-род переехать, а тут помехи устраивают, за себя трясутся и другим планы ру-шат. Градус доверия резко понизился. Каждый присматривался к знакомым с подозрением. Ожидался серьезный разговор.

Состоялся он, конечно же, в заброшенном клубе. Вот только ни к чему не привел. Порычали, полаяли друг на друга, рассорились, Есению до слез дове-ли, а предателя не нашли.

После собрания дед Емельян долго сидел с Тоней у своего забора на скамье.

– А, может, ворон специально так сказал, – поделился он догадкой, – чтоб стра-вить нас, единого духа лишить.

– Да единства и не было, – заметила Тоня сокрушенно.

Солнце садилось, шелест в кроне тополя умирал. Захотелось рассказать о сне, о Варе, но стоит ли.

Дед Емельян посмотрел на Тоню. Поверит?

– Ну, ладно, Емельян Никифорович, пойду я, темнеет уже.

Тоня встала. Дед Емельян погрустнел и с обидой сказал:

– Иди, иди, конечно.

Тоня заметила тоску на стариковском лице, подбодрила:

– Не переживай, Емельян, и на нашей улице будет праздник.

Тоня торопливо перешла дорогу и скрылась за калиткой, прошуршал за-сов.

Дед Емельян поднялся с тяжелым охом, вошел во двор, кивнул Мухтару.

– Хорошо тебе, морда. Не ведаешь, чего творится, спишь спокойно.

Пес почувствовал настроение хозяина, проскулил в ответ. Дед Емельян по-нял по-своему.

– Сейчас, сейчас вынесу. Забыл я про тебя сегодня. Голодный, бедняга.

Вывалив в миску подсохшую жареную картошку, дед Емельян сел в зале, вклю-чил телевизор. Сносно показывали только два канала: «Россия» и укра-инский. Выбор небогат, поэтому пришлось смотреть новости. Дед Емельян знал, что ничего хорошего не услышит, но чем еще заняться. Вот стукнет де-вять – можно спать идти.

Телевизор вырубился, как и свет на кухне.

– Этого еще не хватало, – вздохнул дед Емельян, скрутил сигарку и вышел на крыльцо.

Тьма сгущалась. С речки, что за огородами, доносилось кваканье лягушек, с ули-цы – пение цикад, тихо звенела цепь Мухтара, когда тот переходил с ме-ста на место.

Вдруг донеслись мат, возмущенные крики.

– Да, гады, они! Не то что отключили, вовсе снимают, – Сенька вроде.

– Как вовсе?

– Так, провода снимают. Машина эта, электромонтеров стоит. Отрезали нас от мира.

– Вот суки...

– Ничего, они сегодня попляшут. Ты с нами?

– А то.

Дед Емельян вспомнил полные боли глаза Вари, кровавые ручейки на ее щеках.

Всё, война началась.

Дед Емельян встал с петухами. Спалось плохо. Не давало покоя злое щеё Сеньки-но обещание. Что дурак учудит? Подорвет еще кого, доиграется, что за решетку угодит. Да и Варя из головы не выходила. Бросить дом или бороться? В одиночку решить или посоветаться с кем?

С мутной головой дед Емельян вышел на крыльцо, бросил зевающему из будки Мухтару сердито:

– Хватит спать.

Зажег самокрутку, хотел сесть на табурет, но услышал вой крана, переключи-кающе-ся мужские голоса. Дед Емельян торопливо вышел со двора, замер, сигарка вывали-лась изо рта.

Над краном кружилась пара аистов. Их гнездо валялось на земле, придав-ленное вывороченным столбом. Рядом скручивали электрические провода двое в рабочих ком-бинезонах. Взволнованных птиц, казалось, никто не заме-чал, не слышал испуганного пищания из-под столба.

Дед Емельян затрясся, широкими шагами подошел к рабочим и обвалил на них трехэтажный мат. Ругался, стыдил, добивался ответа: неужели не ви-дели гнезда? Му-жики отмахивались, как от надоедливой мухи, и продолжали работать.

От беспомощности выступили слезы. Дед Емельян присел у столба. Один птенец мертв, у второго сломано крыло. Дед Емельян бережно поднял аистен-ка и унес во двор.

Птенец дрожал и не переставая звал родителей. Те примостились на кры-шу дома Емельяна и внимательно наблюдали за человеком.

Дед Емельян пока не знал, что делать с аистенком, но и бросить не мог. От-дать Ваньке? Месяц назад, когда птенец выпал из гнезда, мальчик подобрал его, кажется, выходил.

Дед Емельян привязал сломанное крыло к тельцу и пошел к Соломоновым. Аисты сорвались следом.

Во дворе Соломоновых полная женщина с черными кудряшками на голове мешала кормежку поросенку. Так увлеклась, что не услышала, как вошел дед Емельян.

– Здорово, Максимовна!

Хозяйка подпрыгнула с испугу, обернулась.

– Никифорович! Ты шо пугаешь? А шо это у руках у тебя?

Смахнула прядь с глаз, подошла к деду.

– А это партийное задание твоему сыну. Опыт есть, поди и этот полетит.

– Тогда у нас коты не было□.

– Когда успела завести?

– Да прибился чей-то...

– Ну, Ванька у тебя ответственный. Сохранит же, думаю.

– Ой, ты мой несчастненький, кто ж тебя так? – нежно спросила Максимовна, принимая птенца на руки. – А пишит!.. Головушку одурил. Неужто черти эти? – жен-щина кивнула на улицу, где завывал кран.

– Звери, а не люди, – пробурчал дед Емельян. – Нет бы снять осторожно, нет, ва-лят опору не глядя.

– Ты-то как, собираешься на квартиру соглашаться?

– Думаю, проиграли мы, – сказал дед Емельян обреченно. – Борись не борись, а в покое нас не оставят.

– Значит, будешь соглашаться?

– Варя мне снилась, плакала она, предупреждала, мол, соглашайся. Ей от-тудова, – дед Емельян ткнул пальцем в небо, – виднее. Говорят, на небе будущее открыто.

– Да ты не оправдывайся. Это дело личное, каждый сам себе хозяин. Я вот тоже задумалась, работу присматриваю новую, в городе. Там-то без земли денег надо боль-ше, – вздохнула Максимовна.

Дед Емельян кивнул.

– Сейчас с работой туго, а старикам тем более.

– Ну, ты меня в старухи не записывай.

– Да я о себе...

– Ты только никому. Я тебе сказала про работу и всё. А то и так чувствуешь себя обманщицей.

– Да не переживай. Сейчас, когда дело так круто пошло, все, небось, думают об убогой квартирке.

– Может, отстоим? – спросила Максимовна и взглянула на старика с надеждой.

– Как бы у разбитого корыта не остаться. Я не хочу перемен, всей душой против. Кто знает, как оно повернется.

– Ну, ладно, приму я горемыку, – сказала Максимовна, поглаживая птенца. – Ты только, слышь, никому о нашем разговоре.

– Замок на уста, а ключ в реку, – ответил дед Емельян с улыбкой.

Вышел на улицу, а сердце кошки терзают. Улыбка вмиг превратилась в болезненную гримасу.

– Емельян Никифорович? – раздался знакомый голос.

Рядом остановился чёрный джип, за рулем сидел Антон Денисович.

– Чего тебе, ворон?

– У вас раненые есть?

– Не понял.

– Ночью одного вашего подстрелили.

Словно ледяной молнией ударило: холодный ток прошелся от макушки до пят. Дед Емельян побледнел, еле выдавил:

– Как?

– Трое мужчин подожгли забор, один рабочий вовремя выскочил из вагончика и пальнул в темноту. Говорит, слышал крик. Трупы не нашли, значит, ранен. Так никто тут кровью не истекает?

– А вы хотите помочь или наказать?

Антон Денисович опустил взгляд, улыбнулся.

– Конечно, помочь.

– Нет у нас таких! – жестко заявил дед Емельян и зашагал к дому.

Джип тронулся следом.

- Емельян Никифорович, и не слышали ничего?
- Встал недавно, – бросил, не оглядываясь, дед Емельян.
- Ну, а что насчет квартиры, подумали?

Ноги вросли в землю, голова опустела. Что сказать? Единственное, что хотелось, так это плюнуть в наглуемую рожу. Но Варя... Дед Емельян силился переступить через себя – не получалось. Плечи поникли, навалилась жуткая слабость, и дед Емельян молча пошел дальше.

Антон Денисович не окликнул. Понял, надломилось что-то в старике, продержит-ся недолго.

Строительный участок, как положено, обнесли забором. Линии электропередач сняли, газ перекрыли. Правда, был он только у третьей части деревни. Число опустевших домов росло. Съехал и Кузьма. Это его ранил в ногу рабочий. Антон Денисович обещал не обращаться в милицию, если семья Кузьмы переедет. В деревне остались в основном старики. Тоня по-прежнему возглавляла бунтовщиков. Сенька также не поддавался угрозам. Дед Емельян никогда бы не подумал, что в пьянице проявиться такая стойкость. Сам же терзался сомнениями. Всё его внимание было приковано к Николаю Ивановичу, мужчине одинокому, жившему на отшибе деревни. На сходки деревенские он не ходил. Всегда был сам по себе. Николая не зря величали хитрым лисом, вот и теперь выделился, преподнес Антону Денисовичу сюрприз: приватизировал землю. Уж как шестерка невиданного бизнесмена вилась, изворачивалась! Всё впустую. Чувство-вал Николай, закон на его стороне. Не дурак, три года назад из города приехал. Тихой спокойной жизни захотелось. Как ликвидатор Чернобыльской аварии пенсию он получать стал рано. Вот и решил уехать от городской суеты.

Дед Емельян загадал: если Николай съедет, то и он подпишет бумаги.

На какое-то время Антон Денисович отступился. Забор железным занавесом отгородил Николая Ивановича от деревни, превратил в отшельника. Но ликвидатор не сдавался. На все уговоры отвечал, что продать землю не может. Тут скотинушка, черно-зём, воздух свежий... Хитрил, на грубость не переходил. Дошло до того, что как-то утром он обнаружил в сарае мертвую свинью. Сомнений нет, отравили. Ночью во двор прокрались и дали дряни какой. Свиныя все сожрет.

Антон Денисович посочувствовал и к делу перешел. Скота нет, деревенская тишь вот-вот исчезнет. За что держаться?

– Продавайте землю, деньги дадим немалые, купите трешку в центре города или сруб в какой деревне, – уговаривал он.

Понял Николай: житья не дадут. Хотел в суд подать на компанию, экспертизу провел, отчего свинья сдохла. Деньги у Николая были, сам – мужик умный. Но не сла-дилось. Если и была химия, то быстро рассосалась, её следов в организме не обнаружили.

Когда дед Емельян услышал, что Николай Иванович продал участок и в Питер уехал, то словно парализовало. И день ясный показался пасмурным, и солнце греть перестало. Здоровье – совсем ни к чёрту, а тут ещё давление подскочило.

День ходил по хате, охал, кашлял утробно, дымил, как труба банная. Окле-мался. Поутру пошёл к вагончикам строителей. Там обычно появлялся Антон Денисович, раз-говаривал с бригадиром, а потом разъезжал по улицам.

Все, кто не встречался по пути, сразу понимали, куда, зачем идёт дед Емельян. Читали по лицу, искажённому болью и тоской, красноречиво говорили и тянущиеся к земле плечи, пластилиновая спина да заплетающиеся ноги. Никто не посмел и слова сказать: ни осудить, ни подбодрить, ни попытаться объяснить. Выражение лица деда Емельяна тут же отражалось и на их лицах. Борьба с произволом чиновников оказа-лось тяжелее, чем с немцами.

Прихожая длиной в пять шагов, вширь – двоим взрослым не разойтись; маленькая кухня буквой «Г», потому как по соседству – туалет с узкой ванной; спальная комната – семь с половиной квадратов – в такой квартире предлагалось деду Емельяну дожить свой век. Плюс четвёртый этаж и отсутствие лифта, да тёмный узкий лестничный про-лёт.

– Большого я от вас и не ожидал, – печально улыбнулся дед Емельян.

Мухтар гавкнул, будто в поддержку хозяина.

– Извините, что осталось, – сказал Антон Денисович, разводя руками. Солгал, ко-нечно. Вряд ли другие получили жильё лучше.

С мебелью и вещами деду Емельяну помогли, оплатили и грузовик, и погрузочно-разгрузочные работы. Иначе дед Емельян переселятся не соглашался. Перевезти уда-лось не всё, так как пространство квартиры не позволяло. Бумаги оформили, как поло-жено.

Первая ночь на новом месте всегда рябиновая. К сожалению, и деда Емельяна не постигло исключение. Сон не шёл, в голову лезли тяжёлые мысли, перед глазами всплывали корящие лица оставшихся в деревне, смеющиеся – Антона Денисовича и бригадира. Искривились вдруг, как в потревоженной воде, и уже не люди, а черти со свиными рылами хохочут, довольно похрюкивая. Несколько раз дед Емельян выпадал из мучительной дрёмы, подскакивал в холодном поту.

Днём в голове звенела сталь, в глазах скрежетал песок. Дед Емельян слонялся по квартире, как призрак, пытался свыкнуться с новым жильём, осматривался, переставлял вещи. Мухтар лежал под креслом, положив морду на лапы, и вращал глазами: наблюдал, как хозяин бродит туда-сюда. К полудню дед Емельян уже знал, где сколько шагов да метров.

Усталое тело грузно опустилось в кресло, дед Емельян включил телевизор. Кана-лов ловило тут больше, обещали ещё кабельное подключить. Это и будет спасением, отдушиной до самой смерти, предугадал дед Емельян.

Дни тянулись, как нуга. Дед Емельян познакомился с соседями. Зрелая пара с двумя дочками-школьницами справа, деловой мужчина-одиночка слева. Тесной друж-бой, долгими разговорами и игрой в домино и не пахло. Во дворе частенько сидели на скамейке бабки: Лукерья и Авдотья. Ничто не ускользало от их внимания, сущие сплетницы, словно с газетной карикатуры сошли. Неподалёку от них за маленьким столом собиралась тройка любителей выпить: бывший зэк Толян, дворник Антон и пенсионер Абрамович. Послед-него видали и трезвым и, кажется, на мат он был неохоч. «Может, поладим», – подумал дед Емельян, обреченно вздохнув.

С каждым днём копила силу тоска. Тоска по дому, тоска по шуму в кроне тополя, тоска по Тоне, мальчикам на велосипедах и даже Сеньке. Да по всему! По прошлой жиз-ни. Бывало сядет в кресло, в одну точку уставится, а перед гла-зами сменяют друг друга воспоминания. В такие минуты Мухтар подходил к хозяину, подсовывал лобастую го-лову под ладонь, бил лапой по ноге – пытался вернуть. Если не помогало, начинал ску-лить. Боялся, наверное, что хозяин отдаст Богу душу, оставит на произвол судьбы.

Пять дней дед Емельян маялся и решил: надо попрощаться с домом, увидеть хоть разок напоследок. Сел на последнюю маршрутку до деревни и к су-меркам был уже там. Сошёл с проезжей части к забору – ворота закрыты, ра-бочий день кончился. Неужели зря приехал?

Пошёл вдоль забора. Не может быть, чтобы деревенские свой ход не проде-лали. Точно, ближе к центральной улице в плотном ряде досок нашлась брешь. Дед Емельян протиснулся и поспешил к дому.

На небе проклюнулась первая звезда, проступил гнойный овал луны. По пути ни-кто не встречался. Улицы казались мёртвыми, аж дрожь пробегала по телу. Тогда и пришла мысль: есть ли тут кто? Может, все съехали? Мало остава-лось, когда уезжал дед Емельян, а ведь прошло чуть меньше недели.

Нет, так нет. Дед Емельян всё равно на разговоры не был настроен. Оно и к луч-шему, если в деревне ни души. Хотелось попрощаться молча.

Впереди засветились белёные стены родной хаты, высокий дощатый забор в бу-рых лохмотьях краски. Лязгнул затвор, дед Емельян ступил на чёрную до-рожку плитки. Сердце защемило, к глазам подступили слёзы. Всё, как оставил. Покосившийся сарайчик, пустая конура, зелёная лужайка, над ней тянется бе-льевая верёвка, в ближнем углу – остатки дров... Всё памятно, близко к сердцу.

Курятник пустой. Может, продали кур, может, рабочие съели. Жаль време-ни не дали, дед Емельян на рынке б деньги за них выручил. Лишняя копейка никогда не по-мешает.

Дед Емельян поднялся на крыльцо, зазвенели ключи. Внутри дома гуляло

Через пару дней деда Емельяна выписали. Он доехал до автовокзала, спустился в подземку, чтобы перейти на другую сторону улицы, но в сумрачном коридоре наткнулся на знакомое лицо.

– Сенька! Ты ли? Что ты делаешь? – и радость, и страх перемешались воедино.

Привалившись к стене, на избитом полу сидел грязный оборванец, перед ним – коробочка, на дне которой валялись несколько рублей. Сенька и раньше выглядел худо: непричесанный, глаза мутные, колючая щетина, небрежно одетый. Теперь же и вовсе уподобился попрошайке. На руках и лице – следы копоты, одежда измазана ею же да грязью, местами прожжена. Худое тело покрывает фуфайка защитного цвета, из дыр на рукаве и плечах лезет вата. Взгляд пустой, губы искусаны, покрыты коркой, чуть шевелятся, а звука не слышно.

Дед Емельян потряс знакомого за плечо. Сенька вздрогнул, уставился на потрево-жившего. Смотрел долго, словно не узнавал, но что-то припоминал смутно.

– Сень, это я –– Емельян Никифорович. Ну, помнишь? На одной улице жили, через три дома.

– Емелька, – поразился Сенька и чуть не бросился обниматься.

– Тпру! Измажешь. Ты что тут делаешь?

Руки Сеньки безвольно повисли, лицо осунулось.

– А где мне ещё быть? Дома нет, до дочки далеко пешком ищачить.

– Пойдём со мной, поехали. Напою, накормлю.

– А ты что...

– Да у меня квартира. Вовремя я переехал.

Глаза Сеньки дико блеснули, ладони сжались в кулаки, затряслись.

– Так ты с ними?! Сговорился, сдружился? Уйди, зашибу!

– Уймись ты, старый чёрт. Идём, за столом объяснимся.

– Не пойду!

– Не дури. Бетон холодный, кости застудишь. Много ты тут выпросил? – дед Емельян кивнул на коробку с монетами. – То-то же, пошли.

Сенька ссыпал рубли в карман и побрёл следом за Емельяном.

В маршрутке от погорельца все ворочали носы, брезгливо морщились. Сенька же смотрел в ноги, сдерживал себя, чтобы бранью не разродиться. Ехали где-то полчаса, вышли в небольшом микрорайоне. Стройка ещё не закончилась, рядом с обжитыми вы-сотками стояли серые здания с чёрными пустыми глазницами, а то и вовсе огрызки многоэтажек. Рядом с ними возвышались краны, краснели ржавые вагончики. Помимо узкой центральной дороги кругом грязь и мусор.

На подходе к одному из подъездов дед Емельян пошарил по карманам, не нашёл чего-то и взволновался.

– Баллончик не взял. Или доктора забыли вернуть...

– На кой он тебе? – проворчал Сенька.

– Да молодёжь... Хулиганов много. С темнотой, так вообще страшно выходить. В ларёк выйдешь – за шкирки возьмут, на пустырь оттащат и порешат трёхсот рублей ради.

Когда за стариками захлопнулась дверь, а домофон умолк, Сенька протянул:

– У-у, темень. Так и навернуться недолго.

– Ага, так кто подстережёт и не увидишь, кто ножом пырнул.

– Лампочку хоть повесили бы.

– Да жаловались уже.

К концу второго пролёта лестницы, Сенька уже задыхался. Опёрся о перила, со-гнулся.

– Всё, давай отдохнём.

– Я и сам чуток подустал, – закивал дед Емельян.

– Чуток... Да тут сдохнуть можно, пока до квартиры доползёшь. Как живёшь, не знаю.

– Да вот как-то так. Всё ж лучше, чем на улице.

– А вначале крепким орешком прикидывался, кукиш им, говорил, а не дома.

а в спальне всё ещё горел свет. Держало Емельяна и Сеньку вместе горе, сон не шёл. Вы-курили всю пачку, аж туман стоял. Переживали заново ушедшие моменты, подлатыва-ли раны на сердце и душе, поминали тех, кто ушёл из жизни и не видал произвола в деревне, тех, с кем жили и не ценили, тех, кого не хватало.

Первым уснул Сенька. Говорил, говорил что-то нечленораздельное и замолк. Дед Емельян кивнул, прошептал: «Пора, брат, пора». Выключил свет и лёг в постель.

Утром на глаза упал луч солнца. Окна выходили, как в старом доме, на восток. Потому сперва деду Емельяну и показалось, что он дома, в деревне. С радостным чув-ством потянулся, сел на кровати. Улыбка тут же потускнела. Кругом знакомые вещи, а квартира всё равно чужая.

Сенька ещё спал, развалился в кресле, голова наклонена к плечу. Пускай, устал человек. Сколько дней незнамо где спал, слонялся.

Дед Емельян оделся, позавтракал, сходил в магазин, а Сенька всё спал. Отчего-то на душе стало тревожно.

Дед Емельян подошёл к Сеньке, тронул легонышко – холодный, как дверная ручка в подъезде. Потряс сильнее, окликнул. Болтается безвольно голова, об-мякшее тело не шевелится, грудь не вздымается.

Дед Емельян оставил Сеньку в покое, отшатнулся, прислонился к стене. Помер. Во сне, по-тихому. Оставил одного. Снова...

К глазам подступили слёзы. И тут же накатила злоба. На себя, на мысли эгоистич-ные. Сеньке-то оно к лучшему – отмучился.

Дед Емельян провёл ладонью по глазам и вдруг заметил улыбку. Сенька безмя-тежно улыбался. Всё-таки встретила его Василиса...

Анжела Арсенова

Харьков

ХЕЛЬГА

1...

Она так цепко держит мой взгляд, что кажется: это – единственное, что ещё связывает её с миром.

Стоит отвести глаза – и она неловко соскользнёт в никуда, больно оцара-пав моё лицо и выдохнув последний едкий страх.

В последние годы он копился как удушье, наподобие зоба, придававшего иногда сходство с пеструшкой над горсткой семян.

Возглас удивления, освобождающий её прижизненные узы, окончательно разделяет нас.

Но молчу, оцепенев перед разверзшейся вечностью, бесповоротно предаю-щей напряжённую и не очень удачливую жизнь её в иные, крепкие руки.

Взмах рук – похищенное сквозняком тепло, ледяное невнятное слово на прощанье – уже другими устами – и нет её.

Напрасно вглядываться в едва различимые глаза её с остановившимся взглядом, по – прежнему сосредоточенным на моей переносице.

Почему мы никогда не решались по – настоящему приблизиться друг к другу, если это было единственной помехой рассмотреть самих себя.

Мягкая дорога эта берёт начало из нашего счастья – ведь ты помнишь, что это такое, Хельга....

Не для того ли хранила я в единственно – тёплом углу души пыль и солнце здешних мест – в не учтённом никем, безмятежном коконе мира, утонувшем в пряном воздухе душиной черешни и сытых кур, блаженствующих в пепле воспоминаний.

Не для того ли помнила тёплые глаза навсегда ушедших, чтобы однажды в полыхающем предвечерье родная рука подняла крыло рябой сутулой птицы несётной страны – воплощенной жизни названной сестры моей Хельги, взятой из трудной жизни для светлой печали.

Может, это убержёт меня от вечной тревоги о жизни Хельги – ведь здесь всегда ей будет тепло и ясно.

Не лепестком, высохшем в ледяной горсти ветра; не зажатом меж душных страниц цветком, забывшим аромат, с бессонницей о сиреневом мае.

Не иллюстрацией прошлого.

Птицей, будь птицей с розовым клювом, в гнезде, с солнцем в перьях.

В день освобожденья от земных забот – твоя новая земля, новое небо...

4.....

Уже едва различимы старые сапоги твои с торчащими в разные стороны сбитыми каблуками.

Ошметья грязи едва ли делают нам честь – то же на моих каблуках – год от года старее.

Изумляйтесь, холодные звёзды. Я знаю, Ты, по – прежнему, любишь, По-сылающий испытания, не превышающие наших сил.

Для того ли так ласково я смотрела тебе вслед в надежде придумать счастливый поворот судьбы – со счастливыми днями и ночью без слёз.

Провожая ту, что была год сестрой моей Хельгой.

И так недолго – женой моего мужа - конечно, много лучше меня.

Какие ещё бездны скрываются в этом изморенном жизнью лице, так опрометчиво и доверчиво обнаруживающем невыносимые последствия прежней жизни.

Что отражалось в глазах, когда я с детьми ждала его к ужину.

Моя печаль не стоила твоих ухищрений стать одной из тех, которые не дождат синицей в руках и всегда посматривают налево.

Хельга, и тебе не удалось восстановить гармонию в его душе, ибо мой муж не был твоей половинкой.

Догадываюсь, и он хотел дать тебе немного тепла. Во всяком случае, он понимал это так.

Но не смог привыкнуть к твоей заботе сделать счастливым его – ведь это не единственное, на что он мог рассчитывать.

Если бы об этом я сказала тебе сама, ты не поверила, Хельга.

Я не знаю, как объяснить тебе – счастье не те острова, где нам суждено, быть может, встретиться ещё хотя бы раз, Хельга, Хельга.

Елена Амберова

Харьков

СОБСТВЕННИК (продолжение)

- Доктор, проснитесь, доктор, - Виз завис над постелью доктора, пытаюсь его разбудить.

- Что случилось, Виз? – пробормотал Кортис, не открывая глаз.

- Кто-то вынул генератор из «прыгунка». Мы идем на посадку, но где мы приземлимся, я не знаю. Я почувствовал изменение вибрации и сразу же направился в комнату «прыгунка». Но опоздал. Там уже никого не было.

Услышав эти слова, доктор моментально раскрыл глаза, и с изумлением уставился на слугу. Откинув одеяло, он сел на кровати.

- Это правда?!! Тогда нужно срочно найти вора! – воскликнул он. Нашупав ступнями шлепанцы, он вскочил с постели. – Идем, Виз!

Не став переодеваться, Кортис направился к выходу, как есть - в шлепанцах и теплой пижаме.

- Давайте, проверим спальни, - предложил колант. - Может, мне стоит присоединиться к гостям, чтобы они не телепортировались?

- Хорошая идея, Виз. Идем.

Вскоре колант поворачивал ключ в замочной скважине спальни Фелиссы и Глэча. Тихо войдя в комнату, Кортис и Виз остановились. В руке Виз держал светильник, который он прихватил специально для доктора. Сам же он видел в темноте так же хорошо, как и при свете. Осветив пространство спальни, человек-призрак направил светильник на постель. Там, раскидав по подушке черные кудри, спала Фелисса. Рядом, обнимая ее, лежал Глэч. Казалось, что оба спали. Черные очки, которые в течение дня постоянно скрывали ее глаза и половину лица, лежали рядом на тумбочке. Глаза Фелиссы были закрыты. Лицо ее было прекрасно.

- Похоже, что они действительно спят, - прошептал колант.

- Возможно. Но могут и притворяться. Цепляй их, Виз.

- Уже, док. Теперь, пока я не отпущу их, они не смогут телепортироваться.

- Тогда идем.

Оказавшись в коридоре, они направились дальше. Пропустив двери трех, освободившихся после последнего прыжка, спален колант с доктором остановились перед дверью комнаты Гарри. Из-под двери пробивался свет ночника.

- Виз, загляни, - приказал Кортис.

Человек-призрак тут же невероятно вытянулся и нырнул головой в замочную скважину. Да уж, для колантов нет практически ничего невозможного. Мгновенье спустя голова коланта вынырнула из замочной скважины и приняла прежние очертания. Виз снова стал почти материальным.

- Он лежит на кровати, одетый. Глаза закрыты. Спит или нет, не знаю. Я прицепился.

- Молодец, Виз. Теперь никто из них не уйдет. Как ты думаешь, насколько хватит энергии в запаснике? – спросил Кортис.

Он шел по коридору, направляясь к лестнице. Слуга скользил рядом.

- Часа на два - три, док. Потом погаснет свет, и перестанут работать электроприборы. Нужно будет телепортироваться.

- А где, ты сказал, мы можем приземлиться?

- Еще неизвестно. Станет ясно, когда закончится прыжок.

- Это не опасно, Виз?

- Не думаю. Надеюсь, что мы все-таки приземлимся поблизости от заданных параметров.

- Мы должны совершить посадку в окрестностях Монте-Карло? Насколько я помню, этот город расположен на берегу моря, Виз?

- Да, док.

- А если мы сядем в море?

- Приземлимся на дно.

- Чем это нам грозит?

- Ничем. Это ведь космический корабль, не забывайте об этом. Во время скоростных прыжков он выдерживает и не такие нагрузки.

- Да, конечно, я как-то позабыл. Ну что, занимайся завтраком, Виз. А я пойду, почищу зубы, да надену костюм. Расследованием займемся, когда гости соберутся за столом.

- Хорошо, док.

- Да, и... - остановившись, добавил Кортис, - постарайся как-то помягче... поставить в известность Ренальдо. Ты ведь знаешь, он такой чувствительный. У него больное сердце.

- Конечно, док. Я постараюсь, - ответил Виз.

И на миг Кортису показалось, что в глазах человека-призрака появилась несвойственная колантам теплота.

***

- Вы что же, заходили в нашу спальню? - воскликнула Фелисса, выслушав рассказ доктора Кортиса.

- Да, мадам. У меня не было выхода. Я старый друг господина Ренальдо и обязан был позаботиться о его интересах. Всем известно, что без генератора Прыгун ничего не стоит. Я должен был помочь другу спасти Прыгун.

- Но разве это давало вам право врывать в мою спальню?! - Фелисса была искренне возмущена и даже казалась растерянной. Из ее чувственного голоса даже исчезли капризные нотки.

- Вору тоже никто не давал право лишать господина Ренальдо его мечты. А пока не стало известно, кто из нас вор, у нас у всех одинаковые права. Мы не можем покинуть Прыгун и можем подвергнуться допросу.

- Хорошо, - казалась, смирилась Фелисса, - но если вы такой умный и так все рассчитали, скажите мне. Почему вор не телепортировал сразу же после того, как он вынул генератор? Чего он ждал? И почему он вернулся в спальню, вместо того, чтобы покинуть Прыгун и скрыться на Земле.

- Я тоже размышлял над этим вопросом, - ответил Кортис, - и решил, что ответ на него предельно ясен. Как сказал Виз, генератор вынули за несколько минут до окончания прыжка. А это означает, что в тот момент, Прыгун даже не вошел еще в атмосферу Земли. Вор не мог телепортировать до посадки. Он бы погиб. Возможно даже, Виз спугнул его. Таким образом, вор вернулся в спальню и стал ждать окончания прыжка. Он не мог предполагать, что Виз сразу же отреагирует, почувствовав изменение вибрации. Мы успели посетить ваши спальни до приземления. Таким образом, после посадки вор уже не мог телепортировать. Даже если и пытался. Колант всех держит, и каждый из вас это чувствует.

- А вы сами, док? - воскликнул Гарри, - почему вы исключили из списка подозреваемых себя? Колант держит всех, кроме Ренальдо и вас? Ну, с Ренальдо понятно. Он владелец Прыгуна и не станет воровать сам у себя. А вы?

- Позвольте, господин Гарри! - воскликнул Ренальдо, - вы забываете, что господин Кортис мой старый и преданный друг. Мы знакомы уже больше двадцати лет!

- Лично для меня это не повод, чтобы снять с доктора подозрения, - хмыкнул Гарри, - почему вы позволяете себе унижать подозрением платных гостей, и так легкомысленно доверчивы к тем, кто путешествует за ваш счет?

- Вы забываетесь, - прохрипел Ренальдо, стискивая кулаки, - прекратите сейчас же оскорблять моего друга, иначе...

- Что иначе?

- Иначе, я велю Визу обыскать вас.

- Перестань, Ренальдо, - мягко проговорил Кортис, - господин Гарри прав. Сейчас на подозрении все. Если он настаивает, пусть Виз зацепит и меня. Меня это нисколько не огорчит. В любом случае, я не собираюсь покидать Прыгун, клянусь вам.

- Я не позволю, Кортис.

- Так будет лучше, Ренальдо. Виз, - позвал он слугу, - зацепи меня так же, как и остальных гостей. Пусть все убедятся, что мы находимся в равных условиях.

- Будет сделано, док.

Кортис почувствовал легкий, едва ощутимый толчок в районе солнечного сплетения, и все. Больше никаких ощущений. Лишь осознание того, что с этого момента его возможности ограничены до возможностей обыкновенного землянина. Захоти он сейчас телепортировать, Виз удержит его внутри Прыгуна так же, как и остальных гостей.

- Вот и замечательно, - проговорил Кортис, - теперь можно продолжить расследование, Ренальдо.

- Итак, - вздохнув, проговорил Ренальдо. - На подозрении у нас... все, - с заминкой, бросив извиняющийся взгляд на друга, произнес он, - кроме меня и колантов. Я - владелец генератора, коланты - мои преданные слуги.

- А почему колантов вычеркнули из списка подозреваемых? - возразил Гарри. Он отодвинулся от стола, закинув ногу на ногу. Перед ним стоял бокал с виски, в руке дымилась сигара.

- Потому что это коланты, - ответил Ренальдо, - всем известна их преданность.

- Возражаю, - проговорил Гарри, - Пери здесь нет. И никто не знает, где он. Не обижайся, Виз, - кинул он через плечо парящему позади него коланту. Человек-призрак снова начал волноваться, услышав имя своего сына. - Мы просто должны рассмотреть все версии, - продолжил Гарри, - нас ведь тоже подозревают. А ведь вор только один из нас. Значит, все остальные страдают от несправедливых подозрений.

- Я согласен с Гарри, - проговорил Кортис, - тебе не стоит обижаться, Виз. Мы должны рассмотреть все версии, чтобы отбросить лишнее.

- Я понимаю, док, - беря себя в руки, ответил Виз.

- Согласись, что пока мы не увидим, что Пери здесь, мы должны его подозревать так же, как и остальных.

- Да, док. Но я не представляю, где он. Он любит спать в тесных помещениях. Ваннх комнатах, каморках. Я не знаю, где он заснул сегодня ночью. Тем более, что пока он спит, его невозможно увидеть.

- Святые угодники! - воскликнула вдруг Фелисса, - а вдруг бедный ребенок увидел вора, и тот убил его! - в голосе ее слышался неподдельный испуг. «Такое сопереживание очень странно для лифуйки, - подумал Ренальдо, - должно быть, она отличная актриса».

Виз, тем временем, покачнулся и начал расти. Его грудь вздымалась. Кажется, что неожиданное предположение Фелиссы нашло отклик в его душе. Конечно, он переживал, что сын до сих пор где-то спит. Тем более в такой напряженный для всех момент. Но до этой минуты колант даже не предполагал, что с Пери могла случиться беда. А если подумать... Пери - ребенок. Он человек-призрак, но он еще очень наивен. Он мог случайно увидеть вора и не сразу сообразить, что тот сделал. А когда сообразил, то было уже поздно. Его могли убить из «слэча», тот стреляет абсолютно бесшумно. А если спящий колант становится невидимым, то мертвый колант дематериализуется! Он просто исчезает. Пери, его мальчик, Пери может быть уже мертв! Эта мысль отразилась на лице Виза. Полупрозрачное тело же его продолжало расти.

- Виз, успокойся! Возьми себя в руки! - ворвался в сознание коланта голос хозяина, - Пери жив! Он просто спит! Верь в это! Ты не имеешь права верить, что Пери убит! Я не верю, и ты не верь!

- Да, мастер, я постараюсь, - с трудом взяв себя в руки, ответил Виз. Тело коланта стало медленно приобретать свои обычные размеры, и вскоре он выглядел почти так же, как всегда.

- Как бы ни была нелепа и ужасна версия мадам Фелиссы, ее тоже стоит рассмотреть, - проговорил Ренальдо. - Кто из вас имеет оружие? - спросил он, оглядывая окружающих.

Все молчали. Если кто-то и имел при себе оружие, никто не хотел в этом признаваться. Все испугались коланта, он чувствовал это.

- Виз, сделай милость. Осмотри все комнаты на предмет обнаружения оружия или же генератора, - попросил он, - время не терпит, мы вынуждены со-

вершить обыск. И попытайся разыскать Пери. Позови его. Если он спит, он проснется.

- Вы собираетесь рыться в моих вещах? – воскликнула Фелисса, - кто вам позволил?

- Не я, а колант. Я останусь здесь, вместе с вами. Виз тем временем осматривает спальни.

- Но позвольте! – дернулся Гарри, - никто не имеет права вторгаться в нашу личную жизнь.

- Так же, как и лишать кого-либо жизни, - ответил Ренальдо. – Сейчас речь идет о жизни ребенка. Виз, приступай к заданию. Осмотри все комнаты. Кричи, зови, делай что хочешь, лишь бы Пери тебя услышал и проснулся.

- Будет сделано, мастер, - ответил человек-призрак и заскользил вверх по лестнице на второй этаж.

- Ну, что? Может теперь, когда Виза нет, кто-нибудь признается в хранении оружия? – спросил Ренальдо, окидывая взглядом присутствующих после того, как Виз скрылся из виду.

- Ладно. Вот вам мой «слэч», - сказал Гарри, выкладывая на стол короткую, металлическую трубку с защищенной прозрачным колпаком кнопкой. – Но клянусь вам, что я никогда бы не использовал его против ребенка.

- Позвольте взглянуть? – спросил Ренальдо, протягивая руку к Гарри.

- Пожалуйста. Если вы разбираетесь в оружии, вы убедитесь, что им давно не пользовались. Только не открывайте крышку. Она защищает кнопку выстрела.

Архитектор, недавно ставший владельцем Прыгуна, осторожно принял от Гарри протянутый ему «слэч». Ренальдо не разбирался в оружии, но любил читать. В литературе часто упоминаются «слэчи» - наиболее распространенные орудия убийства. Насколько он помнил, «слэч» стреляет озоновыми пулями, которые оставляют после себя характерный запах. Резкий запах озона со временем выветривается, но не очень быстро. Так что, если из «слэча» недавно был произведен выстрел, конец трубки должен отдавать озоном. Даже, если стреляли несколько часов назад. Он поднес «слэч» к носу и сосредоточенно принюхался. Выходное отверстие оружия отдавало металлом и только. Из «слэча» действительно не стреляли довольно долго. С облегчением вздохнув, он положил оружие на стол.

- Мадам? – спросил, он, повернувшись к Фелиссе.

- Что вы от меня хотите? – спросила Фелисса, - неужели вы думаете, что я убила маленького коланта, а потом сама же и предложила вам эту версию? Я что, похожа на идиотку?

- Я ничего не думаю, мадам. Я хочу знать, есть ли у вас оружие?

- Нет у меня никакого оружия, отстаньте от меня.

Фелисса вытащила из пачки новую папиросу. Глэч поднес ей зажигалку.

- А вы, Глэч?

- О чем вы? – удивленно взглянул на него Глэч, - я в жизни не держал такой штуки в руках.

- Господин Ренальдо, верните мне, пожалуйста, «слэч», - напомнил Гарри, - я себя как-то неуютно чувствую, когда он не упирается мне в ногу.

- Вы меня извините, Гарри. Но пусть «слэч» полежит пока на столе рядом со мной. Так все будут чувствовать себя гораздо спокойнее.

Он понимал, что вблизи коланта Гарри не посмеет воспользоваться оружием. Тем самым он подпишет себе приговор. От коланта ему не уйти. Человек-призрак дематериализует его в один момент. Но все же...

- Как знаете, - пожал плечами Гарри и налил себе еще виски.

- А еще хочет сказать, что не бандит, - передернула плечами Фелисса. – Отдайте же Ренальдо его генератор, Гарри! Мы зря теряем время! Неужели вы не понимаете, что он не отпустит нас, пока не получит этот проклятый камень!?

- Мадам, вы прекрасная актриса! Только у меня нет этого камня. Не сомневаюсь, что он покоится сейчас в вашей сумочке! Верните его и, дело с концом. Неужели вы не понимаете, что проиграли?! У этого парня слишком хорошие друзья и преданные слуги!

- Вы только посмотрите на этого человека! – воскликнула Фелисса, - какую комедию он перед нами разыгрывает?!

- Мне никогда не превзойти вашего таланта, мадам!

- Прекратите! – воскликнул Ренальдо, - сейчас же прекратите этот спектакль! Скажите, кто-нибудь слышал, или видел что-нибудь подозрительное? Гарри, вы спускались в салон, может быть, вы кого-нибудь видели?

- Нет. Кроме Пери, я никого не видел. Он летал по дому, выискивая грызунов.

- В котором часу это было?

- Я уже говорил. Около трех. Я спустился в салон, увидел там Пери. Спросил его, что он делает. Он сказал, что учится уничтожать грызунов. Я взял виски, пожелал ему удачи и поднялся к себе. Больше я не выходил.

- Значит, около трех часов ночи Пери был в салоне?

- Да.

- Таким образом, версия о том, что Пери удрал с генератором сразу после вылета из Ганта, отпадает, - обрадовался Ренальдо. - Сбежать Пери мог только в течении трех минут после начала прыжка, пока мы не оказались в открытом космосе. А Гант мы покинули в час ночи. Я был уверен, что мальчик не мог украсть генератор.

- Святые угодники! Неужели вы всерьез приняли мои слова о том, что генератор украл ребенок, - фыркнула Фелисса, - я просто разозлилась, что вы меня задерживаете, и сказала первое, что пришло в голову.

- Я рад, что вы со мной согласны по поводу честности Пери. Теперь по поводу вас, мадам. Вы выходили ночью из комнаты?

- Никуда я не выходила. Я вообще ничего не слышала, никуда не ходила и никого не видела. Мы ушли с Глэчем около часа ночи и не покидали комнату до самого утра.

- Вы подтверждаете слова мадам Фелиссы, Глэч?

- Конечно! Мы всю ночь были вместе. Правда, утром Фелисса ушла раньше меня на завтрак, вы сами это знаете. Но я просыпался, когда она собиралась, и смотрел на часы. Было уже начало девятого.

- Понятно, - Ренальдо забарабанил пальцами по столу, - а ты, Кортис? Не выходил ночью? – спросил он, встречаясь взглядом с другом, - может быть, ты кого-нибудь видел?

- Нет, Ренальдо. Я спал, пока меня не разбудил Виз. Видно, в моей комнате что-то случилось с кондиционером. Вечером было очень жарко, я изнывал от жары, пытаюсь заснуть. Поэтому я принял снотворное и проснулся лишь от зова Виза.

«Точно, вчера вечером что-то случилось с кондиционером, я тоже долго мучился, пока мне удалось заснуть, – подумал Ренальдо. - Или это было позавчера?»

- Ладно, господа, отдыхайте, мне нужно подумать, – сказал он вслух и погружился в размышления.

«Итак, что мы имеем? – думал он. - Фелисса, Глэч, Гарри... Три подозреваемых и каждый из них мог совершить кражу. Когда Кортис с Визом пришли к ним в комнаты, все они находились в постели. Фелисса спала с Глэчем. Могла ли она выйти из спальни, забрать генератор и вернуться, пока Глэч спал? Могла. И Глэч мог. А Гарри? Тот вообще лежал на постели одетый. Виз сказал, что у него горел ночник. Зачем он оставил свет, и почему не разделся? Не успел? Или же действительно напился и заснул, как был?»

Так, нужно разобрать их каждого в отдельности. Фелисса. Что я о ней знаю? Ничего. Только то, что она лифуйка. Эти ее черные очки, которые она никогда не снимает, выдают ее с головой. Да и Глэч очень уж похож на донора. Лифуйцы – «пожиратели», люди постоянно ворующие энергию. Станут ли они терзаться сомнениями, если им срочно понадобятся деньги? Наверняка нет. Украдут, убьют, сделают все что угодно. Это хищники. Они живут по своим античеловеческим законам. Мотив? Должно быть, срочная нужда в деньгах. Генератор можно выгодно продать на Земле, сказал Гарри. Да, даже простое обогащение, это ли не мотив? К тому же, у Фелиссы назначена встреча, на которую она боится опоздать. И она явно нервничает. Курит одну папиросу за другой, кусает губы, и все время о чем-то думает. Да, Фелисса могла совершить кражу. Если бы в нашем обществе не было Гарри, я был бы просто уверен, что

кража – дело ее рук. Но ...

Святой Роберт! Что за общество осталось на последний прыжок! Какой-то сброд. Таинственная «пожирательница» с умирающим донором и вооруженный бандит. Попробуй, разберись, кто из них совершил кражу.

Гарри. Что известно о Гарри? Он имеет оружие, играет в карты с виртуозностью шулера, имеет деньги и не имеет биографии. Точнее, ничего о ней не рассказывает. Впрочем, так же как и Фелисса. Да, это тебе не те меркантильные тетушки, что сошли в Ганте. Две пожилые птолеонийки прожужжали нам все уши про своих родственников. Если бы кому-нибудь пришло в голову записать все, что рассказывали старушки, можно было бы написать целый роман о жизни одной семьи в нескольких ее поколениях. Старушки так гордились своими детьми и внуками.... Так, не отвлекайся. Что там с Гарри? Он не спал полночи, оделся, спустился за виски. Встретил Пери и вернулся в свою комнату. Куда же подевался Пери? Почему он так долго спит? А вдруг, он действительно убит?... Нет, я не верю, не хочу верить. Ах, дьявол, снова эта ноющая боль в сердце. Так, нужно срочно успокоиться. Мне ведь нельзя волноваться. Вообще. Так, на чем я остановился? Гарри. Этот человек, безусловно, мог вытащить генератор. Не в три часа, когда он спустился за виски, а под утро. И Пери тогда уже мог спать и не видеть его. Да, Гарри – наиболее вероятная кандидатура. Но зачем он рассказал нам, что генератор можно продать на Земле? Чтобы навести подозрение на Фелиссу и отвести от себя, это же ясно. Он рассказал об этом именно тогда, когда лифуйка упомянула о встрече. И все-таки, кто же из них двоих?

А, может, ни тот, ни другой? Я совсем позабыл о Глэче. А вдруг, этот парень не так безобиден, как кажется? Разве я могу быть уверен, что эта его страсть к Фелиссе - настоящее чувство? Вполне вероятно, что это хорошо разыгранный спектакль. Мол, мне ничего, кроме этой женщины не нужно, «слэча» в руках никогда не держал, как выглядит генератор, понятия не имею и так далее.... Все может быть. Не зря меня постоянно поражает его страсть. Слишком уж она какая-то нарочитая, я бы сказал. Или он действительно принадлежит к тем страстным, экзальтированным натурам, что бросаются в чувство с головой, или же... Что-то я совсем запутался. Снова сердце. Как сильно отдает в руку... нужно срочно успокоиться. Главное, чтобы Кортис не заметил, это его расстроит. Он так переживает за меня, мне совсем не хочется причинять ему боль своими страданиями.

Когда боль в груди немного утихла, он поднял глаза от пустой чашки и медленно обвел взглядом всех присутствующих. Влюбленные тихо перешептывались, сидя рядышком за другим концом стола. Гарри молча пил виски. Кортис взял с журнального столика газету и сейчас читал, казалось, полностью погрузившись в это занятие. Глаза Ренальдо остановились на Кортисе. Взгляд его зеленых глаз заметно потеплел.

Старина Кортис, как же нас с тобой угораздило попасть в такую переделку? Ты даже пожертвовал привилегией лучшего друга и позволил Визу зацепить тебя. Мой добрый, верный Кортис. Как давно мы знаем друг друга? Лет двадцать? Да, нет, пожалуй, даже больше. А этот человек, Гарри, пытался навести подозрение даже на тебя. Сразу видно – одиночка. Никому не доверяет, не имеет ни друзей, ни близких. Подозревать тебя, Кортиса – моего лучшего друга! Да если бы кто-нибудь из твоих клиентов услышал это, он бы просто рассмеялся Гарри в лицо. Лучший психоаналитик, врач с огромной частной практикой! Зачем ему воровать генератор? Что он с ним будет делать? Продаст? Кому? Ни я, ни Кортис не имеем таких знакомых, чтобы суметь тайно продать такую ценную вещь. Да и это путешествие. Я с трудом уговорил его отправиться в него. Я ведь знаю, как он любит людей. Хоть и устал. Я чувствую, что он устал от этих бесконечно жалующихся, выливающих на него свои эмоции пациентов. Если бы у него был другой источник доходов, он бы, наверно, с радостью сменил бы занятие. Хотя, кто его знает? Тут сам, порой, не знаешь, что хочешь. Где уж разобраться в потемках чужой души?

Ладно, я снова отвлекся. Что мы имеем? Ничего. Любой из гостей мог совершить кражу и остаться незамеченным. Любой. Да уж, детектив из меня еще хуже, чем владелец Прыгуна. Ничего у тебя не получилось, Ренальдо, ничего. А впрочем, в этом можно было не сомневаться с самого начала. Похоже, кроме архитектуры, я ни в чем не разбираюсь. Интересно, что думает Кортис?

Он работает с людьми. Кто может разобраться в этой ситуации лучше, чем психоаналитик?»

- Кортис, - зашептал он, наклоняясь к другу, - тебе пришла в голову какая-нибудь идея?

- По поводу? – отрывая взгляд от газеты, спросил тот.

- По поводу личности вора.

- Нужно подождать, когда вернется Виз. Если он обнаружит генератор или оружие, или же Пери, возможно, кое-что прояснится. Пока можно только утверждать, что украсть генератор мог каждый из нас. Ни у кого нет алиби.

- Я тоже пришел к такому выводу. Совершенно не представляю, как нам найти вора.

В салоне снова воцарилась тишина. Напряжение ощутимой, тяжелой тучей повисло в воздухе. Ренальдо налил себе кофе и, положив в чашку сахар, стал нервно его размешивать. Мысли его обратились к Визу. Стараясь не думать о боли в сердце, он мысленно следовал за колантом. Где он сейчас? В какой комнате? Что ему удалось найти? Доктор тоже думал о Визе. Он с нетерпением ожидал возвращения коланта. А вдруг тому удастся что-то обнаружить? Фелисса нервничала. Не помогала даже нежность Глэча. Гарри курил сигару, запивая виски, и постукивал носком ботинка по полу. Стучала ложечка по фарфоровым краям чашки. Красивые, тонкие пальцы выстукивали рулады по столу. Остроносый ботинок выбивал дробь на мраморном полу.

- Хватит! – воскликнула вдруг Фелисса, - Я не могу ждать! Не могу, понимаете! Я телепортирую сейчас же! Глэч, ты со мной?

- Конечно, любимая, - ответил тот, вставая из-за стола.

- Бесполезно, - спокойно проговорил Кортис, - Виз, даже занятый обыском, держит нас всех.

- А я все-таки попробую, - заявила Фелисса, сжимая в руках маленькую сумочку.

Она сосредоточилась, концентрируясь для телепортации. Закрыв глаза, она настраивалась, задавая направление. Если они находятся под водой, ей нужно телепортировать вверх. Желательно оказаться на суше. Пусть даже это будет остров. Не важно. Лишь бы они не залетели в океан. Ей так не хотелось мокнуть. Если они посреди океана, кто знает, сколько телепортаций ей потребуется, чтобы достигнуть Монако. Глэч сжимал руку возлюбленной, доверившись ей. Они собирались телепортировать вместе, значит, вести должен один из них. Глэч верил Фелиссе. Она столько раз бывала на Земле, а он так ее любил.

Вскоре, Фелисса попыталась переместиться. Но... словно привязанная цепью, она осталась на месте. Пространство вокруг нее на миг сместилось. Комната начала растворяться, но уже мгновение спустя все оказалось по-прежнему. Держась за руки, Глэч с Фелиссой стояли возле стола. За их спиной, спустившись по воздуху со второго этажа, оказался Виз.

- Я почувствовал, что здесь готовятся к телепортации, - сообщил колант. – Мадам, прошу вас. Присаживайтесь. Как только нам вернут генератор, вы тут же отправитесь на встречу.

- Проклятье! – крикнула Фелисса.

Она схватила со стола бокал, намереваясь грохнуть его об пол. Ей хотелось избавиться от напряжения, разбив, разломав что-нибудь в этой старинной, добротпорядочной гостиной.

Виз не стал ее останавливать. Когда звон разбитого стекла огласил салон, а осколки разлетелись в разные стороны, Фелиссе, казалось, стало легче. Отшвырнув носком туфельки крупный осколок бокала, она села на стул и взяла руку Глэча в свои. В конце концов, главное что он рядом и что глаза его светятся пониманием и любовью.

- Тебе удалось что-нибудь обнаружить? – спросил слугу Ренальдо.

- Нет, мастер. Я осмотрел все спальни. Конечно, я не мог сделать настоящий обыск. Я посмотрел в ящиках стола, в постели, шкафах. Так же, я прошу за это прощения, - колант обвел взглядом гостей, - я просмотрел личные вещи. То есть, одежду. Ни генератора, ни оружия я не обнаружил. Если генератор в комнате, то вор его хорошо спрятал.

- А Пери? – спросил Ренальдо. Он так боялся, что с мальчиком что-то случилось.

Лицо коланта дрогнуло. Видно было, что Ренальдо задел болезненную струну в душе человека-призрака.

- Я звал его. Он не откликается, – глухим голосом ответил колант.

В комнате воцарилась тишина. Каждый из присутствующих ощутил холодок страха, забравшийся к нему под одежду. Пери не откликается.... «Мертвый колант дематериализуется», - казалось, эта мысль невидимым, тяжелым грузом давила людям на плечи.

- Не переживай, Виз, - с трудом преодолев собственные сомнения, сказал Ренальдо. Колант, как и Кортис понял, что он пытается успокоить не только слугу, но и себя. – Ты ведь знаешь, что вы ... глуховаты. Он мог просто тебя не слышать.

- Я тоже на это надеюсь, мастер.

После этих слов в комнате снова воцарилась тишина. Но уже спустя мгновение пальцы Фелиссы забарабанили по столу, ботинок Гарри возобновил свои дробы, ложка в кофейной чашке Ренальдо зазвенела в такт грохочущему в груди сердцу. Напряжение нарастало. Мальчик исчез. Возможно, убит. Генератор не найден, но это никого не удивило. Было бы глупо не позаботиться о тайнике. Тем более, если вор оказался еще и убийцей. Убийца! Среди них находится убийца! Казалась эта мысль, материализовавшись, летает в воздухе. Убийца здесь, в этом салоне. Один из присутствующих УБИЙЦА!

Время летело. Минуты протекали, забирая у присутствующих надежду на признание. Если вор еще мог бы вернуть генератор, то убийца никогда не признается в содеянном. Он будет стоять на своем до конца. У него просто нет выбора. Признавшись, он тут же перестанет существовать. Колант не станет медлить. Он отомстит за своего ребенка.

Вдруг погас свет. Должно быть, запасник исчерпал себя. Они оказались в полной темноте. Ренальдо просто кожей чувствовал опасность. Убийца, кто бы он ни был, может решить дорого продать свою жизнь. Сейчас в темноте, не имея возможности телепортировать, он может начать убивать. Нужно срочно что-то решать. Они не могут оставаться в темноте рядом с убийцей! Это никак не поможет им вернуть генератор.

- Что это?! – раздался в темноте голос Фелиссы, - почему погас свет?!

Фелисса явно находилась на грани истерики. Она сняла черные очки, но все равно ничего не видела. Лишь теплая рука Глэча по-прежнему сжимала ее ладонь. – Глэч, не покидай меня, - взмолилась она, - я боюсь.

- Не бойся, любимая, - услышала она его родной голос, - я с тобой.

- Проклятье! - выругался Гарри, - нас могут порезать, как баранов, в этой темноте! Ренальдо, прикажите коланту отпустить нас!

- Виз, отпусти всех! – приказал Ренальдо. В голосе его прозвучала сталь. Сердце его грохотало в груди неровным стуком. Он принял решение. Пусть уж лучше все эти люди убираются отсюда, чем отчаявшийся преступник уничтожит их всех в темноте. Он осознавал, что, принимая такое решение, он теряет всякую надежду вернуть генератор. Он терял не только космический корабль, собственность, источник доходов.... Он терял мечту. Но разве какая-нибудь, даже самая заветная мечта стоит того, чтобы расплачиваться за нее человеческими жизнями?

- Ренальдо, подумай! – попытался образумить его Кортис, - если Виз их отпустит, спустя несколько минут ты утратишь Прыгун навсегда! Преступник унесет генератор! Он телепортирует в неизвестном тебе направлении, и ты останешься ни с чем!

- Делай, что я сказал, Виз! – прокричал Ренальдо, не обращая внимания на слова друга и на боль в сердце. – Отпусти... этих людей, пусть уходят!

- Да, мастер. Уже сделано.

В этот момент каждый присутствующий, кроме Ренальдо, ощутил легкий рывок в области солнечного сплетения. Как будто некая, невидимая присоска отлепилась от их тел, освобождая их и позволяя уйти.

- Уходите, - прошептал он, - уходите все... и я тоже уйду.

Он закрыл глаза, вспоминая те прекрасные виды, что довелось ему увидеть в видео-энциклопедии. Он понимал, что сейчас он не сможет телепортировать

прямо туда, куда стремилось его больное, грохочущее в груди, сердце. Сейчас ему нужно выбраться из морских глубин. Постараться выбраться. Наверх, к поверхности моря. Остров, риф... все равно. Подальше отсюда. От темноты, от этих людей и от убийцы....

***

Пери медленно открыл глаза, возвращаясь из страны грез. Он заснул под утро и проспал несколько часов крепким сладким сном. Ему снился удивительный, очень добрый сон про фею из сказки. Правда, она почему-то выглядела, как маленькая колантка. Но все равно, Пери был совершенно уверен, что девочка-призрак - добрая фея.

Он удивленно огляделся вокруг. Было темно. Темнота не мешала ему, он мог видеть в ней так же хорошо, как и при свете. Но все равно странно. Почему так темно?

Вдруг он почувствовал, что в грудь ему что-то давит. Что-то острое. Ощущение оказалось неприятным, и Пери понял, что именно оно его и разбудило. Быстро ощупав грудной карман, мальчик-призрак нащупал большую пуговицу и какой-то предмет. Засунув руку внутрь кармана, он вытащил наружу пуговицу и ... генератор.

- Генератор! – воскликнул он. – Так вот почему так тихо и так темно! Генератора нет в «прыгунке»! Наверное, уже давно, и запасники исчерпали себя! Но как он здесь оказался? - принялся размышлять он. – Телекинез! – снова вспомнил он. – Вчера перед тем, как идти спать, я рылся в видео- энциклопедии, «прыгунки» был открыт, когда я заметил потерянную кем-то пуговицу на полу. Мне лень стало наклоняться, и я применил телекинез, чтобы переместить ее в карман. А генератор, значит, каким-то образом попал в созданное мною силовое поле и тоже переместился в карман! Ужас! Что теперь будет?!

***

Наконец-то твердая поверхность камней под ногами. Лучи теплого солнца ласкают лицо, и едва ощутимый ветерок напоминает о том, как нежна жизнь на теплом морском берегу. Открыв глаза, Ренальдо в восхищении огляделся по сторонам. Впереди, насколько хватает глаз, простирается бескрайнее море. Вода искрится, переливаясь в солнечных лучах, свежий бриз наполняет легкие чистым морским воздухом. Оглянувшись, он увидел позади себя небольшой лес. Сквозь тонкие, прямые стволы деревьев тоже виднеется море. «Этот остров», - подумал он. Счастливая волна, поднявшись откуда-то из-за грудины, разлилась фонтаном по всему телу. «Я на Земле!» - хотелось крикнуть ему. Его мечта сбылась, он прибыл на планету своей мечты. Правда, пока на очень маленькую ее часть, но все же это Земля.

Вдруг он услышал знакомые голоса, раздавшиеся в каком-то метре от него.

- Любимая, не переживай. Мы успеем.

- Ах, Глэч! Ты не понимаешь. Если мы опоздаем, я потеряю этот особняк. Я так долго уговаривала владельцев уступить его мне.

Ренальдо так и остался стоять на прибрежных валунах, с удивлением рассматривая возникшую из воздуха пару. Он впервые видел Фелиссу без скрывающих половину лица черных очков. Почувствовав на себе его взгляд, она обернулась, и он встретился взглядом с прекрасными глазами. Золотистые, они лучились удивительной, неповторимой красотой. Более того, он уже многократно видел эти глаза и восхищался ими.

- Мадам, это ведь Вы! – воскликнул он, - Вы – Элизабет Стоулинг! Кинозвезда мега класса! Святые угодники! Какой я идиот! – стукнул он себя кулаком по лбу. – Я ведь чувствовал, что знаю Ваш голос. И губы. У вас такой характерный рисунок рта! Простите меня, мадам! Ради всего святого, простите! Я принял Вас за лифуйку!

Фелисса улыбнулась. Избавившись, наконец, от черных очков, она засияла в ореоле своей неповторимой красоты.

- Я знаю, Ренальдо. Увидев очки, вы тут же приняли меня за «пожирательницу». А Глэча - за мою несчастную жертву. У вас такое воображение! Вам

нужно писать сценарии, не сомневаюсь, что вы преуспеете. Вы достаточно безумны для этого.

- Мне так стыдно, - улыбнулся он - я так Вас боялся. Но почему?! Почему Вы никогда не снимали эти ужасные очки!

- Из-за Гарри. Он завсегдатай модных салонов и игорных домов. Вернувшись на Птолеон, он непременно разболтал бы всем, что летел со мной в одном Прыгуне на Землю. Я не могла ему этого позволить. Земля – это единственное место, где я чувствую себя в безопасности. Здесь никто меня не знает. Я могу жить, как обыкновенный человек. Я нашла дом в окрестностях Монте-Карло. И сейчас мне нужно спешить, чтобы не упустить этот особняк.

- Ну, надо же, - качнул головой Ренальдо, - я даже заподозрил Вас в краже генератора.

- Вы ужасный человек, но я вас прощаю, - мягко проговорила Фелисса и очаровательно улыбнулась. – А сейчас извините, мы должны вас покинуть, - добавила она, - меня ждут продавцы нашего с Глэчем «райка». Прощайте, Ренальдо.

- Прощайте! Прочной вам посадки, - добавил он. Ему очень хотелось, чтобы очаровательная Элизабет Стоулинг избежала купания в морской воде.

Глэч махнул ему рукой, и вскоре влюбленная пара растворилась в воздухе.

Проводив взглядом исчезнувший образ кинозвезды, он побрел по берегу. Постепенно стук в сердце становился ровнее и тише, и боль, отдающая в левую руку, отпускала его. Вскоре к нему присоединился колант.

- Мастер, я разведаль местность, - сообщил Виз, возникая рядом. - Мы недалеко от побережья. Вы можете телепортироваться за несколько раз.

- Хорошо, Виз.

Продолжая брести у самой кромки воды, он бездумно смотрел за горизонт. Прошло несколько минут, прежде чем он вспомнил, о чем ему сообщил колант.

- Скажи, Виз, ты видел княжеский дворец?

- Да, мастер. Он необычайно красив.

- А горы?

- И горы.

- А люди? Ты видел землян? Они красивы?

- Среди землян много красивых людей, мастер. Особенно женщин.

Он сел на большой валун. Взгляд его тонул в безбрежности моря, наполняя душу чувством наслаждения. Покой и безмятежное счастье, словно выйдя незримыми духами из морских волн, захватили его мысли и чувства.

Он потерял Прыгун, на который копил двадцать лет, но почему-то чувствовал себя счастливым. «Странно, - думал он, - почему я испытываю облегчение вместо горя? Каких-то четверть часа назад я так боялся утратить Прыгун, что чуть не умер от сердечного приступа. И вот я его утратил. Результат двадцатилетнего труда, лишений, экономии стоит на дне морском и я никогда больше не смогу им воспользоваться. А я счастлив. Почему? Может быть, потому, что я избавился, наконец-то, от страха? Страх лишиться собственности? Неужели я принадлежу к тем безумцам, которых собственность делает несчастными? Удивительно. Всю жизнь зарабатывать на Прыгун, чтобы с таким облегчением потерять его... И эта очаровательная Элизабет Стоулинг. Она ведь тоже бежит от славы. Наверное, и она когда-то стремилась к ней все душой. Значит, счастье все-таки не в достижении цели? А в чем?»

- Мастер, посмотрите, мастер, - вывел его из задумчивости голос коланта.

- Что, Виз? – с трудом оторвав взгляд от горизонта, он повернулся к слуге.

В нескольких десятках метров от них, бесшумно приземлившись на прибрежных валунах, стоял Прыгун. По его обшивке стекали струи воды, а из раскрытой двери круглого летающего дома выскочил Пери. Мальчик-призрак быстро заскользил по воздуху, направляясь к отцу и хозяину.

- Это ведь Пери, Виз?

- Да, это он, - ответил колант. Голос его заметно дрожал. - Это он, мой мальчик. Он жив.

- Отец! Мастер! – крикнул Пери - Я совершил первый в своей жизни прыжок! Я определил наши координаты и нашел ближайший участок суши! Какое

счастье, что вы тоже оказались здесь!

- Молодец Пери, - засветился в улыбке Ренальдо, - ты так же талантлив, как твой отец.

- Где ты был, Пери? – спросил Виз, обнимая подлетевшего к нему сына. – Я искал тебя по всему дому.

- Я спал в ванной.

- Подожди, а где ты взял генератор? Его ведь украли? – удивился Ренальдо.

- Генератор? – переспросил Пери, - я нашел его в кармане. Вчера вечером я хотел переместить оброненную кем-то возле «прыгунка» пуговицу, и, видно, генератор попал в силовое поле, переместившись в мой карман. Я обнаружил его только когда проснулся.

- Это невероятно, - прошептал Ренальдо, - значит, генератор никто не крал? Это была случайность? И все эти люди .... Святые угодники! Как жаль. Я подозревал в краже совершенно невинных людей! Мне так стыдно!

- Не расстраивайтесь, мастер, – поспешил утешить его Виз. - Все ведь обошлось.

-Что ты такое говоришь, Виз? – возмутился он, - кражи не было, понимаешь? Не было! Это просто чудо, что все обошлось так благополучно, и никто невинный не пострадал.

- В жизни такого человека, как вы, мастер, всегда будет место чуду, - пробормотал Виз. – А тебе еще придется подучиться, - не меняя тона, проговорил он, обращаясь к своему ребенку, - ты должен освоить телекинез.

Затем он потрепал сына по голове и по-приятельски подмигнул.

- А где же Кортис? - вспомнил вдруг Ренальдо.

- Я здесь, - услышал он голос старого друга.

Никто не заметил, как тот появился в нескольких метрах от них, тоже телепортировав на этот остров.

- Кортис, ты представляешь, кражи не было! Это была просто случайность!

- Да, я слышал рассказ Пери, - улыбнулся Кортис. – Виз прав, ему еще многому нужно научиться.

Илья Колтунов

Харьков

КОЛИ ТВОЯ ДІВЧИНА ГЕОГРАФ

Вона мені щось про Гудзонову затоку, я їй – як погано та невдячно виступати у харківських клубах. Ця жінка, яка все знає про пустелі Австралії та Карпатські небосхили, буде тримати тебе на мушці, допоки ти не скажеш: годі, годі атласам, мапам на стінах та духу Колумба у кімнаті. Тобі це буде так не подобатись... до тих пір, коли вона не прочитає усе про хоробрість пакистанських екстремистів та незайману свідомість їх дружин. Вона прийме Іслам, і тоді ти зрозумієш, що дівчина-географ-християнка – це не так вже і погано... Але буде пізно, і залишишся ти без сповідей та новин у сфері «Пізнай Світ». Проживеш, не дізнавшись, де все ж таки цей клятий Гольфстрім. Помреш у самоті. Лише її стійкий парфюм залишиться у спогад-сум про неї.

***

Мы не зря полюбили свободу, не зря сидели молча, слушая Сплин, на за-тертом музыкальном центре, я не зря тебя будил, чтобы побыть подольше с тобой, я знал, что так случится: опустеет комната, и мне не с кем будет делиться победами. Я держу их в себе, чтобы при встрече рассказать тебе в красках, что я держусь без тебя: немного соврать... Проржавели те санки, на которых нашего детства километраж, да и наш обыденный троллейбус с номером квартиры

сняли с маршрута. Мне не с кем пойти во двор: я сам бреду по алее к Довженко... Мне так хочется вырваться в лес, но он уже четыре года как пуст. Я так изменился, но этого ты не заметишь, я бы изменил своим принципам, чтобы на миг оказаться с тобой, в той двухкомнатке с мамой, мечтая о чем-то ещё.

***

Хай тебе тримає Бог під омофором, я за тебе як і раніше горою, тримай свої крила в теплі, бо тут занадто холодні вітри...

Трамвайний ДЗЕН

Вже минувала сота... тепер і до неї немає довіри, чи то вона така як усі, чи то я зробив з неї таку. Дякувати Богу, ще залишилось щось людське у цих очах, я вже злякався. Пробач, Ілюшо, за те, ким ти став, і дякую за те, ким ти будеш. Нова, нова, потім ще й ще – це парі між двома. Як це програти, маючи вигідну позицію? Це запалити вологими сірниками легкозаймісті душі і дивитись, як вони танцюють.

***

Це просто день, що розчинився в зливі.
Був просто день за смугами дощів.

***

Тривали трамвайні путі, інтервали у 5 хвилин, ми записували цікаві номери машин, щоб потім їх зустріти знов. Завдяки старому паперу ми ще щось писали в нотатки. Там був музикант, який не вмів тримати гітару, проте цікаво наспівував про життя, точніше про його відсутність: у цьому вся суть, у цьому вся сутність.

Я в Жадана тону в глибоководних творах, цей світ тебе не перший раз спотворив. Під ліхтарем все та ж Лілі Марлен, вздовж вулиці Сумської вимкнуть світло, у чверть на першу. Такі мінливі дні, що вже не в змозі замінити. Дзен моїх стислих оповідань тримає парус червоного трамваю. Той музикант заповнює голови робітників авіаційного заводу, які усе тримають у серці, їм, як усім, треба додому...

Павел Колесник

Харьков

ЧЕТЫРЕ СЕЗОНА

Конец лета уже дышал полной грудью в парках и улочках города, который он никогда не решался покинуть. Аромат осени уже начал витать в воздухе, когда он, сидя в кафе за стойкой бара на высоком стуле, пытался узнать у пятого стакана бежеровки, почему ему так тоскливо. Почему его сердце сжимается при мысли, что скоро наступит его двадцать восьмая осень. Ведь это не первая осень в его жизни. Он знал, что скоро трава высохнет, листья начнут желтеть и опадать. Знал, что потом на улицах станет холодно, сыро и мир вокруг него потеряет цвет, а потом придет зима, выпадет снег и все вокруг станет белым, а что белым не станет, то станет черным. Он все это понимал и мог с этим смириться, но сердце не хотело. Оно и бежеровки не очень-то хотело, но это единственное что он мог ему предложить, единственное, чем мог его хоть на время согреть. В кармане его льняного пиджака лежали пачка сигарет и зажигалка. Выложив их на стойку он подкурил одну, затянулся, и выпустив дым пригубил немного со своего стакана, запивая горечь никотина горечью настойки. Людей

в кафе было немного и бармен, обратив внимание на то, что посетитель закурил, участливо поставил рядом с ним пепельницу.

Почти через раз, когда он ставил на салфетку стакан, его взгляд устремлялся на огромное фото возле стойки, где парень и девушка на площадке летнего кафе, согретаемые нежными лучами утреннего солнца, пьют кофе. Ему всегда казалось, что это Париж и что это кафе с пестрым навесом над столиками находится на какой-нибудь тихой улице «Города влюбленных». Она всегда хотела увидеть Париж. Он хотел видеть только ее. Она легка на подъем. Он не мог покинуть город, как бы она этого не хотела. Она уехала. Он остался. Он остался сам, в кафе, где они всегда были вдвоем, где всегда встречались. Где они заказывали зеленый чай и яблочный штрудель. Теперь он заказывает настойку и курит сигареты, вкус которых ему противен. «Может поменять кафе» думал иногда он. Но не менял, а вдруг придет, вдруг вернется, сядет рядом, закажет штрудель и зеленый чай. Повернется к нему и как ни в чем не бывало, станет рассказывать о Париже. Расскажет о летнем кафе с фотографии возле стойки бара, расскажет, как сидела там под утренними лучами солнца, пила крепкий ароматный кофе и вспоминала его. И что может даже в этот момент он смотрел на фото и думал о ней и они вдвоем были в Париже, сидели за маленьким столиком и...

Но, она не приходила, и не было разговоров о Париже. Только его мысли о ней и горький никотин с горькой настойкой.

Потом он уходил, спускался в подземку садился в электричку и ехал домой. Он всматривался в лица пассажиров, искал там что-то, сам не зная чего, а когда встречался взглядом, то быстро отводил глаза в сторону. Вот и в этот раз он смотрел на пассажиров, когда его взгляд остановился на молоденькой девушке, с вьющимися волосами цвета каштанов, она сидела напротив, в ушах ее были наушники, она читала книгу. Он не знал как привлечь ее внимание, но затрепетавшее в груди словно птица в клетке сердце, подсказывало что он должен с ней заговорить, иначе она исчезнет. Дрожащими от волнения руками он достал из сумки блокнот и маркер и большими корявыми буквами вывел на белом широком листе «ПРИВЕТ». Он поднял блокнот, и стал держать его напротив девушки, ожидая, когда она поднимет глаза и заметит его. И через одну остановку она его заметила, заметила его листок и улыбнулась. Он улыбнулся в ответ. Она вытащила наушники из ушей и наклонилась к нему.

- Вы написали слово «Привет» с ошибкой, у вас не «Привет», а «Превет»!- Сказала она улыбаясь.

- Я знаю, это такой ход, что бы обратить ваше внимание и завязать разговор.- Не растерялся он.

Дальше была осень. Были свидания, цветы, шоколад, желтые листья вечер вдвоем, неловкий первый раз. Они ходили в кино, целовались. Она научила его варить глинтвейн. Он купил ей резиновые сапоги.

Он сказал, что любит ее. Она, она, неловко улынувшись, сказала, что не может пока выразить в словах свои чувства к нему. Но ему и этого было достаточно. Он покупал ей розы и торопливо обламывал шипы, что бы она, не поколола свои нежные пальцы.

Осень сменилась зимой. Зима принесла с собой снег и холод. Но им было хорошо вместе и они лишь стали теплей одеваться и быстрее ходить по улицам, что бы не замерзнуть. Он купил ей варежки. Она связала ему шарф. Они смотрели у него дома кино, укрывшись пледом. Спорили о литературе, о кинематографе и живописи, иногда о музыке, но никогда не сорились. Им не нужно было сориться, они были счастливы. Думали, что были счастливы.

Она мечтала уехать, мечтала побывать в Лондоне, покататься по большому каналу в Венеции, увидеть Париж. Он мечтал быть только рядом с ней. Он видел в ней весь мир, и он знал, как мир прекрасен, не выезжая из города. Он не мог покинуть свой город. Это ее огорчало. А то что ее это огорчало, расстраивало и его.

Зиму сменила весна. Они наблюдали, как взрываются зеленым изумрудом деревья и кусты в парке. Он дарил ей цветы, предварительно убрав шипы. Она стала отдаляться. Они сидели в их любимом кафе, где стулья были из темного дерева, а потолок и стены были в африканских рисунках. Они пили крепкий

кофе, и ели шоколадный торт. Она сказала, что хочет поехать посмотреть мир. Он сказал, что весь мир для него это она. Она сказала, что ей этого недостаточно. Он ответил, что не может уехать из города. Она ушла, не допив свой кофе. Он заказал себе порцию настойки и пачку сигарет.

После весны пришло лето, неся с собой зной, яркие цветы, и тот знакомый привкус горькой настойки, никотина и одиночества.

Сергей Огиенко

Люботин Харьковской обл.

ВСАМДЕЛИШНОЕ*

*Из неопубликованной книги: С. Огиенко. Избранное / Сост. и ред. –

Богдан Ант.

СТРАХИ

...Они окружили меня сразу после восхода — в тот час, когда мир был залит счастливым слоем вкусной сгущёнки. Их, как всегда, было много, я же — один-одинёшенек. Клацали зубы и затворы, бряцали когти и кандалы. Я набрал в зажатую грудь воздуха — был уверен, последнего.

Все их глаза, абордажными крючьями вцепившиеся в меня, наполнялись сияющей злобой.

— Кто... вы?.. — вялым ватином спросил я, хотя, кажется, уже догадывался обо всём.

— Посмотри на себя! — сказали они, тесня самым фактом своего присутствия.

Я посмотрел на себя.

— На кого ты похож! — и сделали дружный шаг ко мне, разом съев весомую долю моего пространства.

...А я думал о стене. Когда сзади стена и отступить больше некуда, можно вжаться в неё всем-всем тем, что тебе от тебя оставили, гордо вскинуть голову и таковым запечатлеться в янтаре вечности.

Но стены сзади не было — там были тоже они.

— Ну?! — взревел самый жуткий из них и наклонил свою тяжеленную голову.

Я сглотнул не в то горло, закашлялся, на глаза повылазили терпкие слёзы.

— Эй!! — длинные жала взглядов монстров прядями влетали в спирали моих ДНК.

«Это сон, — думал я, вслушиваясь в метроном собственного сердца. — Явственный сон. Явь — сон. Сон — явь. И даже больше!»

Мне захотелось хрипло, глубинно рассмеяться, но я только хмыкнул и плюнул на пыльную землю.

...Когда я открыл глаза, вокруг опять никого не было, и только забравшееся в зенит солнце безжалостно жгло поле истоптанных ромашек.

Made in мама

*Моей маме, Нинели Михайловне,
посвящаю.*

...Ты не видела, куда я засунул перчатки?

— В жопу... тут и смотреть незачем!

Моя мама, преподаватель русского языка и литературы, — человек прямой

и откровенный. И я, в свои тридцать с чем-то, вынужден с нею считаться, а вынуждает меня к этому любовь: я люблю свою маму и очень её уважаю. Слушаюсь, как в детстве. Вот и теперь, когда мама вознамерилась меня женить и даже договорилась о первом свидании, я тоже решил её послушаться и стоял в прихожей перед этой маленькой, сурового вида женщиной, выслушивая последние наставления.

— Ты знаешь, почему я отказала твоёмu отцу в продолжении наших с ним отношений? — говорит она, а я смотрю немного поверх её головы, как новобранец — прямо в старательно закрашиваемую седину, и мне становится грустно. — Потому что ты точно такой же лопух, как и он! Смотри, женишься без моего ведома — первую брачную ночь проведёшь в подъезде! Вон с моих глаз, слюнявая переросль! И без результата не приходи!

Она захлопывает за мной дверь — звук гремит стартовым пистолетом.

Мама послала меня на свидание к Милке Спетовой из соседнего подъезда — той Милке Спетовой, которая постоянно живёт дома из-за парализованного дедушки, ветерана неизвестно чего. Дедушка этот чихает в кулак и роняет очки, а если что, сразу кричит: «Я ветеран!» — и дробит кулачками в подлокотники инвалидного кресла.

У меня в руках купленный мамой букет, я застёгнут в любимый ею костюм — её великовозрастный лопушиный сын, и я тяну свой маминого производства палец к затаившейся в себе кнопке спетовского звонка, и на мне не хватает бирочки с гордой надписью: «Made in мама».

Вместо звонка из-за двери выплескивается лай сынка подгулявшей болонки Чопика, и я вижу дедушку в коляске и очень нарядно оформленную Милку. Я протягиваю ей букет, дедушка чихает в кулак и роняет очки, и к ним тут же с заранее задранной лапкой устремляется довольный Чопик, но дедушка не похожим на него большим и сильным голосом кричит: «Но! Я ветеран!» и спасает с пола очки с умоляюще сложенными ручками дужек.

— А, лопух! — гаркает дедушка и собирается снова чихнуть, но потом передумывает и толкает коляску с собой в комнату. — Давай сюда — чай стынет!

Мы садимся к заскатертённому столу, и дедушка сразу же впивается в уже налитую чашку; его неотрывный взгляд продавлиывает меня как кусок губки, и я никак не могу суметь игнорировать его. А под столом с чем-то там возится Чопик и елестерпимо тычется холодным носом под мои задравшиеся штанины.

Я настолько увлечён изучением дедушки, что не совсем сразу начинаю вспоминать, ради чего или, скорее, кого я сюда послан. И начинаю — не прямо, конечно, а как учила мама — как-то с размаху, скользящими движениями глаз, вроде метлой метя мостовую, разглядывать Милку Спетову: начиная, например, с дедушки — через Милку — к окну, и наоборот, качая взглядом туда-сюда. «Методом от противного», — назвала это мама. И дедушка действительно был противен.

Взгляду моёмu абсолютно не за что зацепиться, и маятники зрачков раскачиваются беспрепятственно: вся Милка какая-то бледная и невыразительная, словно сильно разбавленный чай. «Это хорошо, — говорила мама, — ей будет нечем тебе изменять». Сам же я считаю, что красота — это не главное, была бы душа, но душу пока не видно, и я ловлю себя на том, что пытаюсь отгадать в ней фигуру. Фигуру тоже не очень видно, и я заволакиваю себя идеей, высказанной другом Славиком: «Женитьба — то же самоубийство, жена же — всего лишь орудие его: не всё ли равно, с чьей помощью переправляться на тот свет?» Славик, конечно, любит хлестнуть красным словом, но в суть иногда попадает точно.

Милка потихоньку придвигает ко мне похожий на неё чай, и в глаза её забирается то плотоядное выражение «наешься — и ты мой!», которое базируется на женском мнении «путь к сердцу мужчины лежит через его желудок». Неправда! Я бы сформулировал ближе, без объезда: «Путь к сердцу мужчины лежит через женщину». Только где её, эту Женщину, взять?

Дедушка тем временем, не чихая, вгрызается зубами — в печень, глазами — в меня, и вдруг требовательно произносит:

— Лопух, не молчи! Ты свататься пришёл или нет, или что там тебе мама сказала?

Из-под стола вылетает визг Чопика, а затем и он сам: Милка вместо дедушкиной ноги надавила на него, а я вдруг широко улыбаюсь, подумав, что ноги-то у дедушки парализованы — их хоть дави, хоть не дави. Милка в ответ тоже улыбается, и от неё приятно веет чаем, а глаза у нее от улыбки становятся ещё уже моих перспектив. «Как в Китае», — думаю я и сворачиваю свою улыбку назад.

— Спасибо за чай! — говорю я и встаю уходить.

— Я ветеран! — для чего-то говорит дедушка и счихивает очки на пол.

Мы все втроём одновременно наклоняемся за ними, и наши руки встречаются в едином сплетении.

— Вот и договорились! — трубит дедушка и сжимает наши руки своей. — Твоя мама тоже этого хочет!

Я стараюсь что-то возразить, но тут все мы чувствуем, как тёпленькая струйка присоединяется к нашему пожатию, и видим счастливую рожу Чопика, держащего заднюю лапу на отлёте.

— Добрался-таки! — ворчит дедушка и стряхивает Чопика с места событий. — А я ж ветеран!

Я иду домой этим двором маминого детства, весь такой мамин и в маму, а она сидит дома и ждёт заранее известный ей результат.

Я действительно весь принадлежу ей и стремлюсь быть хорошим сыном. У меня ведь прекрасная мама, и мне нечего стесняться своей лучшей в мире фирмы!

Фирмы «Made in МАМА».

Николай Иосифович Купин

Харьков

член Национального Союза журналистов Украины, председатель Союза русских писателей Харьковской области «Сиверко».

Двадцать лет руководил одной из старейших в стране литературной студией «Нива» Харьковского тракторного завода. Сейчас возглавляет её правопреемницу – областную литературную студию-объединение с тем же названием. В открытом акционерном обществе «ХТЗ» он до недавнего времени работал руководителем пресс-службы генерального директора и ответственным секретарём газеты «Темп».

Закончил филологический факультет Харьковского госуниверситета имени А. М. Горького и там же – отделение журналистики факультета общественных профессий.

Литературным творчеством занимается с юношеских лет. Выступает со стихами перед читателями периодических изданий, на литературных вечерах и в учебных аудиториях; в организованных местах отдыха и перед ветеранами войны и труда...

Автор поэтических книг «Мир ничего не значит без любви», «Несказанная, неопалимая...», вышедших в издательстве «Кроссрод», и около 1200 произведений в жанрах поэзии, художественной прозы, публицистики, литературоведения на интернет-сайтах.

Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Русская слобода». За долголетний добросовестный труд награждён медалью «Ветеран труда», а за успехи в воспитании молодёжи Дипломом ВДНХ СССР и Благодарностью харьковского городского Головы.

СКАЗАНИЕ О СИВЕРКО, ГЕРОЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

ЧАСТЬ 1

Давным-давно это было. В достославные времена, когда люди жили простой, незамысловатой жизнью. Среди полудикой и милой природы. В согласии с богом и собственной совестью.

В лазоревой степи между Осолом и Донцом на полынных склонах глубокой балки стояла, утопая в садах, живописная деревенька. Сколько в ней было домишек, теперь уже никто с достоверностью не ответит. Но неистребимая молва донесла до нас, что жили в этом уютном уголке просторов русских смышленные, трудолюбивые люди. С незапамятных времён они возделывали обширные угодья, знали самые необходимые ремёсла, растили детей и внуков, а когда надвигалась лихая година, с мужеством и самозабвением защищали родную землю.

Давно отпыхала горячим багрянцем погожая осень, отшумели монотонные дожди, наступил промозглый и сердитый декабрь.

– Как там нынче на дворе? – спросила волоокая и раздобревшая Любавушка своего мужа Яснозора, когда он появился из сеней и стал снимать сырмятную обувку.

– Чай, зипун пора одевать. На выгоне свежо больно. Сиверко веет.

– Сиверко? – гуторишь. – А я, видать, к вечеру дитятей разрешусь. Соломы наноси в хату, водицы нагрей.

Яснозор заходился делать всё, что велела молодая жена: жарко натопил печь, толстым слоем соломы и чистой холстиной застелил глиняный пол, наносил и нагрел воды, а когда у Любавушки начались схватки, прогнал с глаз долой детей и сам принял роды.

Седьмой ребёнок в семье оказался горластым и юрким мальчишкой. Яснозор поднял его на грубых ладонях к лицу, смачно расцеловал в скользкие грудки, живот, промежности, отчего малыш пуще прежнего заорал.

– Расти, сынок, здоровым, как дуб, хватким в работе и с клёпкой в башке. Совестьным будь, а не то турну из дому, как пса шелудивого.

– А как мы его кликать будем? – измученная, но счастливая, спросила слабым голосом жена.

– Да как? Пожалуй, Сиверко! Нынче ж на дворе сиверко, вот и сыну Сиверкой быть. Свежим и крепким. Что северный ветер. А раз северный, свежий, то и вокруг всё будет здоровым и свежим.

ЧАСТЬ 2

В раннем детстве воспитанием Сиверко никто не занимался. Пока он ходил пешком под стол, за ним ещё присматривали дед с бабушкой, сестрёнки и братцы. Но когда маленько подрос и сломя голову стал гацать по буграм и оврагам, карабкаться к подоблачным гнёздам и со старых верб нырять в глубину пруда, о нём как будто забыли и не вспоминали даже тогда, когда он приходил домой с синяками и окровавленным носом, разбитыми коленями и локтями.

Когда Сиверко стукнуло семь годков, он собрал во дворе братьев и сестёр и вызывающим тоном сказал:

– Смотрите, слабаки, что я умею делать, и сами учитесь.

Потом приласкал годовалого телка, подлез к нему под брюхо, поднял его и зашагал вдоль избы. Бычок мычал, семенил в воздухе ногами, а ребяшня с выпученными зенками оторопело следила за домашними чудесами. Откуда ни возьмись, подбежала и на всю округу в испуге заверещала Любава, коршунном слетел с крыльца Яснозор, в гневе отвесил мальцу горячую оплеуху, а тот, сбросил с плеч телка, стрел в охапку отца и, хохоча, запроторил его на копну свежего сена.

– Еще раз хоть перстом тронешь меня, батяня, убегу из дому. Ищи тогда ветра в поле, родимый.

Как только Сиверко заговорил о ветре, голубое небо вспороли шипящие молнии, оглушительно затрещал гром, а с места, где малыш пригрозил отцу, взметнулся в зенит огненный столб. На языках пламени под самым поднебесьем, словно над жерлом заговорившего вулкана, распластался и завис птицей наш герой, устремивший к земле многозначительно-непостижимый взгляд.

Ошеломлённое семейство Яснозора увидело, как малыш взмахнул руками, набрал полные лёгкие воздуха и начал напряжённо дуть. Сразу засвистел ветер, по небу за клубились тучи, над самой землёй поднялись пыль и мусор, с могучего дуба посыпались незрелые жёлуди, закудахтали куры, заготовали гуси, заржали кони, а стадо коров, несущее с пастбища молоко, подняло такой рёв, что у всех в деревне волосы встали дыбом. На поля, дома и деревья обру-

шилась пелена невообразимого ливня, от которого, казалось, спасу никакого уже не найти.

Но стихия, к счастью, бесилась недолго. Никто не утонул в бурлящих потоках воды, и хоть дождь был очень холодным, никто, промокший до нитки, не простудился. Тучи рассеялись белыми перьями по нежной лазури, над земным миром воцарилась величественная радуга, с неба вниз понеслись чарующие переливы музыки, сладкоголосо запели птицы. Чудесный, неповторимый аромат защекотал ноздри, закружил головы и унёс людей в мир фантазий, грёз и душевного блаженства. Дети Яснозора переглянулись, посмотрели на отца с матерью, и те показались им на целый десяток лет моложе. Будто замороженные, они любовались красочно-многоликой радугой. И видели, как по ней, словно с крутой, сверкающей снежным заревом горы, спускается на ягодицах ихменьшенький, шаловливый, их самый любимый сыночек – Свет-Яснозорович Сиверко.

ЧАСТЬ 3

Приземистая кузница изнывала от жары, дыма и грохота. Горячее солнце уже покатилося к западной околице, когда Сиверко бросил в угол тяжеленный молот. Смахнул пот со лба, выпил кувшин терпкого квасу, присел на прокопчённую лавку. Посреди кузни, отливая синевой, громоздилась целая куча булатных мечей. Юноше нужен был один, и он его выковал ещё утром, но придирчиво осмотрел, опробовал оружие и скептически ухмыльнулся:

– Не о такой грозе я мечтал, батяня. Хорошо, стерва, сечёт, вострый до ужаста, но не звенит, не свистит, гадюка, не стонет при замахе. Скучный какой-то. Отдадим его Чернограю, а мне другой выкуем.

– Добромир хату заходилса строить, – возразил отец. – Просил меня скоб к завтраку наковать. Я обещал...

– Ну, нет, батя. Дядьке Добромиру кочет в затылок не долбанёт. Подождёт дядька денёк-другой. А я пока желанный меч не сделаю себе, ни к скобам, ни к костылям, ни к щеколдам не подступлюсь. А вдруг завтра из степи раскосые нагрянут, чем я их собачьи головы – голыми руками или зубами рвать буду?

И отец подчинился железной логике Сиверко, да иначе и поступить не мог. Потому что не впервой убеждался: если что втемяшится в настырную голову сына, рогом упрётся, чадушко, но своё возьмёт.

Желанное оружие лежало теперь на отстоявшей наковальне. Увесистое, острое, изящное. И Сиверко, что-то себе под нос мугыкая, расцветал умильной улыбкой. Отец уже хотел спросить сына, когда они будут ковать кольчугу, но, взглянув на скрипнувшую лавку, увидел, что там уже никого не было. Всколыхнулся воздух, засвистел ветер, поднялась угольная пыль, завизжала завесами и гулко хлопнула дверь. Яснозор протёр запорошенные глаза, глубоко вздохнул.

– К Ладушке заваялся, непоседа. Хоть бы домой заскочил, отдохнул маленько, перекусил.... Куда там! Как приворожила зазноба. Видать, сватов к осени придётся засылать.

ЧАСТЬ 4

Уже несколько недель рыскал по округе упившийся русской кровью отряд инородцев. Грабил, насиловал, убивал, специальным обозом отправлял невольничий рынок дрогнувших в борьбе, бессильных отстоять свой дом и свободу. Отряд давно облюбовал и нашу зажиточную деревню, но его лазутчики донесли, что обычным наскоком её не подчинишь, так как тут почти в каждом дворе есть оружие, боевые доспехи, выносливые кони, а главное – сильные и отважные мужи, один из которых настоящий богатырь. И всё-таки молодой и могущественный, опьянённый лёгкими победами глава поганых Кульгун-хан решился. Бешеным галопом, с сотнями зажжённых факелов, гиканьем и криками он вёл на село косоглазых, продутых свирепыми ветрами, пронизанных лютыми морозами и зноем всадников, стараясь сначала психически подавить его защитников и взять голыми руками. Но на этот раз Кульгун-хан просчитался, потому что большой костёр, зажжённый кем-то из уцелевших на далёком приколотнянском кургане, предупредил земляков Сиверко о наступлении кочевников. вызвал Сиверко на поединок с условием: победит Сиверко – кочевники убираются восвосяи, одолеет Кульгун-хан – жители села платят ему

дань и выдают самых красивых девушек как ясырь.

– Девушек тебе не видать, как собственный нос, – сказал русский герой. – Давай-ка лучше сражаться.

Никакое перо, никакие красноречивые слова не в силах передать накал жестокой схватки. Наблюдающие с обеих сторон чувствовали себя, как на уголках, когда сходились и расходились на ристалище храбрые мужи, когда теряли и меняли коней, когда падали ниц, вставали и вновь шли грудью – сила на силу.

И всё-таки Сиверко, закалённый в отцовской кузнице, проливший потоки солёных потов за сохой, таскавший на горбу при постройке изб вековые комли, являвший удаль на деревенских кулачных боях, напрягая остаток сил, ловко приשמкнул не знавшего поражений Кульгун-хана к земле, на лопатки.

Русское воинство огласило криками восторга околицу, и униженные поганцы не выдержали позора, пустили несколько стрел в доверчивого богатыря земли Русской.

Израненного и измученного, теряющего сознание и вновь приходящего в себя Сиверко везли инородцы на передней телеге, скрипевшей позади покачивающегося в седле Кульгун-хана.

– Как покороче добраться до Шарукани? – спросил Сиверко утративший бойцовскую честь татарский темник.

– Езжай через село Великая Грязь. Там жратвы от пуза и красавиц тоже хватает.

Победитель не ожидал никаких опасностей от теряющего кровь и последние силы пленника. Но у русича в таком безвыходном положении всё же оставался единственный шанс, которым он никогда не хотел злоупотреблять. Сиверко знал здешние места и единственную узкую дорогу – гать через топкое болото у речки Бурлук, поэтому и направил сюда кочевнический отряд. Как только всё воинство и все телеги втянулись на самую середину болота, Сиверко выхватил у возницы вожжи, развернул телегу поперёк узкого пути. Тащившиеся сзади повозки рванулись в стороны, и тут же их стала засасывать булькающая трясина. Разъярённый Клыгун-хан замахнулся на русского богатыря, чуть не упал с коня, но Сиверко уже и след простыл, а над поймой реки ни с того, ни с сего разгулялся такой ветрище, что опрокидывались и падали в болото телеги, кони, сами завоеватели и награбленный ими скарб. Через несколько минут ни одной живой души в топкой низине не осталось, только булькала, пузырилась трясина и над канувшими на дно жертвами сходилась густая ряска.

ЧАСТЬ 5

Теперь, когда Сиверко мучили ещё открытые раны, спешить ему было некуда. Приходила его возлюбленная Ладушка, приносила целебные травы и отвары, заговаривала больные места, подолгу и с умилением смотрела в лазурную глубину умных глаз, теребила белокурые волосы суженого. Он ей играл на дудочке и гусях и рассказывал о своём побеге из неприятельского плена. Когда Сиверко потопил в трясине около речки Бурлук остатки кочевничьего отряда, спасённые книгочей села Великие Грязи подарили ему Велесову Книгу. Он с упоением прочитал её от корки до корки и теперь просвещал односельчан, которые сходились к нему во двор, слышав чарующие звуки им же придуманной музыки. Великая книга уводила земляков в дохристианские глубины русской истории, несла им неслыханные доселе сведения, дарила гордость за свой народ и нащёптывала о любви к родимому краю.

Ночью, когда наступали тишина и милый сердцу покой, Сиверко уединялся от родных, зажигал лучину и под её мирное потрескивание заносил на бересту свои впечатления и рассуждения о пережитом, о текущем и грядущих днях. Он выдумывал сказки и слагал куплеты будущих песен. В его голове зарождалось великое множество остроумных побасенок, от которых и стар и млад катались со смеху по земле.

Так пролетели погожие дни, отсверкало паутиной задумчивое бабье лето, отгорели багрянцем и золотом сады и рощи, подул холодный северный ветер.

Однажды, раскрасневшись от кусачего морозца, в горницу к нему с клубами пара влетела весёлая, возбуждённая Ладушка.

– Миленький мой, там, на пруду, счас кулачные бои кипят. Подростки по-

сле гибели отцов мужами себя возомнили. Может, ты выучку им свою покажешь? Они мне об этом все уши уже прожужжали.

– А ты считаешь, что я уже на что-то способный?

– На всё, миленький, на всё. Ты у меня уже и быка завалишь, и горы сдвинешь.

– Она нежно положила руки на плечи Сиверко, заговорщицки посмотрела ему в глаза и с наслаждением прикипела губами к его горячим губам.

ГУСИ

Сначала никакого пруда в нашем селе не было. Но были зелёные луга, изрытые копанками и колодцами. В копанках женщины стирали бельё. А мы, детвора, там купались и учились плавать. В жаркие дни мы сильно вскаламучивали воду и нас за это часто гоняли взрослые. А заброшенные копанки давно заилились, заросли бурьянами и молодыми вербами. Из-под их корней били чистые ключи, и тут же рождались тихие, слабосильные ручейки. Из них пили холодную воду гуси, а возле пачкались грязью золотистые писклявые гусята. Здесь они и вырастали, тоскуя, наверное, по большой открытой воде.

Каждый летний день я брал лопату и спускался к вербе. Под сенью её выбирал вязкий ил, а рядом на лугу заготавливал дёрн. Плотно укладывал поперёк ручья земляные зеленокудрые кирпичи, пронизанные бледными корешками, и густо замазывал их грязью. Большими моими стараниями к вечеру появлялась солидная запруда, которая к рассвету наполнялась чистой, как слеза, прозрачной водой. На её зеркальной поверхности отражались высокое, в белых облаках, голубое небо, буйный бурьян и молодая нежно-зелёная вербочка.

– Приходите, теги, сюда и купайтесь, сколько вам захочется, – мысленно разговаривал я сам с собою, думая о своих белокрылых птицах. А утром мама выпускала гусей, и они с криком бежали на рукотворное озерцо. И я, еле проснувшись, тоже спешил к запруде. Хотелось плакать, когда перед моими глазами открывалась неприглядная картина настоящего разбоя. Большая крикливая стая Толиковых гусей воинственно выгоняла из запруды моих немногочисленных, а сама потом шумно плескалась на воде, густо засоряя озерцо пухом и перьями. Но самым обидным было то, что чужие незваные и прожорливые птицы, охотясь на червяков, своими пистолетообразными мордами дырявили неокрепшую греблю. Я прогонял Толиковых гусей и снова запруживал ручеек. Однако наутро печально-дикое нашествие повторялось – снова и снова.

– Ну, где же ваша совесть?! В гостях, а безобразничаєте, – укорял я их по наивности, выгонял из пруда и гнал от него как можно дальше. Но гуси, как бы я ни старался, оставались неугомонными. Тогда, потеряв всякое терпение, я решил их хоть немного проучить. Для этого на соседнем лугу, за ямами, из которых брали песок, соорудил в земле своеобразную западню – миниатюрный колодец. Он быстро наполнялся водой, а я ловил и помещал туда «на отсидку» одного из Толиковых гусят, грозя его родителям, братикам и сестрицам пальцем:

– Смотрите же мне, доиграетесь – и вас посажу в плен!

Но гуси и после наказания не отступали. Приходило очередное утро, – и они снова разрушали запруду. Выпустив воду чуть ли не до последней капли, они вперевалку не спеша покидали место кормёжки и развлечений, довольно покачивая чубастыми головами. И тогда я решил стричь их вызывающие «чудо-причёски».

Вскоре в селе построили большой настоящий пруд. Со всех дворов к нему потянулись гусиные стаи. От зари до зари они весело плескались на водном просторе, ловили мошкарку, ныряли за мелкой рыбёшкой и, наверное, были очень счастливы. Птенцы же превращались в холёных и красивых взрослых птиц. К осени воздух над прудом наполнялся свистом их сильных и упругих крыльев.

СТАТЬИ

ПАРК КУЛЬТУРЫ

СТАТЬИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Станислав Минаков

Харьков

ПАСКАЛЬ, ТЮТЧЕВ И «РОПЩУЩИЙ ТРОСТНИК» ЮРИЯ КАБАНКОВА

Чем явственнее и внятней современный русский писатель наследует той русской традиции, которую Томас Манн высоко поименовал святой, тем менее у него шансов попасть в фокус современных российских СМИ (особенно ТВ), и уж тем более — спонсоров и издателей. Разместить свои сочинения в Интернете автор, конечно, может. Но — снова-таки: нынешнему слегка-влёт-почитывающему человеку челом напрягаться — «сильно в лом», как выражаются наши телевизорно-компьютерные дети. Потому-то нынешние русские писатели, которых в предбывшие времена, быть может, поименовали бы без всякой иронии властителями дум, живут, как правило, почти катакомбной жизнью, их книги, если изредка издаются, то катастрофически малыми тиражами, и попадают к коллегам эти почти уж раритетные издания при посредстве нашей терпеливой и неспешной почты (или дарятся друзьям-соратникам на редких «творческих встречах»). В масштабах большой страны и всего Русского Мира эти писатели «запросто» существуют без всевозможных внешних эффектов и кликов, привлекающих внимание публики. Тем более, если такой писатель живёт на «самом краю географии», как, например, поэт и сполна православный мыслитель Юрий Кабанков. Тем более если он, почти как тот, старцем родившийся Лао-цзы, «светел, и не желает блеснуть». Близость русского града Владивостока к Китаю, Корее, Японии, бросает особый отсвет на возможное любомудрие здешних читателей и возможных писателей, которое (любомудрие) Кабанков как уроженец града сего (закончивший когда-то в Москве известный Литературный институт) нам и представляет.

Что — из внешнего — мы могли бы знать о писателе Юрии Николаевиче Кабанкове? Поэт, критик, публицист, филолог, богослов. Родился во Владивостоке в 1954 году. Член Союза писателей СССР и России (1988), Всемирной писательской ассоциации International PEN Club (1998), участник всевозможных и международных, православных и филологических конгрессов и симпозиумов, доцент кафедры теологии и религиоведения Дальневосточного федерального университета, кандидат филологических наук...

Кабанков памятен некоторым пристальным читателям как поэт «кузнецовского призыва», ярко стартовавший в середине 1980-х поэтическими книгами в издательствах «Молодая гвардия» и «Современник», много тогда публиковавшийся в столичных журналах и альманахах. Потом, уже во Владивостоке, вышла его мощная поэтическая книга *«Камни преткновенные»*, включившая в себя, помимо стихов, — в качестве некоего стержня — цикл так называемых «Псалмов», то есть *«Отреченную псалтырь Епифания Пустынника»*, написанную им еще в тульской Черни десятилетием ранее. Уже тогда в этой книге «Камней преткновенных» мы столкнулись с некоторыми текстами, которые сам автор впоследствии поименует как трактаты.

Скажем, что после выхода в 2004-м году книги переводов с белорусского стихотворений Леонида Дранько-Мойсюка *«Белая Вежа»* кумулятивным рядом этой своеобразной, сложной, неповторимой эссеистики стали следующие книги Ю. Кабанкова: *«Исход. Эпистолярный роман со временем»*, *«Одухотворение текста. Литература в контексте религиозного сознания»*, *«Последний византиец русской книжности. Преподобный Максим Грек»*, выходявшие скромными университетскими тиражами по 200—300 экз. Прочитать критику, размышления о сочинениях Кабанкова, некие «пояснения» к ним можно было бы в «био-библиографической» книге *«Энциридион»*, где составителем (Людмила Качанюк) собраны статьи весьма разных исследовате-

лей творчества Ю. Кабанкова (ширь — от Владивостока до Варшавы), но кто ж на просторах России ту книгу видел или мог бы увидеть? (тираж 350 экз.), даром что Кабанков — лауреат всяческих — каких-никаких — литературных премий и человек не только в Приморье достаточно заметный. Воистину, «велика Россия, да отступать некуда».

«Поэзия — страстно поднятый перст», — сказал некогда Достоевский. Поднятый перст (или два их) весьма памятен нам хотя бы по полотну Сурикова «Боярыня Морозова». В сущности, троеперстный Кабанков отчётливо несёт в себе черты духовной негибкости протопопа Аввакума. Это ведь он, Кабанков, еще в 1983-м году смиренно-уничжительно воскликнул в стихотворении «Перед грозой»:

*Не стихи нам писать — а лудить самовары!
Злую цену ломить за шальные товары,
шапку лихо ломать перед каждым кустом —
пустоцветом родившись на поле пустом!*

А заканчивалось стихотворение двумя весьма знаменательными строчками:

*Что там слово — когда и дела не сберечь?!
Вот когда пробуждается русская речь...*

Взыскательный к себе, он потом, в золотой перспективе, стихи писать практически перестал, однако мощь его самовзыскания и самонепримирения вылилась в его «прозу», он, как говорится, «пересел на другого коня». Жанр его писаний я затрудняюсь определить, ибо она, проза Кабанкова, соединяет в себе признаки поэзии, духовного письма, публицистики, критики, эпистолярности, философических античных диалогов.

Назовём это для начала «страстные письма Юрия Кабанкова». И не следует заблуждаться: если Кабанков направляет их пафос по какому-то определённом адресу, всё равно он тем самым взыскивает с самого себя, вина во всех бедах мира, «себя любимого», прежде всего.

Стихотворение «Иосиф и его братья» отразившее и — в какой-то степени — вобравшее в себя тягучую горечь судьбы и творчества столь ценимого им О. Мандельштама, который, по слову Ахматовой, «всех победил», Кабанков завершает таким горестным выдохом:

*...и лишь за мною как публичная проказа
влачила тень свою бессмысленная фраза,
дичком возросшая из падшего зерна:
«Зачем свеча Твоя, о Боже, так черна?!»*

Потому-то и свои по-державински тяжелоступные, давно ставшие знаменитыми «Камни преткновенные» (их и в Варшавском университете изучают — с лёгкой руки профессора Людмилы Луцевич), он включает в свои и нестихотворные книги, как включил и ныне в первый том издания, о котором у нас речь.

*...Черна в стенах души мирская копоть:
вдруг вскинется в ночи крылами хлопать
иль запоёт, как молодой петух...*

Или паче того:

*6. Беспутный сын, гордынею томимый,
я отвернулся от родного дыма,
скитаясь — легче пустоты — по городам.*

7. И всюду тьмы людские шумно ликовали

*покуда ангелы ключи для них ковали —
во имя счастья и вечного труда;*

*8. и, как дитя с фонариком бумажным,
я всюду вопрошал неутомимых граждан:
Куда грядут сии плачевные стада,*

*9. не ведая ни пастыря, ни броду?
И никли долу возмущённые народы,
и слёзы их струились — как вода.*

«При огромной сегодняшней христианской литературе, которая числом уже почти не уступает светской (загляните в хорошую церковную лавку — только вздохнёшь: за жизнь не прочитаешь) книга Юрия Кабанкова всё-таки явление редкое. Может быть, тем, что путь, истина и жизнь соединены в ней с живой личной напряженностью», — пишет в послесловии к двухтомнику Юрия Кабанкова В. Я. Курбатов .

Курбатов весомо цитирует Кабанкова периода его сельского учительствования — и на станции Чернь Тульской области, что в нескольких километрах от знаменитого тургеневского Бежина луга, и — впоследствии — в дальневосточном селе Вострецово.

Цитата: «С первых шагов “на ниве просвещения” я оказался в тупике. Подлинную историю России можно было с лёгкостью перечеркнуть, а классическая литература представляла набором эстетически-обличительных сюжетов, направленных против “воинствующих угнетателей и мракобесов”. Мне пришлось в рамках школьной программы ввести некий курс религиозного ликбеза. История и литература тут соприкасались. Ну, действительно: для чего равноапостольные братья Кирилл и Мефодий одарили нас (славян) возможностью читать? Для того, чтобы мы читали Священное Писание. Что это за концепция “Москва — Третий Рим”? Изъять этот стержневой вопрос — рухнет вся наша история. А с Пушкиным? Почему он для выпускного лицейского экзамена пишет стихотворение “Безверие”, а в одном из последних своих стихотворений перелагает на поэтический язык Велюпостную молитву преподобного Ефрема Сирина “Господи и Владыко живота моего...”? Почему Раскольников заставляет Сонечку Мармеладову читать вслух евангельскую главу о воскрешении Лазаря Иисусом Христом, а Лев Толстой изымает из своего переложения Евангельской истории всё, что касается феномена чуда?»

Вернёмся, однако, к тексту В. Я. Курбатова: «Я почему и говорю о единичности этой книги в потоке христианской литературы. Это только со стороны может почудиться, что поэт (а тут, повторю, подлинно в каждом и самом прозаическом, и академическом слове — первичен поэт) учит, делится «готовым», утверждает «систему», «читает курс», а по беспокойству сердца при чтении легко увидеть, что это — борьба с собой, с собой, Иакова с Богом. Так страстно заговаривают свое колебание, свою бездну. <...> Тогда станет понятен и горячий тон книги, её проповеднический пламень, её ильинский огонь, когда попадает не одним лишь современникам, но не дается спуску ни Горькому, ни Толстому. <...> Книга неуклонна, как стрела, — от первого тома, посвящённого во многом современной поэзии, впервые последовательно прочитанной православным сердцем, ко второму, где так же, православным сердцем читаются история, политическая ситуация, богословие и философия, где в десяти строках могут сойтись для полноты доказательств Аристотель и Паскаль, Ориген и о. Георгий Флоровский, Дэвид Бом и о. Павел Флоренский, Стивен Хокинг и Бозций».

Аннотация рассказывает нам, что в книге представлены религиозно-философские исследования русской словесности в рамках истории христианства от Кирилла и Мефодия до наших дней, слагавшиеся автором на протяжении последних двадцати пяти лет, «и это позволяет в определённой степени проследить процесс возрождения религиозного сознания (и противоление ему)

в наши дни. Много места автор оставляет для исследования религиозно-философического феномена поэзии — как классической, так и современной. Автор проведёт читателя через анфиладу истории литературы и религиозной мысли, где мы встретимся с такими именами как Максим Грек, Пушкин, Тургенев; узнаем о первой русской песне в Японии, о ключевой теме — судьбы — в русском фольклоре, о свободе греха и грехе свободы как апологии зла в современном мире...»

Добавим, что движение Кабанкова через многие его alter ego — Гарика Надеждинского, Егора Беломазы, Епифания Пустынника, богослова Халяву (нужное — подчеркнуть) — к собственно Юрию Кабанкову, но уже на новом витке, представляется путём нелёгким, а потому достойнейшим. Обратим внимание, что на этом пути писатель не только и не столько занимался самоуглублением и «самосовершенствованием». Он обращал свой взор на близ- и даль-лежащее пространство, прежде всего, духовное. А сердцу, как некая философическая заноза, не давала покоя тютчевская фраза, которую он и поместил эпиграфом к каждой из книг двухтомника, взяв последнюю строку названием книги, памятуя вслед за Тютчевым горькое паскалевское определение человека как «мыслящий тростник»:

...Невозмутимый строй во всём,
Согласье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаём.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поёт, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

Ведь писательство для Кабанкова не есть привычная читателю художественно-интеллектуальная игра, но, прежде всего, некое духовное делание — огненным кустом вспыхивающее и разрастающееся из традиционно пушкинских «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». И в этом он наследует самому трудному, то есть подлинному в русском писательстве. Снова вспомню «упёртого» протопопа Аввакума, а потом и Николая Гоголя, нетривиально (для обыденного сознания) поступившего со вторым томом «Мёртвых душ» и написавшего «под занавес» своё «Размышление о Божественной Литургии». А следом назову и Льва Толстого, также устыдившегося, в конце концов, своего пристрастия к художественному сочинительству. К чему клоню? А к тому, что каждый нормальный сочинитель (по Кабанкову, а я его ох как поддерживаю!), осознав греховность художественного пустословия, должен в пределе замолчать. И разлеплять уста лишь по очень важному поводу.

Дабы помочь читателю (и, быть может, самому себе) прояснить то, что называется «творческий метод», которым Кабанков пользуется «почти не задумываясь», он, автор (ещё и как редактор книги) — в качестве некоего «Приложения» — завершает свой «двустворчатый складень» статьёй хабаровского филолога Олега Копытова «Глазами лингвиста» (что, собственно, является фрагментом его, Копытова, докторской диссертации), где исследователь так размышляет «О возможностях лингвистического обоснования кредо автора»: «Публицистику Юрия Кабанкова зачастую называют «мирской проповедью» <...> И всё-таки, на наш взгляд, «мирская проповедь» — это не совсем точное определение <...> публицистика его это, скорее, **метапублицистика**, критика — скорее, **метакритика**. <...> Одна из главных составляющих и метода, и кредо Юрия Кабанкова в любого типа писательстве — собирание целостности, в том числе своей собственной».

Каков же этот «научный метод» Кабанкова? Олег Копытов делает, на наш взгляд, весьма точное замечание: «...одним из главных составляющих метода как в публицистических, так и в научных текстах Ю.Н. Кабанкова является попытка описывать объект, становясь этим объектом, точнее — попытка проник-

нуть в объект так, чтобы самому стать субъектом, хотя бы “сыграть роль” описываемого объекта как субъекта. <...> Лаконично Ю. Н. Кабанков, наверное, мог бы записать свою творческую и научную программу так: “Выразить самого себя — это значит сделать себя объектом для другого и для самого себя”, — если бы это задолго до него не сказал М.М. Бахтин...»

Вот-вот, именно обвиняя прежде всего самого себя, именно с болевой всемирной русской отзывчивостью — Кабанков сам становится частью осмысленного-оцувствованного им объекта, словно растворяясь в нём. А это — больно.

Попробуем согласиться с лингвистом Копытовым: «Кабанков относится к тому типу авторов, которые не навязывают своё кредо, что бывает слишком часто в современном дискурсе, особенно в публицистической и научной сфере, и даже не убеждает, — **он всё время стремится к Истине**».

Полнота же правоты, на наш взгляд, состоит в том, что Кабанков, «не навязывая своего кредо», — теперь и впредь — стоит на своём: насмерть, как скала, негибимо и неедвигимо, словно на последнем рубеже. Как и не скрывает нигде имя этого «рубежа» — Иисус Христос. И, словно пылающую хоругвь, воздвигает Юрий Кабанков в страстном эссе «*Живые мощи и мёртвые души православного атеизма. (Об отрицании религии как о религии отрицания, сюда же о мельничном жернове)*», приводя слова Н. Гоголя из его «Духовного завещания»: «*Будьте не мёртвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелезай иначе есть тать и разбойник!*»

Остановимся на тексте «Живые мощи» чуть подробнее, поскольку это, на наш взгляд, сочинение показательное и неминуемое. Ю. Кабанков напоминает нам о ростках нигилизма и диссидентства «в неокрепших, но ищущих правды» умах XIX в., горько разумея, к чему, в конце концов, они привели Россию в начале XX столетия. Кабанков говорит о ереси — «в широком понимании — “как рассудочной односторонности, утверждающей себя как всё” (П. Флоренский), то есть идеологии, неистово отстаивающей некие преимущественные права индивида в пику должностованию трезвого сознания ответственности и обязанностей части перед Целым (см., например, статью А. С. Пушкина “Об обязанностях человека”)». И мы вслед за Кабанковым с ужасом вглядываемся мыслью своею в ход и результаты русской истории последних полутора столетий — страшной, жестокой, всё более и более норовившей, как и ныне норовящей отвлечь наши сердца от Бога.

Кабанков в этом же трактате, датированном 27 (14) сентября 2008 г., днём Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, напоминает, что в неотправленном ответе Белинскому у Гоголя есть такие слова об «отважной самонадеянности» его оппонента: «*Опомнитесь, куда вы зашли!.. Какое невежество!.. Нельзя, получа лёгкое журнальное образование, судить о таких предметах... Журнальные занятия выветривают душу... Вспомните, что вы учились кое-как... Начните учение...*»

И этот гоголевский вскрик, метнувшись по странице кабанковского трактата, раскалывается вдруг «округлым рыком сверхзвукового истребителя», опадает сдавленным эхом на сегодняшние грады и веси пребывающего в рассеянии Государства Российского, вернее, всего того, что от него осталось после последнего разлома 1991-го года, и скачет, как мячик, по Тверскому бульвару, куда-то не то на Болотную площадь, не то к подножию памятника Абаю, где, как на пикнике, ночуя гуртом на газонах в спальных мешках и палатках, вполне комфортно «протестуют» наши нынешние «не согласные ни с чем». Не зря ведь в этом же трактате Кабанков утверждает, что «*русская интеллигенция начала XX века оказалась той закваской, без которой невозможны были бы обе революции, как невозможно было бы “утверждение в бытии” носителей нового нигилизма — большевиков*». И не случайно «сам» Антон Павлович Чехов, не очень-то жаловавший, скажем так, «иерархические структуры» и столь чтимый нашей «образованной» интеллигенцией (а ведь есть ещё — в большин-

стве своём – и не образованная!), писал в частном письме (И. Орлову): «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, лживую, не верю даже когда она страдает и жалуется, ибо её притеснители выходят из её же недр...»

Но вернёмся, однако, к «Живым мощам и мёртвым душам...» Ю. Кабанкова и приведём довольно пространную цитату: «В сопроводительном письме И. С. Тургенева к Я. П. Полонскому от 25 января 1874 г., напечатанном в “Складчине” в качестве предисловия и автокомментария к рассказу “Живые мощи”, говорится: “Всех их (рассказов — Ю.К.) напечатано двадцать два, но заготовлено было около тридцати. Иные очерки оказались недоконченными из опасения, что цензура их не пропустит; другие — потому, что показались мне не довольно интересными или не идущими к делу (? — Ю.К.). К числу последних принадлежит и набросок “Живые мощи”». (Где уже, заметим, содержалось то, что мы можем по праву назвать апологией Православия — Ю.К.).

— А то я молитвы читаю, — продолжала, отдохнув немного, Лукерья. — Только немного я знаю их, этих самых молитв. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чем я Его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал Он мне крест — значит, меня Он любит. Так нам велено это понимать (подчеркнуто мною — Ю.К.). Прочту “Отче наш”, “Богородицу”, акафист “Всем скорбящим” — да и опять полёживаю себе безо всякой думочки. И ничего! —

Замечательное русское восклицание “ничего”, — восклицает вслед за тургеньевской Лукерьей Ю. Кабанков, — которое, по преданию, заставило Бисмарка сомневаться в целесообразности любого “*Drang nach Osten*”. Это когда после его визита в Петербург на его кибитку среди российских снегов напали волки, и русский возница, истово погоня лошадей, приговаривал, повторяя это странное, ничего не означающее русское слово “*nitchevo!*”: “Ничего, барин, ничего!” Это восклицание, содержащее в себе надежду на заступничество Свыше, веру в Промысел Божий, в сознании православного человека означало, в конце концов, свою противоположность, то есть “всё”, «кафолон», некую полноту, целостность, Божественный Покров, Омофор; это слово, переосмысленное мёртвой душой, сиречь новым, прогрессистским сознанием стало означать в линейной своей парадигме именно, то, что оно для нас, нынешних, и означает: “*nihil*”, “ничто”».

Конец цитаты, которую мы прерываем с немалым сожалением. Ибо всё здесь, как сказал бы известный русский демон, «архиважно».

Строго говоря, все тексты Кабанкова, стихи это или статьи-трактаты-эссе — начиная с «любого первого» — есть свидетельства глубинного взглядывания в Космос, говорение с Создателем. Наличествует ли гордыня в полагании такой (какой угодно) собственной соотнесённости с Богом? Безусловно. За что писатель и расплачивается всю жизнь. Быть может, за то ещё, что дан ему крест труднейший из возможных — Слово. Логос, если уточнить греками.

А ведь именно греками и следует делать уточнение в случае с Юрием Кабанковым, соединяющим то, что пора бы уже человекам начать соединять: Восток (Дальний через Ближний) и Запад (античную культуру, оплодотворённую христианством). С географических-то мест они, по Кипплингу, не сойдут, а вот в духовном претворении — воедино сплавятся. По крайней мере, творчество Кабанкова — значительная попытка такого претворения. Здесь становится понятным и появление в кабанковских текстах преподобного Максима Грека с его православной апологией искупления. О нём, преподобном Максиме Святоторце, Кабанков много размышлял, писал, защитил диссертацию, вот уже более десятка лет преподавая на кафедре теологии и религиоведения ДВГУ; и во втором томе «Тростника» найдём пять-шесть статей-трактатов, тематически связанных с этим его духовным — в веках — собеседником; Кабанков

аргументировано и настоятельно именует Максима Грека и «первым русским филологом», и «последним византийцем русской книжности». И здесь-то необходимо вспомнить, что для недавно изданной и стремительно, на удивление, разошедшейся и уже переиздающейся огромной двухтомной антологии «Молитвы русских поэтов» (М., Вече, 2010, 2012, сост. В. Калугин), тексты молитв Иоанна Грозного и преподобного Максима Грека, так же, как и комментарии к ним, подготовил Юрий Кабанков.

О духовном векторе («стреле», как верно увидено В. Курбатовым) двухтомника Кабанкова красноречиво говорят сами названия статей — яркие, образные, развёрнутые, полемически заострённые. Даже в содержании-оглавлении книги некоторые из этих названий и поясняющих подзаголовков (всего шесть десятков сочинений на два тома) читаются как самодостаточные поэмы: «О поэтах и канарейках, или Новый Геродот», «О поэтическом камине и душевной мембране», «Возможность одухотворения и анимация стихотворного текста» — это в первом томе, где собраны статьи-тексты, в большинстве своём посвящённые творчеству русских поэтов — от Арсения Тарковского и Юрия Кузнецова до Вячеслава Казакевича (или «Новейшего homo simplicissimus'a» как повсеместно печального явления); и во втором — «"Не внидет мудрость в душу злохудожну"». (Пушкин: поэтический путь духовного служения)», «Нестыжательство и вопрос апологии Православия в русле концепции "Москва — Третий Рим"», «О свободе греха и грехе свободы. (Вариации на тему апологии зла)» и т.д., и т.п.

Собирающим же в фокус всё наиценнейшее для писателя Юрия Кабанкова мне представляется длинное поименование кабанковского сочинения «Слово о Православии как причине единственно возможной живой целостности мира видимого, сказанное по случаю дня памяти первоучителей и просветителей славянства святых и равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия», в коем все слова — значащие. Хоть начни перечислять их через запятую — от первого до последнего. Уместно и мощно сведенные воедино «Слово», «Православие», «единственно», «живой», «целостность», «мир», «память», «первоучители», «славянство». Перечень этот и составляет в единой сущностной совокупности ядро того духовного пространства, которое мы и назовём сочинениями Юрия Кабанкова. Одухотворяющего текст — как продолжение единого Писания.

Наблюдатели неизменно отмечают, что Кабанков многие свои сочинения завершает подробной православной датировкой, объясняющей — в какой именно день христианской истории автор отправляет своё детище в мир. Так Церковь празднует дни святых, по дате их кончины, то есть перехода в иной мир. Так у Кабанкова датировка является сущностнообразующей, значащей частью произведений, помещающей и автора, и текст, и читателя в живой хронос Всемирной Священной Истории.

Тенденциозно и концептуально каждую книгу двухтомника завершает Покаянная молитва, «уже чтоша в церквах России во дни смуты», в которой непреходящей болевой кульминацией для Юрия Кабанкова на протяжении всей его христианской, православной жизни остаются слова: «...Но премилостивый и Человеколюбивый Господи, вразуми, настави и помилуй нас недостойных, исправи жизнь нашу греховную, утоли раздоры и нестроения, собери разточенные, соедини разсеянные, подаждь мир стране нашей и благоденствие, избави ю от всяких бед и несчастий. Всесвятый Владыко, просвети разум наш светом учения Евангельского, возгрей сердца наша теплотою благодати Твоя и направи я к деланию заповедей Твоих».

Думается, что здесь-то и следует завершить нашу не вполне краткую реплику о писателе Юрии Кабанкове, чья новая книга представляется таким двустворчатым складнем, довольно редким в нашем литературном обиходе, но весьма важным и сугубо значительным явлением в русле современной русской мысли.

17-18 июля 2012 г.,

*Память святых страстотерпцев —
Царя Николая, Царицы Александры, Царевича Алексея,
Царевен Ольги, Татианы, Марии, Анастасии,
Память преподобномученицы Вел. кн. Елисаветы Романовой
и инокини Варвары (Яковлевой),
Празднование обретения мощей преп. Сергия Радонежского*

Юлия Куликова

Харьков

Жанрово-родовое своеобразие автобиографической прозы Цветаевой

Большие и малые сюжеты цветаевской прозы увиденны всегда крупно и осмыслены человеком, который всегда не удовлетворен внешней стороной явлений, будь то жизненный случай или фигура современника. Воссоздавая живой облик художницы Гончаровой, актрисы Голлидэй, поэтов Волошина, Бальмонта, Кузьмина, Цветаева всякий раз умеет дать их вписанными в эпоху, органически вросшими в нее и ее выражающими. Под ее пером и быт дома в Трехпрудном переулке, и эпизоды тарусского лета, и образы отца, матери, сестры обретают емкость и значительность. В характере и особенностях этого превышения — все своеобразие Цветаевой как художника. У Цветаевой можно увидеть импровизацию выходов к обобщениям. Запас ее наблюдений кажется неиссякаемым, ибо их исток — ее собственный пожар духа, в котором все, что сгорало, тут же восстанавливалось и обновлялось. Возможно, самая подходящая формула ее лирики и лирической прозы — это обреченность на неисчерпаемость. В прозе страсть к осмыслениям может быть выраженной обнаженнее, чем в стихе, здесь ей больше простора.

Лирической прозе М.Цветаевой свойственна обреченность на неисчерпаемость. Страсть постижения, неумная напряженность мысли обуславливают раскованность стиля, импровизационного по своей природе и принципиаль-

но не выправленного автором при обработке. Цветаева оставляет нам черновик своих размышлений. Она дает сам процесс осмысления, заставляет пройти вместе с ней все его этапы. В результате зафиксирован путь и ритм мысли, открывающей за каждым поворотом, новые дали, обнажено рождение слова, смысла, осознания.

Цветаева — замечательный стилист, она владеет словом и стилем, ей доступны тончайшие оттенки юмора, иронии, сарказма, проникновенного лиризма и энергичной мужественности. Она — неутомимый и требовательный художник, который дорожит живой, «неотстоявшейся» интонацией, интонацией устной речи, обращенной к близкому собеседнику. Сохранить интонацию — значило сохранить тепло и взволнованность живого разговора; прерывистая ритмика фразы — будто живое биение пульса, то замедляющегося, то учащающегося. Цветаевой, кажется, всегда важнее завлечь нас чувством, чем просто сообщить некий информативный факт. Для Цветаевой нет отвлеченных истин: только те важны ей и дороги, которые пережиты сердцем. Сюда можно отнести ее строки о стихах, неостановимо хлещущих — как кровь, как жизнь — из собственных жил (стихотворение «Вскрыла жилы. Неостановимо...»), которые вполне относимы к ее прозе. Цветаева-прозаик последовательно, с упорством экспериментатора, ясно видящего свою цель, стремится удержать, закрепить в языке эту сердечную пережитость. Эта странная неотделанность фразы в прозе явно соотносится с тем, что Цветаева была сознательной противницей гладкой завершенности формы в поэзии. Ее стихотворения зачастую начинаются как бы с середины или заканчиваются недорифмованной строкой, а то и недоговоренным словом. Еще чаще встречается пропущенный глагол, который напрашивается сам или просто оборвана фраза. Именно подобный метод написания как бы ставит читателя, слушателя в положение активного собеседника, участника. Поэтому прозу Цветаевой нельзя читать как роман: она не дает возможности поглощать страницу за страницей. Цветаева буквально «взрывает» привычную фразу, создает новые обороты словосочетания и вовсе не ломает естественный строй русского языка, наоборот, в свою прозу она приносит богатства интонационные, лексические, фразеологические.

Никакие каноны прозаической формы ее при этом не сдерживают и не интересуют — ни завязки, ни нарастания событий, ни кульминации мы не найдем в ее произведениях. Внутренние части — главки, подглавки, обозначенные иногда простым отступом или «звездочками», связаны друг с другом предельно свободно. Это можно сравнить только с потоком — потоком мыслей и воспоминаний, которые текут широким руслом, вбирающим в себя множество ручейков («широкое русло для всех моих рек...»).

С языком Цветаева поистине делает что хочет, но это вовсе не означает торжества авторского произвола. Делает что хочет потому, что обладает уникальным слухом, чутьем языковой стихии и любовью к ней, выразительнице и воплощеннице стихии смысловой. Цветаева «взрывает» привычную фразу, создает новые обороты и словосочетания, но вовсе не ломает естественного строя русского языка. Наоборот, с уверенностью мастера она переносит в свою прозу богатства «мирской» (как говорил Мандельштам) речи двадцатого столетия — интонационные, лексические, фразеологические.

Цветаева любит игру слов, для нее это игра с серьезными выигрышами — еще один «энергетический ресурс» в сгущении прозаического языка. Постоянное внимание к созвучию, соседству, игре слов, объединяясь все с той же страстью постижения, осмысления, создавало формулы и афоризмы, которые тоже можно изобильно выписывать из цветаевской прозы, как и из цветаевской поэзии. Укрупнение — любимейшее средство Цветаевой-художника. Среди гипербол она чувствует себя как дома, и прибегает к ним не только в творчестве, но столь же часто и в обычных письмах.

Специфическая пунктуация Цветаевой — вовсе не ее причуда и, несо-

менно, заслуживает особого разговора, который уже и начался к кругу специалистов. Цветаевские тире и двоеточия гораздо весомее обычных и невиданно расширили свои полномочия, а подчас и запятая получает емкость, превышающую все принятые нормы. В этом отношении Цветаева, несомненно, ученица Андрея Белого, в прозе которого знаки препинания впервые стали играть необычную для них прежде и столь значительную роль. Но поскольку это была талантливая ученица, новаторские поиски учителя наполнились в ее прозе новым смыслом. Андрей Белый стремился преобразовать письменную литературную речь и пренебрегал при этом закономерностями живого языка. Цветаева использует возможности своих тире и двоеточий, усложняет строй фразы для закрепления в литературном языке явлений, уже бытующих в живом разговоре современников. Через ворота пунктуации она как бы впускает настоящий, сильный сквозняк, резко усиливающий емкость фразы; все интонационные возможности разговора, все вольности словообразования, присущие импровизационной устной речи, она берет для обогащения книжной.

Пространство «безмерности» постоянно противопоставляется у Цветаевой миру трех измерений. «Миф о Москве, поверженной и оставленной ради новой столицы, должен быть особенно близок Цветаевой, тем более что этой близости способствовала еще и цветаевская принадлежность Москве по рождению». Москва формируется как сакральное пространство, воцарение в котором требует благочестия. О подобном отношении к Москве, о восприятии ее, свидетельствует цикл «Стихи о Москве»: «Москва цветаевских стихов предстает идеально точным воплощением духовного мира лирической героини Цветаевой». Пространство в этом цикле раздается в то высь — к небесному, то наоборот — заземляется. Это один из примеров, поясняющий и доказывающий метание поэта между земной страстью и духовной любовью. Это метание, сопутствующее Цветаевой на ее жизненном пути, постоянно отражалось не только в ее поэтических, но и прозаических произведениях.

О каких бы радостных воспоминаниях не заходила речь Цветаева, она все равно возвращается к самому главному, к тому, чего всю жизнь так не хватало — понимания и любви. Лишенная этих двух основополагающих душевного и духовного равновесий, Цветаева пытается избавить своих собственных детей от этой недолюбленности и недопонятости. Она постоянно жертвует: то собой ради детей, то детьми ради своего творчества, но ни в коем случае ни ради самой себя. Так в поэтической системе выделяется «мир сей», который имеет свое особое звучание, наполнение, состояние, как попытка выхода за пределы того мира, той жизни, в рамках и условиях которых Цветаева пыталась жить и творить. Сверхтребование не то выделиться, не то отделиться присутствует в творчестве Цветаевой постоянно. Евангельские формулы, столь часто применяемые Цветаевой к определениям бытия «поэта в мире и мира вокруг поэта», тесно переплетены с мифологизацией мира, с необходимой свободой и тем количеством любви, которые так были нужны М. Цветаевой для ощущения и познания себя. Так, у Цветаевой возникает образ города Гаммельна. «Гаммельн — город ложного благочестия, воплощение фарисейской праведности противопоставлен иным, по авторскому определению, «моим через край — городам» и свободы духа». А «свободная стихия» отождествляется у Цветаевой со «стихией стиха», потому что в стихе Цветаева изобрела свою музыкальность, свою ритмику, свой слог, свое понимание всего того, о чем она могла написать. Но и этой стихийности было мало — не вместить в нее всю самобытность цветаевского поэтического мира, всю ее суть.

Маркиз де Сад. От эротики к садомазохизму

«Да, я распутник и признаюсь в этом, я постиг все, что можно было постичь в этой области, но я, конечно, не сделал всего того, что постиг, и, конечно, не сделаю никогда. Я распутник, но не преступник и не убийца... Ты хочешь, чтобы вся вселенная была добродетельной, и не чувствуешь, что все бы моментально погибло, если бы на земле существовала одна добродетель».

Маркиз де Сад

Если есть добродетель, то есть грехи и пороки. У каждого из нас на этот счет свое личное, сугубо индивидуальное мнение. Но, при рассмотрении какой-либо интересующей нас темы мы зачастую руководствуемся общепринятым восприятием того или иного преподносящегося нам факта.

Считается, что французский писатель и мыслитель Маркиз де Сад — велик в предвосхищении интереса западной культуры XX века к проблеме эротики и сексуальности. Фиксирование различных форм проявления человеческих инстинктов сказалось на творчестве других писателей и мыслителей, таких как А.Камю, П.Элюар, Фрейд, Феллини и других. А.Бретон находит у него «волю к моральному и социальному освобождению»; П.Элюар — посвящает восторженные статьи «апостолу самой абсолютной свободы»; С.Дали считал, что де Сад придает «в любви особую цену всему тому, что названо извращением и пороком». Т.е. это было в основном эмоциональное восприятие.

Сюрреалистов, например, в книгах де Сада увлек вселенский бунт, который они сами мечтали учинить; Сад стал для них символом протеста против ханжеской морали и был привлечен на службу «сюрреалистической революции». В действительности Маркиз де Сад хотел того, чего не может дать простая перестройка, чего нельзя добиться изменением материальных и относительных условий; он хотел «постоянного восстания духа», интимной революции, революции внутренней. В ту эпоху он хотел того, что сегодняшняя революция уже не считает «невозможным», а полагает как исходный пункт и конечную цель: изменить человека. Изменить его окончательно и бесповоротно, изменить любой ценой, ценой его «человеческой природы» и даже ценой его природы сексуальной и прежде всего ценой того, что в нашем обществе сформировало все отношения между людьми, сделало их неестественными и объединило любовь и целостность в одной катастрофе, в одной бесчеловечности.

По поводу бесчеловечности.

Есть также общепринятые рамки, будь то моральные, духовные, этические. Но в силу своей нетипичности и непохожести всех людей каждый человек волен принимать ту сторону, которая наиболее выразит его как личность — выразит его сущность.

Поэтому! Можно, конечно, читать Сада, руководствуясь проектом насилия. Но его можно читать также, руководствуясь принципом деликатности. Утонченность Сада не является ни продуктом класса, ни атрибутом цивилизации, ни культурным стилем.

Насилие прибегает к коду, которым люди пользовались на протяжении тысячелетий своей истории; возвращаться к насилию значит продолжать пользоваться тем же речевым кодом. И дело в том, что именно каждый из нас понимает под насилием, какие его формы?

Многие из картин Дали содержат садический элемент: «Осеннее каннибальство», «Одна секунда до пробуждения от сна, вызванного полетом осы вокруг граната», «Юная девственница, содомизирующая себя своим целомудрием». Садические мотивы звучат также в творчестве М. Эрнста: «Дева Мария, наказывающая младенца Иисуса в присутствии трех свидетелей: Андре Бретона, Поля Элюара и автора»; К.Труя, писавшего картины непосредственно по мотивам романов Сада. Садический «привкус» ощущается также в драматургии теоретика «театра жестокости» А.Арто, стремившегося обновить театральные каноны путем введения навязчивых тем кровосмешения, пыток и насилия. Достойным продолжателем садических традиций в XX веке являлся

гениальный японский писатель Ю.Мисима («Золотой храм»). Эротика и секс были жизнерадостной религией надежды для Г.Миллера («Тропик Рака») и В. Набокова («Лолита»). По поводу последнего я позволю себе сказать несколько слов, но только в завершении.

«Эротизм выступает у Сада в качестве единственного надежного средства общения», - считает С. де Бовуар, а Камю констатирует: «Сад знал только одну логику - логику чувств». Действительно, Сад во всех своих творениях проповедует чувственную модель любви.

Освобождение Эроса, по мнению Г. Маркузе, ведет к освобождению человечества, а сексуальная близость облагораживается любовью. Тогда почему герои де Сада желают «насладиться преступной страстью» («Философия в будуаре»)? Почему желание и страсть у него находятся на одной линии восприятия с чувственностью, наслаждением и едиными принципами распутства? К чему утверждать, что сластолюбие, страсть, абсолютное желание плотского наслаждения, противоречащие принципам морали отдельного человека, не говоря уже об отдельном социуме, должны идти параллельно с болью? Человечество разделено в своих сексуальных прихотях — нет того единого, что устраивало бы всех сразу и постоянно, не требуя никаких перемен и/или новшеств.

«Маркиз де Сад, до конца испивший чашу эгоизма, несправедливости и ничтожества, настаивает на истине своих переживаний. Высшая ценность его свидетельств в том, что они лишают нас душевного равновесия», — говорит Симона де Бовуар.

Да, его размышления об эротизме, окаймленные личностным Эго и абсолютным презрением к наличию добродетелей, как скрывающих человеческую сущность, для кого-то являются особой и неоспоримой ценностью. Невозможно точно определить, являются ли его произведения эротическими или же присутствующие в повествовании садомазохистские наклонности дают нам право отнести их к литературе другого рода.

Ознакомившись с тремя произведениями Маркиза де Сада, у меня возникли двойные мысли. «Жюльетта», «Жюстина», «Философия в будуаре» — несут в себе разный психологический фон.

«Разумеется, нам неприятно описывать, с одной стороны, жуткие злоключения, обрушиваемые небом на нежную и чувствительную девушку, которая превыше всего ценит добродетель; с другой стороны, неловко изображать милости, сыплющиеся на тех, которые мучают или жестоко истязают эту самую девушку. Однако литератор, обладающий достаточно философским умом, чтобы говорить правду, обязан пренебречь этими обстоятельствами и, будучи жестоким в силу необходимости, должен одной рукой безжалостно сорвать покровы суеверия, которыми глупость человеческая украшает добродетель, а другой бесстрашно показать невежественному, вечно обманываемому человеку порок посреди роскоши и наслаждений, которые его окружают и следуют за ним неотступно». («Жюстина»)

Чаша эгоизма переполнена до краев, и нужна последняя капля, чтобы содержимое ее обрушилось на головы несчастных, несущих в мир добродетель.

«А когда удовольствие становится еще острее от встреченного сопротивления, когда оно питается страхом и отвращением женщины, он получает наслаждение уже от того, что сам является причиной этого отвращения, и все его прихоти, ужасающие женщину, становятся в тысячу раз сладострастнее и приятнее, нежели любовь. Любовь! Абсурднейшее из всех безумств, самое смешное и, без сомнения, самое опасное, которое, надеюсь, я представил вам во всей полноте». («Жюльетта»)

Молодая девушка, осознавая силу своей красоты выбирает предложенный ей жизненный путь. Путь порока и сладострастия или путь богатства и удовольствия?

Моральные принципы существуют для того, чтобы либо сам человек, либо кто-то могли их изменить со временем. Есть нерушимые. Это тоже зависит от психологии человека.

«Однако, Далмансе, мне кажется, к рассуждениям о религии нас привел анализ добродетелей?» («Философия в будуаре»)

Поражает чисто философский подход к эротизму. Готовность Евгении к отречению от добродетельности, привитой ей с раннего детства. Но! Согласие

узнать о видах плотского удовольствия, желании, влечении, страсти, не вызывает негативной окраски восприятия произведения. Здесь нет насилия над телом. Насилие над духовным миром тоже нет, но имеет место переосмысление, благодаря новому взгляду на мир, в котором живет героиня.

Каждый усматривает для себя то особенное, на что он реагирует.

Чтобы абсолютно точно определить, к какой литературе, вернее, к какому жанру литературы следует относить то или иное произведение, нужно быть настоящим экспертом в области психологии, философии и науки, изучающей все стороны сексуального развития человека. И только учитывая все факторы можно будет проанализировать произведение.

Однажды мне попала в руки повесть Паулин Рэж «История О». Написана она была неплохо, на мой взгляд, и не так категорично было повествование, как у де Сада. Без доли эгоизма и насмешки над наличием добродетели. Саму историю рассказывать не буду, но скажу так: физическое насилие с намеренным желанием получить удовольствие через боль — именно это я отнесла бы к садизму. В комментариях к повести (в самой книге) было написано, что она относится к порнографической литературе. Чем было вызвано такое определение? Вероятно, повествованием. Не стилем, а самим сюжетом и перипетиями, выпавшими на долю героини.

Мое личное мнение таково, что физическое сексуальное насилие с подавлением воли другого человека не относится к эротике, и даже не относится к порнографии. Это то, чему хочется приписать одну из статей уголовного кодекса.

Набоков. «Лолита». Да, есть элементы эротики, но происходящее — плод взаимного желания или, по крайней мере, отсутствие сопротивления со стороны юной падчерицы. Написано много мягче, чем у де Сада и несколько скудно. Теперь, столкнувшись с де Садом, я могу сделать такой вывод. Опять таки, со мной не все могут согласиться, это Ваше право!

Можно взять за пример романы Бертрис Смолл, Даниэлы Стилл, Эммануэль Арсан, Норы Робертс и многих других. Описание плавное и романтическое, красивое по своей лиричности происходящего.... Да, однотипные по сути, но эти романы мы относим к эротике: Эрос — любовь, Эротика — значит красивая любовь (хотя понятие красоты тоже весьма субъективно).

Эротика и порнография.

Почему мы их разделяем? Почему для каждого человека существуют различные рамки эротики и порнографии? Потому, что разница может быть только в способе описания событий и действий, и, смотря к чему готов читающий, так он и воспримет поданный автором материал. Будь то литература, кино или другие виды искусства. Все зиждится на личностном восприятии того или иного факта. Потому что сущность каждого человека — особенная и неповторимая. Каждый может и находит для себя ту нишу увлечений, утех, радостей, желаний, любви и т.д., в которой ему комфортно находиться, в которой он может проявить себя свободно; а свобода — это то, к чему мы — все — постоянно стремимся, и дело только в способах достижения поставленной цели.

Можно изучить массу критической литературы. Но!

Мнение после прочитанного сложится свое — особенное. И особенность эта будет не в общих рамках восприятия, а именно во всех тех тонкостях, которые нас — людей — друг от друга отличают.

публикации

МАГИСТРАЛЬ

ПУБЛИКАЦИИ

СВИРЕЛЬ МОЛДОВЫ

Нина АВИДОН

Творческий поиск отражается в результатах: кулинарный дизайн, изготовление украшений из природных камней, рукоделие – мир увлечений бывшего учителя, народного мастера, участницы и лауреата многих международных и региональных экспозиций.

Проникновение в мир детства, жизненные наблюдения за отношениями людей, с любовью, мягким юмором, сомоиронией мором отражаются в стихах поэтессы и переводчицы. За укрепление связей и развитие украинского языка и литературы за пределами Украины награждена Почетной грамотой Посольства Украины в Молдове (2012 г.). В настоящем выпуске «Лавы» представлены стихи на русском языке.

ПАРОДИИ

1. «...и без слов выбивая ритмы,
звуки тише и тише вглубь.
мы молчанием будем убиты.
понимая, что это глупь.
и царапать ногтями о стены,
обдирая обои в клочь.
перегрызли друг другу мы вены.
доктора нам не смогут помочь».
(<http://www.poetryclub.com.ua/getpoem.php?id=277689>
«На пределе» - авт. Туся Парасич)

А БУДЕТ ЛИ ПРЕДЕЛ?

Все пытаюсь постигнуть ритмы,
Но ленюсь я проникнуть вглубь:
Недоносками слов убита
Вся поэзья: победила глупья!..
Оцарапала ноготь о стену,
Ободрала обои в клочья...
Но куда же талант я дену,
Может, тайно зарюю в ночь?
Может, здесь недостаток знаний?
Или прет из сознания шмаль?
Скажут: девочка не без таланта.
И какая оригиналь!

2. «Мы к ним пришли не опоздали
Цветы вручили и конверт,
Покупать вкусно очень ждали
Люля-кебаб и венигрет

Салатов мало есть капуста
Хотя и фруктов полон стол.
Мне без мясного очень пусто,
А юбиляр ну прям орел!

Несут картошку во фритюре
Но это только же гарнир!
Скажи супруге своей дуре
Котлета в масле мой кумир.

Я заблудился в этих листьях
На помощь вызвал МЧС
Схватил жену в охапку быстро
И по британскому исчез.»

(www.poetryclub.com.ua/getpoem.php?id=283683
«Голодный гость» - авт. Комуняка
Особенности правописания сохранены
как элементы нерушимого авторского
права)

КРЕДО ГОСТЯ

Теперь мы к вегетарианцам
С моей супругой - ни ногой! -
Пусть даже это вечер танцев
Иль светский раут в выходной.

Коль ждут нас в гости, пусть вначале
Меню предъявят на банкет,
Чтоб зря иллюзий не питали,
Кто деньги отдал за букет.

Без буженины не возможны
Ночное пати, вернисаж,
И фестиваль, и бал серьезный, -
Все выльется в курьез, пассаж!

Без поросенка с кашей, хреном, -
Куда годится юбилей?!
И кредо наше неизменно:
Под студень крепкого налей!

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ФОТОСЕССИЯ

В осеннем сквере серебристым утром,
Где дворники, сметая, листья жгут,
Веселый парень в модной рыжей куртке
Фотографировал красавицу жену.

Она прижалась к дереву спиной
В кленовом злато-пламенном венке,
А на лице любовь цвела весною,
И кудри развевались налегке.

Веселым смехом наполнялся скверик,
Их переключка, - словно птичья трель,-
Их счастье молодое будто двери
Распахивало в будущий апрель.

Прохожие от радости той буйной
Приветливо кивали неспроста,
И плащик легкий на колдунье юной
Теснее был в районе живота.

ПОИСКИ БАЛАНСА

Мое сердце – весы:
Сколько в чашу вмещает,
Сколь получит само, -
Столько в мир отдает.
Мое сердце – весы,
Если отягощают,
Значит легче становится
Тем, кто кладет...
Кто-то тяжкий свой груз
Дотащил до порога
Моего. Взгромоздил
На площадку души...
Безответственно,
Не полагаясь на Бога,
Ключ от тайны своей
Мне хранить разрешил.
Я, как бдительный пес,
Стерегу ваши боли,
Отвожу любопытные
Взгляды чинуш,
Становясь вашей совестью,
Честью, невольно,
День и ночь я в дозоре
У раненых душ.
Так привычно сложилось
Быть чьей-то жилеткой,
Без сомненья,
Доверием я дорожу,
Помогая вам праздновать
Зиму и лето, -
Я о ваших сомненьях
Никому не скажу.
Ну, а вдруг обмелеет
Чаша хрупкая жизни? -
Кто-то, словно кукушка,
Столкнет из гнезда
Ту тревогу и время,
Заботу и мысли,
Что своим не успею
Отдать никогда?
Я совсем не хочу
Показаться жестокой,
Жизнь уходит, и сложно
На крыло вас поднять.
Не пришлось бы
Забытою старой сорокой,
Сиротою тревожной
Поживы искать...

РОБКОЕ СЧАСТЬЕ

Ах, весна! Как она скоротечна!
Чуть тепла - и наступит лето,
К жемчугам садов свеже-млечных
Враз прибавится самоцветов!
С каждой новой весной я верю
И на камнях цветных гадаю:

Не стучит, а скребётся в двери
Счастье робко. Тсс! Ожидая...

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Сердце матери – глубь бездонная,
Щедрой силою напоённая,
Всё вместит, не обронит стона,
Все простит по своим законам:
И серёжку на мочке модную,
И поступки, порой негодные,
Невнимание, спесь холодную,
Слово дерзкое, принародное...
Будет сохнуть поле бесплодное,
От любви своей несвободное.
Не заплачет, замкнётся гордое...
...Но кровит по ночам, ободранное

СВИДАНИЕ (Разное счастье)

У арки с электронными часами
Стоят три парня, все пришли с цветами.
Один - уверенный, букет из роз роскошных,
Такому не поверить невозможно! -
Одет с иголки, и стрижка от стилиста,
Ну, на ди Каприо похожий, на артиста.
Второй - высокий, худенький в очках,
К часам примчался, видно, второпях,
Он длинноногой трепетной гербере
Весь стебель книгой прищемил, как дверью.
У парня третьего - веснушки и вихор,
Футболка яркая, пацаний шустрый взор.
Он ветки созревающей рябины
Сложил букетом для своей любимой.
Свидание у всех на девятнадцать,
Но как же трудно девушек дождаться!
Вот из такси выходит не спеша
Блондинка-модница - безумно хороша!
Вся от-кутюр, несет себя гордячка
Как супер-приз, и на руках собачка.
К студенту длинному - вот пара, Бог свидетель! -
В балетках, джинсах, ноутбук в пакете,
Очки в пол-фейса, ну, видать, сбежала
Из мира книг, тиши читальных залов.
А школьница - одна из птичьей стайки,-
Глаза ладошками прикрыла - «Угадай-ка!»
И, чтоб продлить прекрасное мгновенье,
Лицо в рябине скрыла от смущенья...
Был вечер полон нежности и страсти.
Какое разное у всех, однако, счастье!

ГОРЬКИЙ ШОКОЛАД

Ушедшая любовь, как горький шоколад,
Еще таит в душе воспоминанье,
Ты новый вкус смакуешь наугад,
Припоминая давнее свиданье.
И долго будешь сравнивать ее

С полынным запахом предательства невольно,
Что, сердце выстудив, холодный чай прольет,
Ночным звонком прервет надежду больно...
На новом чувстве недоверья чад
Устроится, жить будет с правом полным,
А на губах - все тот же шоколад,
И привкус памятный - медово-черный...

СКОЛЬКО РАЗ МОЖЕТ СЕРДЦЕ ЛЮБИТЬ?

Сколько раз может сердце любить?

В ранней юности, скажет вам каждый,
Что приходит она ЛИШЬ ОДНАЖДЫ -
Ярко, пламенно, непримиримо,
Исступленно, неистребимо!..
Чище этого пламени нету,
Та любовь долго ходит по свету,
Окрыляет, зовет, вдохновляет,
След глубокий в судьбе оставляет.

Сколько раз может сердце любить?

В годы зрелые в царственном платье
В душу входит любовь основательней,
Деловито, раскрепощенно,
Томно, чувственно и приземленно.
Долгой нежностью путь осветит,
Нет ее полновзвучней на свете:
Верность, искренность, страсть к переменам,
И бесстыдство, и даже измены...

Сколько раз может сердце любить?

Вот, когда твоя жизнь на излете,
Остановок все больше в полете,
Когда силы уходят бесследно,
В полушалке потрепанном, бедном
Ты столкнешься с любовью ПОСЛЕДНЕЙ -
Бескорыстной, заботливой, долгой,
Равноценной служебному долгу...
Та проводит тебя до порога,
Передаст в руки вечного Бога.

Без любви не прожить, как без солнца, -
Пусть мельком, да коснется оконца,
Даже если и не приживется...
Сердце любит, пока оно бьется.

Юрий ДЯЧУК

Автор поэтических сборников:

«А я живу...- мені цікаво...» (2008) «Придут иные времена» (2009),
участник республиканских и международных выставок как народный мастер,
член Союза народных мастеров Молдовы (художественная резьба по дереву).

С 2006 г. - член Национального Союза журналистов Украины.

Член редколлегии газеты украинської діаспори в Молдові «Рідне Слово». Лауреат премії ім. Пантелеймона Куліша 10-го (2009) Общенационального конкурса «Українська мова – мова єднання» (Україна), вице-президент благотворительного фонда профессиональных художников и народных мастеров Молдовы «RENASTERE – ВІДРОДЖЕННЯ». Пишет на украинском и русском языках.

ВЕРЮЮ

Летит в пустоте чернильной,
Срываясь в неровный бег,
Планета в петле мобильной,
Глотая горячий снег.

На ней, отравляя воды
И множа число Сахар,
Безумный «венец Природы»
Отравленный пьёт нектар.

Рыча за небесной дверью,
Сорвав якорей маяки,
Он с кровью срывает перья
Со сжатой в кулак руки.

Беснуясь на плацах лобных,
Себя заманив в капкан,
Стреляет в себе подобных,
И пляшет на них канкан.

А если в осколки лопасть -
Решенья его просты:
Он молча шагает в пропасть,
Взрывая собой мосты.

И бури подняв от скуки,
Последний сломав карниз,
Взлетает, ломая руки,
Но только не вверх, а вниз!

Но верую! В мутных стоках,
Едва не упав на дно,
Он там, – в голубых истоках
Обрящет своё крыло!

И срезав с души мозоли,
Потомок святых монах
Взлетит, обретя пароли,
Сжигая пути назад.

В Эдемах цветущих вёсен,
Под сенью десятков неб,
Он вырвет клыки из дёсен
И новый посеет хлеб!

***

Песней песнь звенит над полем –
Только, знай, держись! –

Вновь разбужена паролем
Суматоха-жизнь.

Расцвела ковром былинным –
В горизонт – края,
Кружит в танце журавлином
Вся земля моя!

Вопреки плугам, пожарам,
Через гной канав,
Льются в мир с весенним паром
Водопады трав.

В молодых хлебах стрекозы,
Табунком мальков,
Пьют с росой метаморфозы
Синих васильков.

Разливает май душистый
Сладкий чай-кипрей.
Воздух в поле чистый - чистый! –
Наливай да пей!

Крикну в мир, наполнив груди
Тем хмельным вином:
– Не разгадывайте, люди,
Колдовской геном!

Пусть безбрежной и бескрайней
Песней без оков
Будет жизнь – великой тайной
До конца веков!

Пусть пчела под небом сущим
До скончанья лет
Опыляет днем грядущим
Голубиный цвет!

***

Тёплый день убегая прочь,
Бросит бархат на шёлк небес,
Соловьями взорвётся ночь,
Ближний сквер и далёкий лес.

Загорятся глаза озёр
Отраженьями желтых звёзд,
Изумрудно моргнёт светофор
В междуречье стальных борозд.

Перламутровый брызнет свет
Восходящей в зенит луны,
И вздохнёт не один поэт,
В городах не одной страны.

И напишет любви сонет,
Под аккорды гитарных струн,
И заплачет в ночи кларнет
И дутар, средь песчаных дюн.

Стон волынки прольётся в мир,
Зарыдает гармонь на Оби,
И закружит планету пир
Вечно юной, как жизнь, любви!

***

Рыцари вечной пары,
Две стороны гроша,-
В ком-то горят пожары,
В ком-то горит душа.
Разный, с времен Гондваны,
В небе рисуют след –
Кто-то ворует страны,
Кто-то больным обед.
Кто-то – под вымпел стеньги,
Кто-то – по чести тризнь,
Кто-то – сжигает деньги,
Кто-то за правду – жизнь.
Кто-то – за ветвь оливы,
Кто-то – за штык – в ряды!
Кто-то напалмом – нивы,
Кто-то водой – сады.
Чтобы стоять на вахтах
Врозь, у реки судеб,
Кто-то плывет на яхтах,
Кто-то сидит за хлеб!

СНЫ МОИ...

Я багаж предыдущих жизней
Унесу через тернии к звездам,
Даже память амёб и слизней –
Ведь для этого был я создан.

Отзовется последней болью
То, что звалось моею сутью,
Что сочилось кровавой солью
И зрочки покрывало мутью.

Словно струпья с зажившей кожи
Вдруг падут пелены заблуждений
В безграничных, на сон похожих,
Чистых вихрях иных кружений

Соберутся в одно осколки,
Разночтенья непонятных истин,
Ясный свет озарит все толки,
Тайный смысл Хиросим и Приштин.

Остановят свой бег мгновенья,
Горизонты умрут и границы,
Вседарующий миг озаренья
В книгу жизни сольёт страницы.

В перекрестьях земных энергий,
Отражусь я последней гранью,
И меня Родомысл и Сергей
Приласкают святою дланью.

В тот же миг, – с багажом историй,
В трансформации сверх мгновенной,
Я рассеюсь среди звёздных зорей
Вечным «Я» – сотворцом Вселенной!

Вольным ветром по разнотравью
Вечный дух разметёт мои годы,
Сны мои обернутся явью,
Я свершусь, как Венец Природы!

***

Захоронят меня у дороги,
В предрассветном, туманном лесу,
В темноту за холодные ноги
Повлекут, оббивая росу.

Мой убийца, не зная предела,
Рассмеётся – доволен собой,
И моё неостывшее тело
Покачает в укор головой.

Лишь луна, как холодная сука,
Равнодушно заглянет в зрачок,
Вздрыгнут травы от мёртвого стука
И вздохнут: – Отгулял мужичок...

Любопытное раннее солнце
Свежий холм разглядит из-за туч,
Голубое продышит оконце,
Мне протянет свой трепетный луч.

Обниму его новой ладонью,
И рванусь, и взлечу над собой!
И скажу голубому бездонью:
– Здравствуй мир! Я вернулся домой!

Или гулкой осенней порою,
В обрамленье багряных гвоздик,
Вереницу людей за собою
Повлеку я – глубокий старик.

И прощальные слушая речи,
Снисходительно морщась в усы,
Вспомню тех, кто ушел иль далече,
На краю уходящей красы.

Гробовщик загремит катафалком
Праправнучке сломав каблучок
И трёхкратным, раскатистым залпом
Мне почудится крышки щелчок.

Горсть земли допоёт барабанно
Песню скорби последнего дня
И родня, утираясь жеманно,
С облегченьем покинет меня.

А наутро прозрачной ладонью
Я смету свой покров гробовой
И скажу голубому бездонью...
- Здравствуй мир! Я вернулся домой!

***

На заре, у туманного моря,
Когда души светлы и чисты,
В унисон зазвучали, не споря,
Мои песни, гитара и ты.
    Пел тебе о седых капитанах
    Бороздивших седые моря,
    И о том, как в неведомых странах
    Были песни, гитара и я.
Рассыпался словами в пространстве
Яркой кистью, рисуя мечты:
- Будут страны в весеннем убранстве!
Будут песни, гитара и ты!
    Мне подвластны и звёзды и солнце,
    Я ж в твоих коготках ночь и день!
    Страны дальние – свет мой в оконце!
    Рядом ты, - да гитарная пень.

Отцвели на бульварах каштаны,
Отлюбили, опали цветы,
Не зовут меня дальние страны,
Мои песни, гитара и ты!

***

Давно я не был так счастливо-пьяным,
Вдыхая тёрпкий хмель родных полей:
Осенний день, узором филигранным,
Рассыпал медь в вершинах тополей.
Шатёр небес, раскинув покрывала,
Укрыл собой, родную захолусть.
И так щемяще - нежно зазвучала
В душе моей навеянная грусть.

На обветшалой маковке церквушки
Склонился, словно выпив, тёмный крест.
Уже другие девочки-старушки
Пришли послушать светлый благовест.
Одев как в праздник яркие обновы,
Спеша занять отныне вечный пост
Идут, бедой целованные вдовы,
К моим друзьям на солнечный погост.
Не пощадили годы и обиды
Родной приют, что ждёт меня вдали.
И тополиный крон кареатида,
Согнувшись, держат краешек земли.
Куплетом чистым, светлым, недопетым
Растаял след ушедших юных лет.
И лист багряный, лёгким пируэтом,
Упал на плечи словно эполет!

Галина РОГОВАЯ

Доктор філософії, журналіст, перекладач, одна із керівників етнокультурного громадського руху в Молдові, авторка і ведуча телепрограми для українців Молдови «Світанок», очолює Товариство «Просвіта» ім. Т.Г. Шевченка. Авторка книжки для дітей «Дарунки святого Миколая» і поетического збірника «Присутність». За досягнення в розвитку української національної культури і зміцнення молдово-українських відносин удостоєна звання «Заслужений працівник культури України», Орден Святої княгині Ольги, медалі і нагороди Республіки Молдови. В основному, пише на українському мові.

ТЕРИТОРІЯ КОХАННЯ

Олександр

Не за колючим дротом,
І не в чаклунському колі,
А все ж я не маю волі –
Устряла в чіпке болото.

Не можу ніяк я вийти
За цю територію зрання,
За ці кордони кохання,
Що наче й не ти намітив...

І ніби дивлюся у вічі
Без болю і тріпотіння,
І ніби в думках обнадійних
Нам відокремлення зичу.

Приборкую пристрасть й радію
Остуді енергій між нами,
Будую містки словами,
Втекти ж по них не зумію.

Немає між нас любові,
І те, що було, вже скресло,
І те, що було б, занесли
Осінні вітри холодні.

Та все ж не можу я вийти
За цю територію зрання,
За ці кордони кохання,
Що наче й не ти намітив...

НЕПЕВНИМ

Слава Богу, діждала весни –
Знов топчу кучерявий ряст.
Збувши зиму в торішні сни,
Я святкую весну. Без вас.

Як льоди злилися з душі
Всі підступні й лихі слова,
Їх сточили теплі дощі,
І на ранах загойка нова.

А отут де я - одна,
Просвітали бентежні вітри,
Пробудили квітки до пори,
Що розквітли не в чергу, а в ряд.

Вщух мій біль, й усвідомила я,
Що мара не кидає тінь,
А відступність – невправний шлях
Споконвічних природних змін.

12 – Й РІК

Житиму тепер без тебе,
Без нікого і - без тебе,
Самотітиму без тебе
При заплаканім вікні

Сумуватиме без тебе,
І німітиме без тебе
Холоднітиме без тебе
Моя хата без гостей

Повірятиму без тебе,
Довірятиму без тебе,
Примовлятиму без тебе
Всі печалі лиш мені.

Опритомнію без тебе,
Обуденнію без тебе
Смакуватиму без тебе
Прозаїзм відомостей

ШОПЕН

Захотілося вронити руки,
Захотілось нічого не знати,
І, сховавшись в квіти і у звуки,
Безперечно з бувшим поквитатись.
Як? Навіщо? Літньою пори
Наздогнали муки зим метільних?..-
В музиці без зайвої хандри
Випручаюсь з пут надійних.

І тоді не треба бути вам,
І тоді не треба бути з вами,
Лиш мовчати, радісно мовчать,
У сонатах пристрасть вгамувавши...

СТРІТЕННЯ

Зима, угорнуга до брів у хутра,
Унизана у діаманти,
Умаяна в парфум і пудру,
З упевненістю інтригантки
Йде на побачення з весною.

Ошатна, як усі білянки –
Свої являє переваги,
Авжеж, покинута коханка,
Що випромінює зневагу:
Хто там рівняється зі мною?

З усього віна в самозванки
Балахуваті сиві очі,
А з шат усіх – легкі серпанки -
І цим вона зманути хоче
І переважить?- Ошуканка!

І сердиться зима, і прагне
Принизить весну – бесприданку.
Своїї цілі не досягне,
Бо переможе «самозванка» –
За юністю завжди звитяга.

Я знаю. Так колись вже було.
Так я стояла на кону.
Зневажливі слова не збулись:
Безсумнівні чесноти обминув
Й мене обрав він – юну і дурну .

О С Т А Н Н І Й Д Е Н Ь О С Е Н І

Золотаві квітки хризантем
При цямрині моєї душі,
Немов звої осінніх тем,
Пелюстками роняють вірші.

Про несиль вересневих зусиль
Подолати навалу ремств,
О порі гадючих весіль
Сподівання звигнути хрест.

Про холодні жовтневі дощі,
Що змочили крила моїх мрій,
Що розмили шляхи до прощі,
До затишку в Покрова стрій.

Про падіння стрімке в листопад,
Де, щоб душу від пекла спасти,
Грішне тіло в кривавий шмат
Зсік Михайло Архистратиг.

Золотаві квітки хризантем
На уста ловлять перший сніг.
Збувши прикрість осінніх тем,
Білий аркуш на долю ліг.

КАДЕНЦІЇ

Коли вечір тканням обережним
У одне полотно заплітає
Золотого дня мереживо
Й оксамити ночі потайні,

Коли сутінки день накривають
Серпанковою хусткою втоми,
І рука знемоги реалій
Затирає всі риси і зломи,

Коли тиша суєтність вгамовує,
Заплітає на ніч свої коси
І на квіти красою казковою
Розсипає перлинами роси,

Я захочу назвати словами
Почуття полохливі й непевні,
Та їх звук безпорадний, оманний
Лиш відлунням примариться з темені.

Як минулі роки незворотні,
Звуки ті, що народжує тиша,
Як дощу плюскотіння дрімотні,
Чарування тих слів заколише.

І уцент заміла й закохана
В те, чого і не викажеш мовою,
Переїду я межу у невимовне,
Я ступлю у потойбіч слова.

ОСІНЬ

Відійшли дні різнобарвні,
Все тепер – в золотих кольорах,
Сумувати не буду марно –
Свої чари в осінніх дарах.

В золотому кубельці осені –
Що його звива падолист,
Знесе птах із небесної просині,
Як яйце, до поезії хист.

МОРЕ НА СМАК

- Не сумуй, сказало море –
Не додасть до хвилі горе
Гіркоти.
- Не ридай, ласкаво просить –
Не всолонять твої сльози
Хвиль ропи.

Зачерпну в долоні хвилю,
Піднесу до вуст журливих-
Сіль – сльота.
Змию сльози я з обличчя,
Сплинуть безнадія – відчай –
Маяга.

Розведу ропою смуток,
Розчиню печалі труту –
Блекоту.

Замкну серце смаком моря,
Покладу на душу втори –
Німоту.

Стече з долі, як з долоні
Моря крапельки солоні,
Марнота.
Затишним гніздом зів'ється
У вгамованому серці
Самота.

CITY`S APLE TRE

Яблуня завітувала
На дні кам'яного двору –
Ніби в ущелину впала
Яса оболочного збору.

Ніби цілунок палкий
Втрапив в уста очерствілі,
Ніби метіль витівкий
Оздобив площинне тіло.

Ніби чиєсь душа
Видерлась з надр обіймів,
Образом зуспіша
Щонаймилішого імені.

Ніби благовістив
І записав на скрижалях
Янгол крилом святим
Заповідання жалю.

Ніби на сірий несмак
Насипано терпкої солі
І відчайдушність сама
Зігріла байдужість голу.

Ніби у фрез – квітчать
Безмовних квадратів зграї
Злетіли і цвірінчать
Про радість округлого раю.

Яблуня завітувала
На дні кам'яного двору –
Ніби на серце впало
Очікування скорі.

Наталья РОДИНА

По образованию – архитектор, по душевному состоянию – сказочница и лирическая поэтесса, по оценке близких – надежный друг. Активно печатается в республиканской и зарубежной периодике, автор нескольких книжек для детей. Ей близка тематика глубоких философских размышлений, непростых человеческих взаимоотношений, вселенской любви. Член Правления Ассоциации Русских писателей Республики Молдова – ответственный секретарь.

***

Объединяясь, две оси
Латают бездну день за днём
Наш мир тревожен и красив.
Пока мы любим, мы живём.

НЕ ВОЗЛЮБИВШИЙ ОТРОК

На гнев ты скор,
Не возлюбивший отрок,
Кто тишину взорвал
Потоком бранных слов.
На сердце глад и мор,
Мир резким криком вспорот,
Он хлещет, как напалм
И выжигает злом.

Медлительно в любви
Возлюбленное чадо.
С плеча ль тебе рубить
Пред хрупкостью седой?
Не умирай, живи!
Карабкайся из ада,
Чтоб душу не сгубить,
О, грешник! О, святой!

***

Мой Бог внутри меня,
Огороди мне душу.
Позволь найти слова
И не сорваться вниз, -
Ведь проще обвинять,
Не возведя, разрушить,
А после голосить,
Чтоб за грехи простил.

Речь состоит из слов,
Но их огнём сокрытым
Мы можем возродить,
А можем жизнь отнять.
Я повторяю вновь,
И свято, как молитва,
Что Бог внутри меня!
Любовь внутри меня!

КОШАЧЬЯ ЛЕНЬ

- Эти цветы, доченька, зовутся «анютины глазки»
- Мамочка, а где глазки?

Я подружилась с молчаливой тенью,
Что, прилипая, ластится к ногам,
И по ночам немой кошачьей ленью
Беру с собой к заветным берегам.

Каскады скал, озёр водовороты
И гроздя заполуденных дубрав,
И эхо заповедное из грота
Кошачью душу примут, не забрав.

Проложит зверь тропу к безмолвной лени,
Зажжётся цвет «анютиных очей»
Опустятся в траву жуки-олени,
И оживёт недвижимый ручей,

Что отражает вышитые светом
Подоблачные птичьи голоса
И впитывает благоуханье лета
И удивлённые кошачие глаза.

Два взгляда, но один из сновиденья,
Другой считает камешки на дне.
И наяву прозрачным привиденьем
Я буду жить в неведомой стране.

Я ПОЗНАЮ ТРАВУ СКВОЗЬ СТЕКЛО

Как в небесных полях пастырь солнце ходил,
Белорунных ягнят как на пажить водил.
В кучевые стада собирал и теснил, -
И рождалась вода в небесах для весны.

Чтоб, не медля, она, чтобы небом без дна
Умывалась, ясна - щебетунья весна.
Наряжалась в сирень, надевала фату.
В незапамятный день мне шептала: «Голубь...»

И ласкалась к руке, щекотала, шая.
И тянулась к щеке: «Ваша я...Ваша я...
Научите любить - я цвету! Воспою,
Чтобы сорванной быть на погибель свою.

Без родимых корней над землёй воспарить,
Долгих несколько дней ненаглядною быть
И апрель выдыхать в непроветренный дом,
И блаженною спать под дожди за окном.

Буду слышать, как птицы поют,
И приму тишину и уют.
Душно будет, но будет тепло.
Я познаю траву сквозь стекло.

БЕЗМОЛВНЫЙ ДИАЛОГ

Прохожие торопятся домой,
А тени первыми спешат скользнуть в квартиры,
Пусть за порогом ожидают не кумиры,
Но хриплый и диванный упокой.

На нитку дни нанизывает год
(как пригодилась припасённая копирка!),
Глядит фонарь на пыльную квартирку,
Спать не даёт, но в гости не идёт.

Он наклонился, чтобы по ночам
Ей не было ни страшно, ни темно
(с такой заботой он слепил окно,
что не нужны ни лампа, ни свеча).

Он за окном и зяб, и сох, и мок,
Он ей светил! (а ей казалось – дому).
Почти родные, но едва знакомы
Не пресекут безмолвный диалог.

Стена дороги – призрачный рубеж
Не для других, но для него запинка.
И посторонними исхожена тропинка –
Меж двух миров граница. Между. Меж.

Я – сумрачной фигурой у окна.
Размешиваю чай в пустом стакане,
И мерным эхом дразнит подстаканник,
И щёлкает кофейник без огня.

Хватаю воздух и пустышку пью,
И повторяю: «Ночью кошки серы.
Есть ожиданье, что мертво без веры.
Воскресло солнце, только я всё сплю».

Я РАЗБЕРУСЬ

О, зеркало моё, цветное фото! -
Смотрю в тебя и признаю с трудом.
Седая женщина, откройся, кто ты, кто ты? -
Нет, не теперь. Когда-нибудь потом.

Ещё вчера при свете лунной лампы
Я две косы упругие плела.
Я разберусь без мамы и без папы,
Откуда стрижка, что белым-бела.

Молчим и смотрим. И самим неловко
И телом, и душой не совпадать.
Качели-время оборвут страховку
И нас разделят раз и навсегда.

Недоуменье прерываю вздохом.
Разглаживая чёрточки морщин.
Да, женщина моя, тебя мы знаем плохо,
Знакомиться поближе не спешим.

ДЕДУШКА АУ

Когда мы за руки, вдвоём, –
И ангелы вослед за нами.
А нынче... дитяtko твоё
Молчит и старится слезами.

И склеенный воздушный змей
Лежит плашмя, не ворохнётся.
Затее будущей моей,
Подмигивая, не смеётся.

Но верю – щедростью души
Мир станет цельным из осколков.
Пускай рука к руке спешит,
Как мать спешит на зов ребёнка.

Вернётся дедушка Ау,
И мы запустим в небо змея,
И я надеяться посмею,
И ожиданье призову.

ДРУГОМУ И НЕ БЫТЬ

И посоха не надобно –
С молитвою шагнуть.
Свеча и запах ладана
Ей облегчают путь.

За памятью, вне времени
И греет, и роднит
Рука отца на темени
Хранит её, хранит.

Так в мире переменчивом –
Другому и не быть –
Обманутая женщина
Рискнула полюбить.

БЕЗУМНОЕ СЧАСТЬЕ

*Два удара. Два года. На башне
Бой. – Как бомба над головой.
С одиночеством в рукопашную
Бьётся только один рядовой.*

Темнотой остывающей вышита,
Духотою истомлена.
Мой возлюбленный, волей Всевышнего,
Вечеряет со мной тишина.

И обманчивым Вашим присутствием
Наполняется призрачный дом.
Неудобное ложе Прокрустово
Нынче впору, где мы не вдвоём.

И в молчании нашем поэтика.
Вы вздохнули. Вздохнула и я.
Затекает в морщины косметика,
И нестойки помады края.

Ваше сердце не знало усталости.
Вы любили меня прозапас.
В полумраке я прячусь от старости,
Чтобы днём не расстраивать Вас.

Вы глядите, не видя условности,
Нарисованных временем лет.
Я для Вас – не женщина в возрасте:
У возлюбленных возраста нет.

Вы ко мне приклонились участливо,
Убеждая в своём постоянстве.
Я безумна. Безумно я счастлива.
Я дышу в безвоздушном пространстве.

ПАЛЬЧИК В ОТРАЖЕНИИ

– А на Балканах ранняя весна, –
И пальчиком в глаза мне тычет...тычет
(а наша припозднилась, вот и хнычет,
из-под порога воет, из окна).

Дотыкалась...и ногтем накладным
Проткнула отраженье на экране
Царапнула, как по зудящей ране,
И пожелала тёплых выходных.

Здесь, надо мной, из дома твоего
Смеётся солнце. В Праге плюс четыре.
Как много запертой меня в стенах квартиры.
Прогноз погоды. И не более того.

ОДНАЖДЫ СОЛНЕЧНЫЙ МИРАЖ

Я вижу город за лесами
Под огненной черепицей,
Зверей безусых и с усами,
И жеребёнка с кобылицей.

Сшивает горизонт дежурный,
И швы внахлест ложатся ладно:
Волнисто - в море и ажурно -
От брызг, над рощами - прохладно.

За мухой носится кот Понтик
Из непридуманной породы,
И в облаках порхает зонтик,
И с ними водит хороводы.

И неразлучники бок о бок
Птенцов прилежно нота́м учат,

Чтоб не сфальшивили и чтобы
До смерти были неразлучны.

В нём приникает мать к младенцу,
И незабудка к незабудке,
Льнёт сердце к маленькому сердцу,
И поцелуи к тёплой грудке.

Мой город свят. Мой город светел.
И тих, как чадо в колыбели.
В нём дождь идёт. Балует ветер,
Когда храпит супрут в постели.

Он мой!.. и мною сотворённый,
Мой тайный, сокровенный страж,
Молитвами заговорённый,
Однажды Солнечный Мираж.

Я... ВЫ...

Ах, как годы пролетели,
За неделю неделя
Пробегают чередой.
Я седая... Вы седой...

Возвратилась Радуга,
Одарила радостью,
И растаяла, легка,
Распухась на облака.

Вы влюбились... Я влюбилась...
И занозою вонзилась,
Тайно в сердце поселилась,
Уголочки осветила,

Крошка, точечка – жучок,
И горит, как светлячок,
Маленькая нежность,
Прячась под одеждой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОЭЗИЯ

Богдан Ант	6
Андрей Орловский	7
Андрей Костинский	10
Милана Васильева	12
Антон Метельков	14
Александр Курапцев	16
Алина Гладкова	17
Валентина Люлич	18
Валерий Стариков	23
Вера Агаркова	25
Виктория Агатова	27
Виталий Кузьменко	30
Галина Бабак	32
Герман Титов	36
Евгений Кривочуприн	40
Евгения Баранова	41
Дмитрий Жуков	45
Леонид Шептовицкий	48
Лина Львова	49
Марина Банделюк	52
Мария Ус	56
Юрий Шкурко	57
Сергей Данюшин	58
Ольга Смольницка	60
Наталья Нестерова	66
Михаил Зубарев	70
Марина Гуртовая	72
Анжела Арсенова	74

ПРОЗА

Алексей Карелин	80
Анжела Арсенова	95
Елена Амберова	98
Илья Колтунов	108
Павел Колесник	109
Сергей Огиенко	111
Николай Купин	113

СТАТЬИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Станислав Минаков	120
Юлия Куликова	127

ПУБЛИКАЦИИ

Свирель Молдовы	134
-----------------	-----

Литературно-художественное издание

ЛАВА

проект клуба поэзии АВАЛ

Концепция номера,
вёрстка, дизайн – Герман Титов

Сдано в набор 25.09.2012.
Подписано в печать 26.09.2012
Формат 170x297/16 Бумага офсетная
Печать офсет. Тираж 350экз.

Типография ЧИПП «Слово»
61024 г. Харьков ул. Лермонтовская,27
тел./факс (057) 7192195
Свидетельство о внесении
в государственный реестр:
ХК № 214 от 21.11.2007г.

